РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Книга 29 и 30.

Е. Н. ЧИРИКОВЪ

ОТЧІЙ ДОМЪ

РОМАНЪ

Томъ IV и V

БѢЛГРАДЪ

1931

ЕВГЕНІИ ЧИРИКОВЪ

ОТЧІЙ ДОМЪ

(Семейная хроника).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

«Сказалъ имъ: можетъ-ли слѣпой вести слѣпого? Не упадутъ-ли оба въ яму?»

БѢЛГРАДЪ
1931

БѢЛГРАДЪ.
„Русская Типографія“ — улица Жоржа Клемансо 25.
1931.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Когда-то и критика и читатель жаловались на то, что вся наша литература и искусство пропахли „мужикомъ“ и что даже въ великосвѣтскихъ салонахъ и гостинныхъ воняетъ „мужицкой избой“...

Давно прошли эти времена. „Мужикъ“ пропалъ со всѣхъ горизонтовъ искусства и литературы. Только одинокое „Русское богатство“, гдѣ отсиживались обломки разгромленнаго народничества, съ Михайловскимъ и Короленкой во главѣ, продолжало во всѣхъ своихъ отдѣлахъ долбить русскому человѣку, что въ огромномъ царствѣ, гдѣ „мужикъ“ остается основнымъ кормильцемъ и защитникомъ государства, мужика никакъ не скинешь со счетовъ русской экономической и политической жизни.

Царь и его правительство по прежнему стремились укрѣпить тронъ на „дворянинѣ“, а новая идеологическая интеллигенція, сотворившая себѣ кумира изъ „рабочаго“, превратила „мужика“ въ нѣкоторую алгебраическую величину съ отрицательнымъ знакомъ, съ которой всетаки необходимо было считаться при разрѣшеніи задачи построенія соціалистическаго рая по рецептамъ новаго своего евангелія отъ Карла Маркса. По этимъ рецептамъ надлежало „выварить мужика въ фабричномъ котлѣ“. Итакъ, для правительства—только дойная корова, тер-

пѣливая и выносливая, для интеллигенціи — сырье для выдѣлки необходимаго пролетаріата...

Но все это тамъ, далеко, въ столицахъ, гдѣ рѣшались судьбы мужицкаго царства безъ мужика, гдѣ всякія операціи надъ нимъ производились, какъ научные опыты надъ кроликомъ, гдѣ всегда за мужика и отъ имени мужика думали, говорили и рѣшали правительство, интеллигенція и „первенствующее сословіе“, дворянство. На необъятныхъ просторахъ русской земли мужикъ былъ молчаливъ, терпѣливъ и кротокъ:

— Мы люди темные. Вамъ, господамъ, виднѣе...

Но случалось, что и мужикъ, потерявши кротость и терпѣніе, неожиданно и безъ разрѣшенія заговаривалъ и ужъ если заговаривалъ, то не иначе, какъ съ топорами, вилами и кольями въ рукахъ.

Эти мужицкіе разговоры сперва назывались „стихійными движеніями русскаго народа“, потомъ бунтами, теперь — аграрными безпорядками.

Въ 1579 году — разбойникъ Ермакъ. Прошло сто лѣтъ — Стенька Разинъ. Еще черезъ сто лѣтъ — Емелька Пугачевъ. Аккуратно чрезъ каждые сто лѣтъ заговаривали неспрошенные.

Не знаменовала-ли самая повторность этихъ, хотя „жестокихъ и безсмысленныхъ“ по выраженію поэта бунтовъ, что въ самомъ фундаментѣ нашего государственнаго строительства имѣлась какая-то архитектурная ошибка, приводящая все государство къ періодическимъ потрясеніямъ? И, при всей своей жестокости и кровожадности, такъ-ли ужъ они безсмысленны?

Разбойники-то очень ужъ необыкновенные! Вонъ Ермакъ удостоился впослѣдствіи памятниковъ. Стенька Разинъ выставлялъ цѣлью своего разбойнаго похода освобожденіе народа отъ боярской неволи и приказныхъ и высказывалъ намѣреніе перестроить всю Русь по вольному казачьему устроенію. А Емелька Пугачевъ вотъ какой манифестъ къ народу выпустилъ:

..."Жалуемъ всѣхъ, находящихся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, вѣрноподданными нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою (т. е. свободой религіозной совѣсти для того времени), вольностью и свободою, не требуя подушныхъ и прочихъ податей, землями лѣсными и сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, солеными озерами, головами и бородами, и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ-дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей отягощеніевъ крестьянамъ".

Развѣ тутъ нѣтъ мысли, идеи бунта? Развѣ не болѣе безсмысленна идея просвѣщеннаго науками идеолога — выварить 60 милліоновъ мужиковъ въ фабричномъ котлѣ?..

Разбойные бунты жестоко усмирялись. Народъ надолго замолкалъ и смирялся. Просвѣщенные и культурные сословія и правительство успокаивались и погружались въ безпечность. И все оставалось по старому...

Съ большой вѣроятностью можно было-бы предсказать, что черезъ сто лѣтъ послѣ Емельки Пугачева снова появился-бы какой-нибудь разбойникъ и увлекъ-бы за собою мужика къ новому бунту. По законамъ исторической статистики это должно было случиться въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но на дорогѣ къ этому бунту всталъ умный, предусмотрительный царь, Александръ II, и въ 1861 году предупредилъ бунтъ манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного рабства.

Царь сказалъ неразумному дворянству:

Лучше освободить народъ сверху, чѣмъ ждать, когда освобожденіе придетъ снизу!

Однако неразумные и тутъ помѣшали: великая реформа освобожденія народа оказалась сильно укороченной сравнительно съ первоначальными планами царя и его сподвижниковъ, укороченной въ интересахъ дворянства. Она не оправдала надеждъ и ожиданій крестьянства.

Немногіе честные и прозорливые люди изъ того-же дворянства предупреждали царя и предсказывали, что это ввергнетъ Россію въ будущемъ въ величайшія бѣдствія и потрясенія. Но сила оказалась на сторонѣ тѣхъ, которые привыкли строить свое благосостояніе на рабствѣ и кротости народа...

И какъ только совершилась эта историческая ошибка, мужикъ снова заговорилъ на своемъ страшномъ языкѣ съ властями и помѣщиками: втеченіе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ паденія крѣпостного рабства было болѣе тысячи народныхъ бунтовъ и возстаній!

Народъ не хотѣлъ признать царскаго манифеста, называлъ его „подмѣннымъ“ и считалъ себя и царя обманутыми со стороны господъ и подкупленныхъ ими чиновниковъ.

Слѣпцы по монастырямъ, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, жалобно пѣли:

Кривда Правду переспорила
Ушла Правда къ Богу на небо,
Пошла Кривда по землѣ гулять
И отъ Кривды земля всколебалася!

А мужики съ бабами вздыхали и утѣшали себя терпѣливой надеждою:

— Богъ правду-то видитъ, да не скоро ее сказываетъ... Потерпимъ ужъ...

Великія реформы царя-освободителя ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи не сдѣлали мужика равноправнымъ со всѣми другими сословіями жителемъ. Мужикъ не сдѣлался собственникомъ земли, которую обрабатываетъ: она принадлежала общинѣ и подвергалась передѣламъ. Для мужика былъ оставленъ особый волостной судъ, который, руководствуясь обычнымъ правомъ, могъ подвергать мужика тѣлесному наказанію, поркѣ розгами. Мужикъ былъ ограниченъ въ правахъ передвиженія и отлучки изъ мѣста своего по-

стояннаго жительства. Вмѣсто прежняго единаго господина, помѣщика, онъ очутился подъ опекою множества всякихъ властей, а съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, большинство которыхъ принадлежало къ дворянскому сословію, въ концѣ концовъ, попалъ и подъ опеку помѣщиковъ, у которыхъ вынужденъ былъ, за недостаткомъ надѣльной земли, арендовать ее, часто по чрезмѣрно повышеннымъ цѣнамъ... Помимо всего этого мужикъ, какъ плательщикъ всякихъ налоговъ, былъ связанъ „круговою порукою“: исполнивъ свой личный долгъ передъ государствомъ, мужикъ обязанъ былъ платить налоги за тѣхъ членовъ общины, которые оказались неплатежеспособными...

Полусвободный гражданинъ второго сорта! Общая дойная корова.

Россія въѣзжала въ ворота XX столѣтія съ хроническими „голодными годами“, съ эпидеміями, съ вспыхивающими то тамъ, то сямъ аграрными безпорядками. И вотъ, что было странно: народъ хирѣлъ, бѣднѣлъ, несъ непосильную налоговую тягу, а между тѣмъ государство богатѣло. Государственный бюджетъ быстро приближался къ двумъ билліонамъ рублей, въ полтора раза обгоняя бюджеты Англіи, Франціи и Германіи. Два послѣднихъ года XIX столѣтія ознаменовались неслыханнымъ подъемомъ промышленности...

Въ чемъ разгадка этого чуда?

Государственный контролеръ еще въ 1896 году, въ своемъ отчетѣ царю, заявилъ: „платежныя силы находятся въ чрезмѣрномъ напряженіи“.

Для мужика въ „мужицкомъ царствѣ“ сахаръ былъ непосильной по цѣнѣ роскошью, между тѣмъ какъ въ Англіи русскимъ сахаромъ откармливали свиней!

Какъ расцвѣтшая промышленность, такъ и государственная поддержка раззоряющагося и разлагающагося дворянства, именуемаго „опорою трона“, держались ис-

ключительно на выносливой и многотерпѣливой мужицкой спинѣ...

Благополучный бюджетъ и ростъ промышленности какъ будто-бы свидѣтельствовалъ о томъ, что мы быстро догоняемъ на своей Гоголевской „русской тройкѣ“ Европу, а вотъ мужикъ, какъ говорится, портитъ всю музыку: то голодаетъ, то бунтуетъ, не желаетъ „вывариваться въ фабричномъ котлѣ“ и кричитъ: — Земля ничья, она Божія! Не затѣмъ она Господомъ сотворена, чтобы помѣщики ее намъ въ аренду сдавали!

Мужикъ никакъ не могъ понять, что земельная собственность священна, неприкосновенна, и своимъ правовымъ невѣжествомъ ставилъ въ щекотливое положеніе и царя и правительство, строящихъ свою опору на земельномъ дворянствѣ. Придворныя сферы были набиты представителями крупнаго земельнаго дворянства, и мужицкій вопль о землѣ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, между тѣмъ, какъ „Союзъ объединеннаго дворянства“ всегда незримо присутствовалъ пр царскомъ дворѣ...

Молодой царь, необладавшій ни твердой волею отца, ни государственнымъ кругозоромъ, необходимымъ для самодержавнаго властелина огромнаго царства, всегда неувѣренный въ себѣ и искавшій помощи въ окружающихъ, къ великому несчастію Россіи, не обладалъ еще и даромъ удачнаго выбора помощниковъ. Большинство быстро мѣнявшихся министровъ не столько думали о Россіи и народѣ, сколько торопились, при помощи придворной дворянской камарильи, сдѣлать блестящую карьеру. Единственнымъ подлиннымъ государственнымъ человѣкомъ былъ министръ финансовъ Витте, но его царь получилъ вмѣстѣ съ престоломъ отъ покойнаго отца. Нужны были по истинѣ мудрость змія и хитрость лисы, чтобы, лавируя между разбрасываемыми придворной камарильей минами, такъ долго оставаться у кормила государственнаго корабля н, незамѣтно и вопреки господ-

ствующей около царя кликѣ, поворочивать руль отъ дворянско-крѣпостныхъ береговъ въ открытое море свободнаго плаванія... Вотъ этотъ единственный государственный человѣкъ при царѣ, только одинъ и понималъ, что первенствующее по своему значенію для государства сословіе — не дворянство, а крестьянство.

Одинъ въ полѣ воинъ!

Не поставимъ поэтому въ судъ или осужденіе, что временами ему приходилось изобрѣтать такіе способы, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы...

Мужикъ все чаще и чаще заговаривалъ на своемъ антигосударственномъ языкѣ о землѣ и волѣ. Придворная обстановка дворянскаго засилія мѣшала коренному разрѣшенію крестьянскаго вопроса, между тѣмъ что-то сдѣлать было необходимо немедленно. Витте прибѣгнулъ, такъ сказать, къ „домашнему средству“: чтобы хотя на время отвлечь мужицкія вожделѣнія отъ помѣщичьей земли, онъ предложилъ царю планъ великаго переселенія малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ въ Сибирь, по линіи магистрали Сибирской желѣзной дороги. Пусть они заселяють Сибирскія пустыни, колонизируя малолюдныя края дальняго востока!

Насколько было трудно тогда что-нибудь сдѣлать въ пользу и благо народа, какъ опасно было прикасаться къ этой государственной болячкѣ, — показываетъ то обстоятельство, что даже этотъ безгрѣшный планъ до смерти напугалъ помѣщиковъ, крупныхъ магнатовъ землевладѣлія: вѣдь мужикъ хлынетъ въ Сибирь, а это удорожитъ крестьянскій трудъ, уронитъ арендную плату на землю, раскроетъ предъ мужикомъ горизонты и породитъ въ немъ стремленія къ вольностямъ! Въ результатѣ большой переполохъ въ придворныхъ дворянскихъ сферахъ. Проэктъ Витте признанъ опаснымъ не только для первенствующаго въ странѣ сословія, но и для самого государства, а авторъ проэкта заподозрѣнъ въ „массонствѣ“ и прозванъ при дворѣ, „краснымъ министромъ“.

Дворянство почуяло въ этомъ министрѣ невыгоднаго для своихъ интересовъ реформатора и съ одной стороны спѣшило укрѣпить свои позиціи при Дворѣ и въ правительствѣ, съ другой стороны — уронить вліяніе Витте на молодого царя. Главнымъ средствомъ для этого служило пробужденіе въ царѣ подозрительности: не кроется-ли въ тайныхъ замыслахъ государственнаго человѣка покушеній на самодержавіе и его устои? Однимъ изъ главныхъ устоевъ является дворянство. Вотъ эту опору трона и слѣдуетъ укрѣпить прежде всего. Для этого необходимо всѣми мѣрами сохранить землю въ рукахъ помѣстнаго дворянства, остановить его оскудѣніе, поддержать его падающій престижъ. Между тѣмъ министръ финансовъ не проявляетъ въ этомъ отношеніи ннкакой инициативы, а напротивъ: тормозитъ это основное дѣло.

Вмѣсто того чтобы открыть совѣщаніе по вопросу о поднятіи благостоянія крестьянъ, молодой царь, подъ воздѣйствіемъ сильнаго своими связями при Дворѣ дворянства, открываетъ въ 1895 году „Коммисію по дворянскому вопросу“, программа которой весьма откровенно раскрывала желаніе оскудѣвающаго дворянства пополнить свои пустующіе карманы за счетъ государственной казны, разбогатѣвшей главнымъ образомъ путемъ чрезмѣрнаго напряженія мужицкой спины...

Первое торжественное засѣданіе этой Коммисіи ознаменовалось крупнымъ государственнымъ скандаломъ. Послѣ привѣтственныхъ рѣчей, главное содержаніе которыхъ заключалось въ экскурсіяхъ ораторовъ въ отечественную исторію, съ цѣлью доказать, что какъ образованіе, такъ и существованіе Россійской имперіи обязано главнымъ образомъ дворянству, — выступилъ „красный министръ“ и началъ говорить, что дворянамъ не можетъ быть хорошо, если плохо крестьянамъ:

— Я нахожу, что дворянское совѣщаніе поступитъ правильно, если прежде всего займется вопросомъ о благосостояніи крестьянъ!

Рѣчь Витте разорвалась бомбой въ торжественной обстановкѣ дворянскихъ гусей, гордившихся тѣмъ, что ихъ предки спасли Римъ!

Эта внезапно разорвавшаяся бомба такъ ошеломила все благородное собраніе, что предсѣдатель, министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, прервалъ засѣданіе и объявилъ, что онъ долженъ испросить указаній Его Величества, прежде чѣмъ продолжать совѣщаніе.

По истинѣ „скандалъ въ благородномъ семействѣ“!

Зато какой удобный случай — спихнуть съ дворянскаго пути врага своего!

Какова была бесѣда у царя съ предсѣдателемъ Коммисіи, — объ этомъ исторія умалчиваетъ, но вотъ что произошло на слѣдующемъ засѣданіи.

Министръ открылъ засѣданіе объявленіемъ слѣдующаго Высочайшаго повелѣнія:

— Государю благоугодно было назначить Коммиссію для изысканія средствъ къ улучшенію положенія русскаго д в о р я н с т в а, а не крестьянства, а потому Коммиссія не должна затрагивать крестьянскій вопросъ!

Молодой царь былъ возмущенъ и озадаченъ: не массонъ-ли, не тайный-ли революціонеръ этотъ Витте?

Было-бы ошибкою думать, что министръ финансовъ Витте питалъ особенно благожелательныя чувства къ русскому мужику. Нѣтъ, онъ только, при своей государственной дальнозоркости, понималъ, что мужикъ, эта дойная государственная корова, можетъ давать золотое молоко для всѣхъ нуждъ государства, и въ томъ числѣ для подкармливанія расползающагося дворянства, лишь въ томъ случаѣ, если сама корова поправится отъ своей худобы и получитъ должный разумный уходъ со стороны доящихъ...

Вскорѣ послѣ этого скандала по всей Россіи стала гулять крамольная открытка, съ картиночкой: худющій мужиченко пашетъ на худой лошаденкѣ свою худую землицу, а за сохой, слѣдомъ за мужикомъ, идутъ, съ

большими ложками въ рукѣ, семь человѣкъ, олицетворяющихъ представителей власти и культурныхъ сословій, съ надписью внизу:

„Одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой".

II.

Нетерпѣливый читатель можетъ спросить автора:

— Какое отношеніе все, что выше написано, можетъ имѣть къ „Отчему Дому" и его героямъ? Зачѣмъ автору понадобились эти вылазки изъ предѣловъ семейной хроники Симбирскихъ дворянъ Кудышевыхъ въ область общей государственной жизни?

Критики тоже недовольны авторомъ: одни заподазриваютъ его въ желаніи нанести ударъ влѣво, другіе — вправо, въ намѣреніи кого-то обвинить, а кого-то оправдать. Такъ, одинъ критикъ назвалъ мою хронику обвинительнымъ актомъ противъ всей русской интеллигенціи, другой обвинилъ автора въ намѣреніи взвалить всю тягу отвѣтственности за революціонную катастрофу на плечи вождей старой Императорской Россіи, во главѣ съ трагически погибшимъ царемъ...

Несомнѣнно, что и критики, въ той или другой степени, отражаютъ впечатлѣнія читателей.

Я думаю, что эти обвиненія, такія противорѣчивыя по своему содержанію, основаны на томъ, что большинство изъ насъ утратило историческую перспективу, а меньшинство и совсѣмъ ея не имѣло и нынѣ не имѣетъ. И тѣ и другіе во власти закона личной психологіи: „что прошло, то будетъ мило", тѣмъ болѣе, что наше настоящее по сравненію съ прошлымъ можно уподобить самочувствію изгнанныхъ изъ Рая прародителей нашихъ...

Такіе, безъ исторической перспективы, смотрятъ на нашу революцію, какъ на скверное историческое происшествіе и ищутъ виноватыхъ только среди своихъ современниковъ. Для однихъ все зло проистекло отъ

интеллигенціи, для другихъ — „отъ жидовъ“, для третьихъ — отъ революціонеровъ, для четвертыхъ все зло вообще въ „отцахъ“. Есть и такіе, которые все зло усматриваютъ либо въ Витте, либо въ Милюковѣ съ Керенскимъ...

Такіе забываютъ, что настоящее рождается изъ прошлаго, а будущее изъ настоящаго, и что ихъ никакъ нельзя разорвать; забываютъ, что въ исторіи существуетъ своеобразная „круговая порука“ поколѣній и что колесо исторіи не поворачивается и не останавливается по волѣ и желанію, даже по приказу, самодержавнаго императора. Не хотятъ знать и того, что революціи не сваливаются съ небесъ, а подготовляются долгимъ историческимъ процессомъ...

Вотъ только этотъ историческій процессъ мнѣ и хотѣлось отразить въ семейной хроникѣ.

Эпиграфомъ къ ней я взялъ Евангельскія слова; „Можетъ-ли слѣпой водить слѣпого? не оба-ли упадутъ въ яму?“

Кто-же былъ историческимъ поводыремъ темнаго, а потому и слѣпого, русскаго народа?

Цари, правители, культурныя сословія, духовенство, интеллигенція. Это и есть нашъ общій національно-государственный „Отчій Домъ“. Какъ-же было автору обойтись безъ этого главнаго дома, когда Кудышевскій отчій домъ — только миніатюра этого общаго дома? Вѣдь мой „Отчій Домъ“ подобенъ капелькѣ расплавленнаго зеркала, въ которой съ исторической неизбѣжностью должны отразиться всѣ добродѣтели и пороки нашего историческаго бытія...

Въ мою задачу вовсе не входилъ судъ надъ современниками, желаніе выловить изъ нихъ виноватыхъ. Я имѣлъ намѣреніе показать историческую поруку поколѣній, въ которой нѣтъ невиноватыхъ...

Вотъ вамъ примѣръ. Отмѣчая разрушительныя тенденціи нашей интеллигенціи, я все-же не скрылъ, что

та-же интеллигенція, со дня Манифеста о раскрѣпощеніи крестьянъ, неустанно твердила о необходимости коренной земельной реформы, народнаго просвѣщенія, превращенія мужика въ полноправнаго гражданина. Развѣ не ту же цѣль, но лишь съ большимъ опозданіемъ, выставилъ въ концѣ-концовъ единственный государственный человѣкъ въ правительствѣ царя Николая II, Витте?

Вотъ какое письмо написалъ онъ царю въ 1898 году:

... „Крымская война открыла глаза наиболѣе зрячимъ. Они сознали, что Россія не можетъ быть сильна при режимѣ, покоящемся на рабствѣ. Вашъ великій дѣдъ самодержавнымъ мечемъ разрубилъ Гордіевъ узелъ. Онъ выкупилъ душу и тѣло своего народа у ихъ владѣльцевъ. Россія преобразилась, она удесятерила свой умъ и свои познанія. Императоръ Амександръ II сдѣлалъ крестьянъ свободными сынами своего отечества. Императоръ Александръ III, поглощенный возстановленіемъ международнаго положенія и укрѣпленіемъ боевыхъ силъ, не успѣлъ довершить дѣло своего отца. Эта задача осталась въ наслѣдство Вашему Императорскому Величеству. Она выполнима и ее необходимо выполнить. Крестьнство освобождено отъ рабовладѣльцевъ, но этого недостаточно: необходимо еще освободить его отъ рабства произвола, беззаконности и невѣжества. Отъ этого неустройства проистекаютъ всѣ тѣ явленія, которыя, какъ надоѣдливыя болячки, постоянно даютъ себя чувствовать...

Государь! Государство, при настоящемъ положеніи крестьянъ, не можетъ идти впередъ. То голодъ, то земельный кризисъ, то безпорядки, а въ это-же время поднимается вопросъ о доблестяхъ отдѣльныхъ сословій и даже о поддержкѣ ими престола!.. Боже, сохрани Россію отъ престола, опирающагося не на весь народъ, а на отдѣльныя сословія! Весь вопросъ въ крестьянскомъ неустройствѣ. Тамъ, гдѣ плохо овцамъ, плохо и овцеводамъ. Между тѣмъ развитіе Россіи требуетъ все новыхъ

и новыхъ расходовъ. Расходы эти по количеству населенія не такъ велики, но они непосильны для крестьянъ по неустройству ихъ быта. Это — великая радость для всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ самодержавія! Здѣсь благодатное поле для всякихъ вражескихъ дѣйствій. Крестьянскій вопросъ является нынѣ первостепеннымъ вопросомъ жизни Россіи. Отъ Васъ, Государь, зависитъ сдѣлать врученный Богомъ Вашему попеченію народъ счастливымъ и тѣмъ открыть новые пути возвеличенію Вашей имперіи"...

Голосъ вопіющаго въ пустынѣ!

Царь два года отмалчивался. Но наступилъ 1901 г., и кроткій и терпѣливый мужикъ заговорилъ снова на своемъ страшномъ языкѣ. Бурная волна крестьянскихъ волненій и бунтовъ покатилася съ юга, откуда писали въ столичныя газеты:

..."У насъ въ воздухѣ виситъ что-то зловѣщее. Каждый день на горизонтахъ — зарево пожаровъ. По землѣ стелется по вечерамъ кровавый туманъ. Нельзя пройти по деревнѣ, не услыхавъ угрозы. Надо уѣхать, пока не сожгли или не повѣсили на воротахъ"...

Впрочемъ, не одни помѣщики жили въ тревогѣ и смутномъ предчувствіи близкихъ политическихъ вихрей. Вотъ уже два года, какъ вся культурная Россія пребываетъ въ тревогѣ и возбужденіи; студенческіе безпорядки, забастовки на фабрикахъ и заводахъ, демонстраціи съ красными флагами, убійство министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова студентомъ Карповичемъ, отлученіе Льва Толстого отъ церкви, борьба земскаго и городского самоуправленій за отнимаемые у нихъ права, тайные съѣзды, съ направленными противъ самодержавной власти резолюціями — все это однихъ пугало, другихъ радовало и всѣхъ заставляло терять душевное спокойствіе, пребывать въ непрестанномъ нервномъ возбужденіи. Одни боялись революціи, другіе ждали эту желанную гостью. А тутъ вдругъ, словно на подмогу

явнымъ и тайнымъ врагамъ самодержавія, — крестьянскіе бунты, расползавшіеся съ юга во всѣ стороны...

Правительство и придворная дворянская камарилья пришли въ испуганное замѣшательство и впервые усумнились въ чудодѣйственной силѣ полицейскаго кулака. Интеллигентской крамолы на верхахъ отвыкли бояться но крамола сверху, подкрѣпляемая бунтами снизу, не на шутку испугала и царя и всю „опору трона".

Царь вспомнилъ о совѣтахъ министра Витте, о его позабытомъ дерзкомъ письмѣ въ Крымъ. Что-то надо поскорѣе предпринять. Кто научитъ? кто скажетъ правду? гдѣ умные и мудрые?

Царь съ тревогою озирался по сторонамъ и мысленный взоръ его неизбѣжно упирался все въ того-же единственнаго государственнаго человѣка, въ умѣ котораго царь никогда не сомнѣвался...

Такъ возникъ проэктъ особаго совѣшанія, если не спеціально по крестьянскому вопросу, то все-же весьма къ нему близкому, съ компромиснымъ наименованіемъ „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности"...

Однако скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается. Когда-то тамъ еще сорганизуется и начнетъ дѣйствовать особое совѣщаніе, да когда-то его работы и постановленія начнутъ воплощаться въ разныя государственныя реформы, долженствующія успокоить бунтующаго мужика, а пока необходимо принять экстренныя мѣры для локализаціи и тушенія расползающагося пожарища. Тутъ ничего новаго пока не придумано даже умнымъ министромъ финансовъ... Да и не его это дѣло. Хотя по дѣйствующимъ законамъ тѣлесныя наказанія на мужика можетъ налагать только мужицкій-же волостной судъ (пусть мужикъ самъ себя поретъ!), но въ такихъ случаяхъ власть не привыкла считаться съ законами вообще: стрѣляли, пороли, арестовывали, а потомъ уже предавали суду и наказывали по уголовному кодексу.

Такія крутыя расправы временно успокаивали мужиковъ, но успокоеніе это, конечно, было обманчивымъ. Вся боль и обида пряталась въ глубину мужицкой души и тамъ тайно гнѣздилась подъ обликомъ внѣшняго раскаянія и смиренія. Этими крутыми экзекуціями власть уподоблялась тому человѣку, который, посѣявъ вѣтеръ, долженъ пожать бурю...

Невозвратно прошли для Россіи тѣ времена, когда

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ — вѣковая тишина...

Въ столицахъ кипѣла не только словесная, а подлинная революціонная война съ правительствомъ, а тамъ, во глубинѣ Россіи, не стало прежней идиллической тишины и сладостной дремотности.

„Русь! Куда ты мчишься?“

„Русская тройка“ точно вырвала возжи изъ рукъ ямщика и, въѣхавъ въ ворота XX столѣтія, понесла сѣдоковъ безъ пути и дороги, съ какой-то роковой предопредѣленностью, къ крутому обрыву... надъ пропастью.

III.

Симбирскъ съ давнихъ временъ считался столицею русскаго столбового дворянства, и потому дворяне Симбирской губерніи давно уже чувствовали себя какъ-бы именинниками. Если дворянство вообще — опора царскаго трона, то симбирцы — въ первую голову. Однако нигдѣ въ такой степени не чувствовался разгромъ и вырожденіе дворянскаго сословія, какъ именно въ Симбирской губерніи. Съ одной стороны горсточка уцѣлѣвшихъ „зубровъ“ и „бегемотовъ“, продолжающихъ владѣть огромными территоріями, породнившихся съ бога-

тыми купцами и, въ компаніи съ ними, бравшихъ разные казенные подряды; съ другой стороны дворянская мелкота, матеріальное и духовное убожество, полное „Митрофанушекъ“ и обѣднѣвшихъ героевъ изъ Гоголевскихъ „Мертвыхъ душъ“, казавшихся непохороненными покойниками.

Такова была здѣсь „опора трона“..,

Оба вида этихъ дворянъ, одинъ отъ огромныхъ аппетитовъ, другой — отъ бѣдности и убожества, почувствовали возможность всякихъ даяній съ высоты престола и торопились использовать заслуги своихъ предковъ чрезъ своихъ предводителей. Сплотившись въ Симбирское отдѣленіе „Союза объединеннаго дворянства“ они шумно манифестировали свой патріотизмъ и свою преданность царю и отечеству.

Въ оппозиціи къ этой опорѣ трона стояли въ губерніи маленькая кучка подобныхъ Павлу Николаевичу вольнодумныхъ либеральныхъ дворянъ-помѣщиковъ и такъ называемый „третій элементъ“ земскаго и городского самоуправленія, служившій по вольному найму въ качествѣ различныхъ спеціалистовъ: статистики, агрономы, врачи и фельдшера, акушерки, инженеры и техники, землемѣры, учителя. Правда, многіе изъ нихъ по документамъ числились еще дворянами, но ни земли, ни другой недвижимой собственности не имѣли. Это были потомки стараго дворянства, переродившіеся въ безсословную русскую интеллигенцію, съ большой примѣсью „выходцевъ“ изъ народа, изъ низшихъ его сословій.

„Опора трона“ давно уже унюхала, что какъ помѣщики-либералы, такъ и огромные кадры этого „третьяго элемента“ — враги существующаго порядка: одни мечтаютъ о парламентѣ, другіе объ облагодѣтельствованіи мужика за счетъ опоры трона, а всѣ вмѣстѣ — о революціи.

И всѣ были по своему правы: опора трона вполнѣ основательно боялась и парламента и революціи, потому

что съ ними кончился-бы „праздникъ на дворянской улицѣ“, враги же существующаго порядка вполнѣ основательно возмущались этимъ праздникомъ „зубровъ и бегемотовъ“ и не находили никакихъ иныхъ средствъ остановить его кромѣ парламента или революціи...

Что касается подлинныхъ профессіональныхъ революціонеровъ, то этотъ праздникъ на дворянской улицѣ ихъ тайно радовалъ и былъ праздникомъ и на ихъ улицѣ, ибо служилъ дѣлу пропаганды и революціонизированія народныхъ массъ лучше всякихъ агитаціонныхъ прокламацій...

Крутая расправа съ бунтующимъ за свою „правду“ мужикомъ со стороны властей, явно стоявшихъ за правду дворянскую, помѣщичью, давала революціонерамъ возможность ронять въ народѣ все еще крѣпкую вѣру его въ царя:

— Напрасно ждете и надѣетесь: царь первый помѣщикъ!

Въ то время какъ волна крестьянскихъ бунтовъ на югѣ Россіи не на шутку перепугала царя и придворную дворянскую камарилью, Симбирская „опора трона“ пребывала еще въ полной безпечности: до Симбирской губерніи далеко и волна эта не докатится, ну, а если и докатится, то власти не дадутъ въ обиду опору трона!

Тревожные слухи и разговоры, правда, по всей губерніи среди крестьянъ ползаютъ, но губернаторомъ уже приняты необходимые мѣры пресѣченія этихъ вредныхъ слуховъ: земскіе начальники получили тайные циркуляры—„обратить вниманіе на „третій земскій элементъ“, занимающійся тайной пропагандой и организаціей революціонныхъ „крестьянскихъ кружковъ“, ловить неизвѣстныхъ молодыхъ людей, раскидывающихъ нелегальщину по дорогамъ и деревнямъ, и лично на волостныхъ сходахъ разъяснять мужикамъ несостоятельность революціонныхъ ученій“...

Такіе-же циркуляры получили исправники.

Теперь вернемся къ Никудышевскому отчему дому и его окрестностямъ.

Никудышевка и Замураевка, хотя и расположены поблизости другъ отъ друга, но, продолжая пребывать въ кровной родственной связи, онѣ теперь такъ-же далеки другъ отъ друга по своей сущности, какъ окопавшіеся въ траншеяхъ и готовые каждую минуту вступить въ сраженіе враги.

Въ одномъ лагерѣ Павелъ Николаевичъ съ братьями и своими друзьями. Въ другомъ предводитель дворянства, тесть его, генералъ Замураевъ, опора всей уѣздной „опоры трона“.

Между лагерями — глубокій ровъ, но мостъ черезъ этотъ ровъ еще не взорванъ.

Дочь генерала, Елена Владиміровна, пребываетъ въ долголѣтнемъ замужествѣ за Павломъ Николаевичемъ, а дѣти Павла Николаевича приходятся внуками вождю враждебнаго лагеря. Помимо того, этотъ вождь преисполненъ глубочайшей преданности и почтенія къ единственной въ Никудышевскомъ лагерѣ представительницѣ стараго дворянскаго рода, Аннѣ Михайловнѣ Кудышевой. Имѣются еще общіе, нейтральные, такъ сказать, друзья по бабушкѣ, какъ напримѣръ — исправникъ, воинскій начальникъ, благочинный отецъ Варсонофій, друзья обоихъ домовъ — купцы Ананькины и Тыркины.

Мостъ довольно крѣпкій. Случается моментами, что часовые на мосту временно останавливаютъ взаимное движеніе, но женщины и дѣти, какъ-бы по взаимному соглашенію враговъ, безпрепятственно путешествуютъ изъ одного лагеря въ другой и мѣшаютъ взорвать заложенныя съ обѣихъ сторонъ мины...

Дальше больше: случается, что чрезъ женщину вражескимъ лагерямъ приходится сходиться за однимъ общимъ столомъ.

Такъ вышло на свадьбѣ Наташи.

Охрана моста была снята и свадьба эта, къ особен-

ной радости бабушки, была признана праздникомъ обоихъ лагерей.

Бабушка торжествовала. Радовало ее какъ это прекращеніе вражеской разобщенности родственниковъ, такъ еще и двѣ большихъ побѣды одержанныхъ ею передъ свадьбой.

Одна побѣда, правда, сопровождалась большими волненіями въ отчемъ домѣ и была одержана бабушкой не безъ помощи друзей изъ вражескаго Павлу Николаевичу лагеря, но для бабушки это было на второмъ планѣ. А главное: исчезла съ Никудышевскаго горизонта ненавистная бабушкѣ акушерка, Марья Ивановна со всей ея тайной компаніей.

Двое изъ этой компаніи, какъ помнитъ читатель, были арестованы еще на Свѣтломъ озерѣ, около стѣнъ незримаго града Китежа, а недавно пріѣхавшіе изъ Симбирска жандармы увезли съ собой въ даль неизвѣстности и Марью Ивановну, съ какими-то вещественными доказательствами. Конечно, это происшествіе взволновало всю Никудышевку, а всѣхъ жителей соединенныхъ штатовъ заставило пережить очень сильныя ощущенія, но въ общемъ жандармы оказались деликатными, никуда не полѣзли, кромѣ лѣваго флигеля. Пострадалъ только одинъ „Акушеркинъ штатъ“...

И вотъ душа бабушки ликовала: „давно-бы это слѣдовало сдѣлать!“

Бабушка выглядѣла боевымъ орломъ, ѣздила съ визитомъ къ генералу Замураеву налаживать свадебныя отношенія лагерей: худой миръ лучше доброй ссоры! Какъ это прекрасно, что къ Наташиной свадьбѣ опустѣлъ лѣвый флигель!

Посмотритъ на него бабушка, облегченно вздохнетъ, перекрестится и скажетъ:

— Точно мозоль съ души срѣзали!..

Бабушка приказала лѣвый флигель привести въ порядокъ, оштукатурить снаружи и оклеить новыми обо-

ями внутри, чтобы и духомъ акушеркинымъ не пахло!

Оглядывая стѣны въ комнатахъ, удивлялась:

— Можно-ли подумать, что тутъ жила благородная женщина!

Усмотрѣла бабушка въ чуланѣ флигеля акушеркинъ инструментъ, съ помощью котораго когда-то была оскорблена, и брезгливо поморщилась и позвала дѣвку:

— Возьми эту гадость и выброси въ помойную яму!

Дѣвка унесла, но не выбросила, жалко стало, — подарила на деревню, тамъ ребятишки изъ клестирной трубки пожарный насосъ устроили.

Большимъ огорченіемъ былъ сперва оставшійся безпризорнымъ незаконорожденный якутенокъ съ громкой фамиліей столбового дворянина, Кудышева, но тутъ тоже устроилось: якутенка Ваньку пожалѣли Григорій съ Ларисой и взяли къ себѣ на прокормленіе и воспитаніе.

Вторая побѣда — надъ будущимъ зятемъ Пенхержевскимъ. Хитрый! Намѣревался повѣнчаться съ Наташей по католическому обряду въ Симбирскѣ и тамъже, въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, отпраздновать да и поминай какъ звали: за границу, въ свадебное путешествіе!

Не тутъ-то было! Бабушку, какъ говорится, на кривой не объѣдешь... Бабушка все своевременно взвѣсила и принялась воевать. Родители Наташи не придавали этому вопросу большого значенія: не все-ли равно? Вѣдь, Богъ у всѣхъ одинъ! А бабушка:

— Ну, если у всѣхъ одинъ, такъ почему въ костелѣ, а не въ нашей православной церкви?

— Не понимаю! — говорилъ Павелъ Николаевичъ — Молитесь о соединеніи церквей, и какъ доходитъ до дѣла...

— Хорошо! Соединеніе, такъ соединеніе: сперва въ

нашей, а потомъ и въ костелѣ. А праздновать по старинѣ: въ родномъ домѣ!

Само собою разумѣется, что бабушка давно настроила Наташу по своему. Когда заговорилъ Павелъ Николаевичъ на эту тему въ присутствіи дочери, та сказала:

— Папа! А кто будутъ у насъ дѣти, если родятся: поляки или русскіе?

Павелъ Николаевичъ сейчасъ-же понялъ, что бабушка тутъ уже поработала:

— Вѣра и религія это — одно, а національность— другое. Есть католики и среди русскихъ... И все это чепуха!

Тогда выступила бабушка:

— Если повѣнчаютъ по католически, въ костелѣ, то твои дѣти, а мои правнуки, будутъ поляками!

Наташа написала жениху длинное письмо и въ отвѣтъ пришло сразу три письма: одно Наташѣ, другое— бабушкѣ, третье — Павлу Николаевичу. И во всѣхъ письмахъ была одна и та-же фраза: „я такъ люблю Наташу, что готовъ повѣнчаться по обрядамъ всѣхъ религій въ мірѣ".

И всѣ были въ восторгѣ. Бабушка отъ своей побѣды, Павелъ Николаевичъ — отъ высокой просвѣщенности Адама Брониславовича, а Наташи — отъ богатырской силы любви жениха...

Значитъ, теперь все въ порядкѣ, все — на своемъ мѣстѣ.

Бабушка съ удвоенной энергіей подготовляла свадебное пиршество. Она пустила въ оборотъ завѣтную шкатулку, куда долгіе годы прятала отъ жадныхъ взоровъ Павла Николаевича денежку на черный день. Свѣтлый день пришелъ, однако, раньше чернаго, и бабушка рѣшила, во славу и честь своей любимой внучки, послѣдній разъ въ жизни устроить „асамблею" по всѣмъ правиламъ старины: пиръ на весь міръ, съ музыкантами, съ бенгальскими огнями и фейерверками, съ лакеями въ

перчаткахъ, съ печатными приглашеніями съ короной и родовымъ гербомъ...

Увы! — только по размаху своему этотъ семейный праздникъ нѣсколько напоминалъ давно прошедшіе невозвратные дни Симбирскаго столбового дворянства. Что прошло, то не вернется!

Вышла не старинная дворянская асамблея, а злая каррикатура на нее, словно умышленно устроенная, чтобы показать, что никакого столбового дворянства не существуетъ, а есть только землевладѣльцы изъ дворянъ, похожіе на обѣднѣвшихъ и переряженныхъ героевъ изъ Гоголевскихъ „Мертвыхъ душъ", купцы и фабриканты изъ дворянъ, чиновники изъ дворянъ, интеллигенты и тайные революціонеры изъ дворянъ, да вотъ такіе чудомъ уцѣлѣвшіе осколки, какъ престарѣлая величественная бабушка, Анна Михайловна Кудышева...

IV

Прежде чѣмъ перейти къ описанію Наташиной свадьбы и бабушкиной асамблеи по сему поводу, я долженъ разсказать вамъ о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, предшествовавшихъ этому чрезвычайному событію въ Симбирской губерніи.

Весною этого года весь Симбирскъ былъ встревоженъ появленіемъ на его улицахъ перваго автомобиля. Не менѣе чрезвычайное событіе!

Героемъ его былъ Ваня Ананькинъ... и Англія, откуда родомъ было это чудо послѣднихъ годовъ истекшаго столѣтія.

Поѣхалъ Ваня въ Англію со своей Зиночкой, чтобы на людей поглядѣть да и себя показать, а кстати провѣдать о новости въ пароходномъ дѣлѣ: какія-то безколесныя пароходы „теплоходы" придуманы. А въ пьяномъ видѣ, вмѣсто машины для „теплохода", автомобиль купилъ. Очень ужъ захотѣлось Симбирскъ удивить.

Тамъ-же, въ Англіи, Ваня и управлять этой удивительной каретою научился.

Въ то время даже въ столицахъ автомобили были рѣдкостью, а въ провинціи просвѣщенные жители о нихъ слыхали, но никогда не видывали. Понятно, что Ваня всѣхъ удивилъ и, когда катался по улицамъ, производилъ фуроръ и смятеніе: за автомобилемъ гонялась толпа зѣвакъ, какъ за слономъ изъ цирка, извощичьи лошади пугались и сѣдоки часто терпѣли крушенія, составлялись протоколы, но въ законахъ гражданскихъ не было такой статьи, чтобы прекратить это безобразіе, а штрафовъ, налагаемыхъ городскимъ судьей за неосторожную ѣзду, Ваня не боялся.

Однако, Ванѣ мало было скандаловъ въ Симбирскѣ. На свѣтѣ чуда нѣтъ, къ которому не пригладѣлся-бы свѣтъ! Ваня задумалъ пробраться на автомобилѣ въ Никудышевку, къ Наташиной свадьбѣ. До Алатыря погрузилъ автомобиль на свой пароходъ, а отъ Алатыря рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ Зиночкой автомобилемъ. Дѣло было дня за три до свадьбы.

Покатались они по городу Алатырю, взбудоражили его просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ жителей. Предложили отцу Варсонофію съ діакономъ, которые должны были вѣнчать Наташу, поѣхать съ ними, но отецъ Варсонофій уклонился:

— Такъ-то такъ, премного благодаренъ вамъ, однако... какъ сказать? Какъ-то оно мнѣ и діакону, какъ особамъ духовнаго званія, непристойно на этомъ инструментѣ...

Предлагали еще кое-кому изъ собравшихся на свадьбу. Всѣмъ хотѣлось, но всѣ побаивались: „а чертъ ее знаетъ! вдругъ взорветъ?“ Никто не согласился подсѣсть...

Погрузили въ автомобиль два ящика шампанскаго и поѣхали одни...

Былъ погожій денекъ. Деревенская страда спала.

Золотыя моря хлѣбовъ исчезли и раскрыли безбрежные горизонты, уходящіе въ глубину синихъ далей, въ которыхъ съ изумительной четкостью рисовались тамъ и сямъ, словно игрушечныя, деревеньки, колоколенки, съ сверкавшими на солнцѣ крестами, контуры далекихъ лѣсовъ. Такое спокойное и радостное настроеніе было разлито во всей природѣ и такое взбудораженное въ людяхъ... Съ злобной ненавистью бросали взгляды на Ваню и Зиночку встрѣчные и обгоняемые люди. Впрочемъ, Ваня не замѣчалъ этого. Пока путь лежалъ по большой шоссейной дорогѣ, Ваня гналъ машину. Быстрое движеніе подчинявшейся его рукамъ машины и лавированіе между опасностями столкновеній держали Ваню въ особенномъ боевомъ настроеніи, въ самочувствіи борьбы и преодолѣнія, и отъ этого въ его душѣ рождалась радость, гордость и чувство собственной значительности...

А препятствій для борьбы и преодолѣнія было много. Встрѣчные мужики и бабы, возвращавшіеся съ базаровъ и полей на медленно ползущихъ телѣгахъ, пробуждаемые отъ сладкой дремы хриплыми и страшными гудками чудовища, съ быстротою мчавшагося имъ навстрѣчу, испуганно шарахались въ стороны, настегивая по худымъ бокамъ испуганныхъ-же лошаденокъ и потомъ долго кричали и ругались въ догонку Вани, а старики крестились и долго не могли опомниться отъ ужаса и удивленія: весь въ желтой кожѣ, въ шлемѣ съ болтающимися наушниками, и въ огромныхъ зеленоватыхъ очкахъ, скрывавшихъ половину лица, Ваня казался имъ самимъ Дьяволомъ, скачущимъ на чудовищѣ, съ двумя свѣтящимися глазами, и изрыгавшимъ вонючій дымъ изъ-подъ хвоста!

— Дьяволъ окаянный!

— Чертова машина... Тьфу! Чтобъ ты провалился сквозь землю.

Дивились, а маленько успокоившись, начинали изобрѣтать средства самозащиты:

— Вотъ бы бревно поперекъ дороги-то положить!

— Ничего ему, проклятому, не сдѣлается: перескочитъ! Яму надо вырыть, — вотъ это дѣло...

— Нечистая сила... Напугалась я до смерти... Инда и сейчасъ сердечко бьется.

Мѣстами запоздали съ уборкой овса и по полямъ краснѣли яркими пятнами бабьи платочки, синѣли сарафаны, рѣзко звучали перекликавшіеся голоса. По дорогамъ, усѣяннымъ золотистыми соломенками, тянулись телѣги со снопами, наполняя тишину полей скрипучей музыкой немазанныхъ колесъ. Въ прозрачномъ воздухѣ плавали паутинки, предвѣстники хорошихъ ядреныхъ солнечныхъ дней. Солнышко грѣло, но не было уже прежней духоты и казалось, что земля отдыхала въ сладостной истомѣ, какъ женщина-мать послѣ родовъ...

Не шелъ къ этой благодушной истомѣ и тишинѣ, къ этой грустной радости русской природы гудящій, грохочущій, ревущій, воняющій бензиномъ и дымящій звѣрь Европейской культуры. Лошаденка, плетущаяся со скоростью трехъ верстъ въ часъ и эта непонятная чертова машина, птицей пролетающая, съ угрозою смять и раздавить все попадающееся на пути ея!

„Господа“ эту машину придумали для себя, а для мужика и деревни — она только одно зло и непріятности...

Охваченный радостью быстраго движенія, Ваня повременамъ не такъ внимательно слѣдилъ за препятствіями и плохо взвѣшивалъ опасности. Хотѣлось, какъ можно скорѣе, прилетѣть и всѣхъ поразить.

Клубами вихрилась пыль и неслась за автомобилемъ свора деревенскихъ собакъ, когда Ваня пролеталъ широкой улицей попутнаго села Вязовки. Вотъ здѣсь и вышла первая непріятность. Раздавили спавшую въ лужицѣ свинью. Страшный визгъ, толчекъ... Ваня растерялся отъ визга и затормозилъ. Свинья уже не визжала, но визжали бабы и сбѣгались мужики. Точно нападеніе

дикихъ на европейца! Готовы разорвать на клочки и Ваню и Зиночку. Кто-то запустилъ уже въ заднее стекло кузова камнемъ и оно со звономъ посыпалось на Зиночку. День былъ воскресный и подвыпившіе мужики, настроенные слухами съ юга, точно потеряли обычный страхъ передъ „господами“:

Ваня предлагаетъ за раздавленную свинью десять рублей:

— Десять цѣлковыхъ получите да еще и свинью съѣдите! — урезониваетъ онъ освирѣпѣвшую толпу. А ему въ отвѣтъ:

— Мы дохлятину не ѣдимъ! Это вы всякую погань жрете!

— Имъ что свинья, что мужикъ, — не разбираютъ!

— А мнѣ эта свинья дороже барина!

— Бей его, дьявола, робята!

Плохо-бы кончилось, если-бы Ваня не догадался заревѣть гудкомъ и пустить моторъ съ мѣста въ карьеръ... Толпа отъ неожиданности пугливо разсыпалась въ стороны и Ваня улепетнулъ. Спохватились, помчались, полетѣли въ догонку камни, ругательства и угрозы:

— Погодите, скоро всѣмъ вамъ конецъ будетъ!

Собаки продолжали гнаться, а мужики бросили: развѣ эту чертову машину догонишь?

Ваня гналъ, а Зиночка впала въ обморокъ. Очутившись въ полной безопасности, Ваня остановилъ машину и спрыснулъ Зиночку шампанскимъ, прямо изо рта...

Раскрыла глаза, опомнилась. Точно въ лихорадкѣ: зубами щелкаетъ...

Маленько успокоилъ, напоилъ шампанскимъ, окуталъ пледомъ, ругается:

— Не народъ, а прямо разбойники!

Поѣхалъ осторожнѣе, тѣмъ болѣе, что шоссейная дорога кончилась и началась проселочная, хотя и хорошо накатанная, но съ изъянами...

Слава Богу! Недалеко уже и Никудышевка. Послѣдняя попутная деревенька...

Во избѣжаніе всякихъ непріятностей рѣшилъ объѣхать деревеньку на косогорѣ лугами и спустился подъ гору...

Не проѣхали и версти по луговой дорогѣ, какъ неожиданно цѣлый каскадъ водяныхъ брызгъ и пыли взвился изъ-подъ переднихъ колесъ автомобиля.

Не успѣлъ Ваня понять, въ чемъ дѣло, круто свернулъ въ сторону и, высоко взлетѣлъ, стукнулся больно головой, автомобиль-же остановился, продолжая безпомощно работать моторомъ. Далъ заднiй ходъ и убѣдился, что застрялъ основательно въ болотной колдобинѣ. Переднія колеса глубоко въѣлись въ топь. По привычкѣ русскаго человѣка Ваня сперва обругался сквернымъ словомъ, потомъ вылѣзъ, почесалъ за ухомъ и вздохнулъ:

— Ахъ ты, Боже мой!

— Что случилось? Что? — съ ужасомъ спрашивала Зиночка.

— Да не бойся ты! Просто въ лужу сѣли...

Осмотрѣлъ автомобиль, закурилъ и сталъ блуждать вокругъ взорами. Усмотрѣлъ ползущiй по лугамъ возъ сѣна. Ваня перерѣзалъ ему путь, дождался и вступилъ въ переговоры. Подвелъ мужика къ автомобилю. Мужикъ давно уже примѣтилъ ѣхавшую чертову машину и теперь съ изумленнымъ любопытствомъ ее разсматривалъ. Посмѣивался одними хитренькими глазками и говорилъ:

— Выходитъ, баринъ, что моя лошадка сподручнѣе. Тише ѣдешъ — дальше будешь. А чѣмъ это она, машина то есть, кричитъ? Глотка-то больно у ней здоровая!

— Выпряги свою лошадь, зачалимъ веревкой и выволочемъ!

— Разя моя лошаденка сладитъ съ такой тягой!

Ты возьми сытыхъ барскихъ лошадей, а моя... пожалѣть надо: цѣльный день въ работѣ, а овса не видитъ...

— Я тебѣ заплачу.

Мужикъ насмѣшливо оглядѣлъ страшный костюмъ барина, покачалъ головой и пошелъ прочь, къ возу, хихикая себѣ въ бороденку.

Должно быть, съ горы жители Вязовки тоже увидали, что ѣхавшій въ каретѣ безъ лошадей баринъ увязъ. Съ горы бѣжали въ луга стайки мальчишекъ и дѣвченокъ, за ними медленно, не торопясь, спускались взрослые. Ребятишки радостно кричали и махали руками взрослымъ:

— Увязъ! Увязъ!

Ребятишки не рѣшались приблизится къ похожему на черта барину, поджидая взрослыхъ. А взрослые остановили ползшаго имъ навстрѣчу мужика съ возомъ сѣна и до Вани долетали обрывки ихъ разговора:

— Крѣпко сидитъ! Пущай еще постоитъ, — засосетъ его поглубже!

— Помощи просилъ...

Смѣхъ, взмахи рукъ, ругань. Мужикъ поползъ въ гору, мужики и бабы пошли къ увязшему барину. Скоро вокругъ него сползлось много жителей. Весело гуторили, бросали шуточки, острили надъ бариномъ съ барыней и надъ чертовой машиной:

— Хм! Вотъ, вѣдь, каку штуку сдѣлали! Безъ лошадей! Сѣлъ и поѣхалъ...

— А много-ли дашь, ежели выволочемъ?

— Пять рублей дамъ.

— Что больно скупишься? Поди твоя чертова кобыла много тысячъ стоитъ?

Притихли, стали совѣщаться вполголоса. Кто-то бросилъ:

— Пущай посидитъ. Намъ торопиться некуда.

— Ну, чертъ съ вами, десять цѣлковыхъ!

Опять совѣщаніе:

— Вотъ что, баринъ: четвертную дашь и по рукамъ!

— Ахъ, жулики! — пропищала Зиночка, выглядывавшая печально изъ автомобиля.

— Зачѣмъ жулики, барыня? Мы не неволимъ. Сиди, коли такъ, да молись Богу: можетъ анделовъ пошлетъ вызволить тебя съ бариномъ... Они, анделы, задарма для васъ поработаютъ, а намъ ужъ надоѣло на васъ батрачить-то...

— Чертъ съ вами! Дамъ четвертную...

Толпа оживилась. Отдѣлившись, въ гору побѣжали, сверкая голыми пятками, двое подростковъ, имъ въ догонку кричала бабенка:

— Обѣихъ лошадей ведите!

— Возжи! Возжи!

— Оглоблю, Мишанька, захвати!

Минутъ черезъ десять-пятнадцать съ горы галопомъ скакали на лошадяхъ парнишки, а за ними старикъ волокъ оглоблю.

Началась работа. Подперли оглоблей задъ автомобиля и, зачаливъ возжами къ лошадямъ, съ криками, визгами и свистомъ, помогая лошадямъ, выволокли машину изъ колдобины. Ваня отдалъ четвертную, но долго еще возился около автомобиля, возбуждая жизнедѣятельность мотора. Наконецъ раздался сердитый взрывъ, напугавшій всѣхъ, малыхъ и взрослыхъ, и моторъ ритмически заворчалъ. Толпа, съ визгами и криками попятилась въ стороны и дружно захохотала, приправляя смѣхъ сквернословіемъ. Зиночка залѣзла внутрь. Ваня занялъ шофферское мѣсто, испугалъ зѣвакъ еще разъ ревомъ гудка и автомобиль покатился. Въ догонку полетѣлъ бабій голосъ:

— Пощаще, баринъ, тутъ ѣзди!

Только позднимъ вечеромъ добрались Ваня съ Зиночкой до Никудышевки: ѣхали тихо, осторожно, съ остановками и предварительными изслѣдованіями пути.

Конечно, и въ Никудышевкѣ произошелъ среди

жителей переполохъ. Около барскаго дома, какъ на базарѣ. Всякому охота поближе на чертову машину поглядѣть. Лѣзутъ во дворъ. Пришлось запереть ворота.

Въ отчемъ домѣ — восторгъ. Вѣдь и здѣсь большинство никогда еще не видѣло этой безлошадной кареты. Только старикъ-Никита полонъ всякихъ сомнѣній и проявляетъ враждебность къ этому чуду:

— Какъ-же это можно, чтобы человѣку безъ лошади?

— А вотъ пріѣхали! И кормить ненадо. Никакой заботушки!

— Кормить! А какъ-же: вѣдь, навозу отъ нея нѣту? Лошадь кормишь, такъ отъ навозу-то ея не только человѣкъ, а и птица по дорогамъ питается...

Зиночка въ тотъ-же вечеръ поѣхала въ Замураевку и тамъ рззсказала о всѣхъ пережитыхъ ужасахъ путешествія, при чемъ все это невольно преувеличила, и получилось изъ исторіи со свиньей прямо разбойничье нападеніе мужиковъ и бабъ, чуть только не убійство, а изъ исторіи подъ Вязовкой — издѣвательство и вымогательство.

— Вотъ онѣ, освободительныя реформы! — озабоченно произнесъ генералъ Замураевъ и посѣтовалъ:

— Не учить, а воспитывать народъ надо. Побольше стражниковъ и поменьше школъ! Того и гляди, что и у насъ начнутъ разбойничать, какъ въ другихъ губерніяхъ. Надо предупреждать: пороть хулигановъ до безпорядковъ, а не послѣ!..

Генералъ былъ сильно взволнованъ и возмущенъ бездѣйствіемъ властей.

Долго писалъ и въ ночь отправилъ съ нарочнымъ письмо къ становому и телеграмму въ Алатырь — къ исправнику.

Надо сказать, что происшествіе въ Вязовкѣ, носившее комичный характеръ, имѣло продолженіе и драматическій конецъ. Вотъ что тамъ случилось послѣ того

какъ выволоченный изъ болота баринъ съ барыней скрылись съ горизонта.

На лужкѣ, около церкви, собрался мірской сходъ и начали рѣшать, куда употребить полученные съ выволоченннаго барина двадцать пять рублей. Было нѣсколько благихъ предложеній со стороны стариковъ, но каждое отвергалось большинствомъ. Двое собственниковъ лошадей, которыми выволакивали чертову машину, все время крикливо доказывали, что четвертная принадлежить не міру, а только имъ двоимъ. И какъ только они начинали доказывать, поднимался такой ропотъ, что — вотъ-вотъ ихъ начнутъ лупить всѣмъ міромъ.

— Кабы не болотце, не увязъ-бы онъ, баринъ-то! А болотце чье? Ваше? Вы, что-ли, рыли эту колдобину? Отъ Бога она тутъ... Я эту колдобину мальчишкой зналъ.

— А чьи лошади выволакивали?

— Да что лошади! Кабы не болотце, такъ и лошади ни къ чему. Все отъ Бога. Значитъ, — эту четвертную надо подѣлить всѣмъ, чтобы никому необидно!

Прикидывали, по скольку придется на душу:

— Если бабъ и робятъ считать, — меньше двугривеннаго...

— Нашто бабъ и ребятишекъ считать?

Всѣ перессорились и переругались до хрипоты, пока какой-то мѣстный финансистъ не внесъ предложенія:

— Что бы никому необидно было, — пропить ее, эту четвертную всѣмъ міромъ!

Всѣ разногласія разомъ кончились.

— Четыре ведра водки, а остальныя — на прянички дѣвкамъ да ребятишкамъ!

— Вотъ это правильно!

— А Ивану съ Мирономъ, какъ значитъ ихъ лошади выволакивали, стаканчика два-три не въ счетъ.

— Вотъ это по Божьи!

Всѣ остались довольны. Смѣялись надъ бариномъ и надъ его чертовой кобылой и жалѣли объ одномъ:

— Продешевили, братцы! Онъ и больше далъ-бы...

— Ну, что Богъ дастъ, братцы... Можетъ, опять увязнетъ!

Перепились не только всѣ мужики, но и много бабъ. Миронъ забылъ, что уже получилъ лишнихъ три стаканчика за лошадь и началъ требовать добавки, ругаться, что его обжулили. Ссора, драка... Пустой бутылкой по головѣ и въ результатѣ — „мертвое тѣло“ и общія проклятія барину: семья осиротѣла!

Исторія со свиньей и мертвое тѣло осложнились новой исторіей: неуспѣвшіе ничего получить съ барина за раздавленную имъ свинью собственники пришли къ земскому начальнику Замураеву, а тотъ, знавшій уже о нападеніи мужиковъ на автомобиль съ сестрою, набилъ имъ морду и отправилъ на трое сутокъ подъ арестъ.

Земскій только собирался раскрыть виновниковъ разбойнаго нападенія, а они сами явились! На ловца, какъ говорится, и звѣрь бѣжитъ.

Приходили въ Никудышевку двѣ бабы, старуха и молодая, мать и жена убитаго въ дракѣ Мирона. Но осаждаемыя толпой любопытныхъ ворота отчаго дома оказались запертыми. Никого не пропускали. Тамъ, за оградой, никому не было дѣла до плачущихъ по какой-то причинѣ бабъ. А имъ казалось, что онѣ осиротѣли по винѣ барина, который, по справкамъ, пріѣхалъ сюда — вонъ и машина во дворѣ та самая стоитъ! — и надѣялись, что виноватый баринъ пожалѣетъ и заплатитъ сколь-нибудь за сиротство. „Ничего у нихъ не добьешься! Человѣка раздавятъ и то имъ ничего не будетъ!“ — замѣтилъ кто-то въ толпѣ, знавшій уже объ исторіи со свиньей въ Вязовкѣ. Сироты выли, жаловались добрымъ людямъ и, конечно, въ мужицкихъ и бабьихъ душахъ всплывали всѣ обиды, дѣйствительныя и воображаемыя, которыя накоплялись тамъ втеченіе многихъ лѣтъ. Про все вспоминали тутъ Никудышевцы: и про судъ надъ однодеревенцами послѣ убійства содержателя почтовой станціи,

Егора Курносова, и про судъ послѣ холернаго бунта:

— Сколько за ихъ невинныхъ въ Сибирь угнали да по тюрьмамъ посадили, сколько народу осиротѣло, а вы захотѣли вознагражденіе отъ нихъ?! На томъ свѣту, видно, расплатимся...

Синевъ тутъ-же болтается. Послушалъ разговоры, впутался:

— А вотъ въ Херсонской да въ Харьковской губерніи не желаетъ, народъ, чтобы на томъ свѣту съ ними разсчитываться! Жгутъ ихъ и грабятъ...

— Да что толку-то? Слыхали мы: стрѣляютъ и порятъ, сказываютъ...

— Всѣхъ, братецъ мой, не перестрѣляешь и не перепоришь! Насъ сто милліоновъ, а ихъ не больше тридцати тысячъ. Правильный подсчетъ этому сдѣланъ...

V.

Невѣдомо, по чьему велѣнью, съ ранняго утра въ день свадьбы, появились конные стражники. Во всякомъ случаѣ это было сдѣлано безъ вѣдома и желанія Павла Николаевича неизвѣстными благожелателями. Это сильно взволновало и переконфузило Павла Николаевича, которому было стыдно передъ будущимъ зятемъ и передъ своими друзьями изъ передового лагеря.

— Что такое? Кажется, объявлена и у васъ мобилизація? — не безъ ироніи освѣдомился Адамъ Брониславовичъ.

Павелъ Николаевичъ смущенно пояснилъ пожатіемъ плечъ, что для него это — полная и непріятная неожиданность:

— Вѣроятно, это вашъ будущій родственникъ, предводитель дворянства и, къ сожалѣнію, мой тесть, генералъ Замураевъ... распорядился.

Адамъ Брониславовичъ сочувственно улыбнулся Павлу Николаевичу и сказалъ:

— Услужливый дуракъ опаснѣе врага! Эта дворянская мобилизація только ускоритъ открытіе военныхъ дѣйствій...

— Вполнѣ съ вами согласенъ! Въ отдѣльности каждый мужикъ смиренъ и боится всякой чучелы, облеченной въ форму, но когда мужикъ сбивается въ стадо, въ многоголовое, многорукое и многоногое чудовище, индивидуальный страхъ пропадаетъ. Тутъ три стражника только смѣшатъ мужика. А между тѣмъ эти три дурака могутъ такъ раздразнить и обозлить коллективнаго звѣря, что потомъ и цѣлая сотня ихъ окажется безсильной...

Толпа вокругъ барской усадьбы съ каждымъ часомъ выростала. Не одна Никудышевка, а множество окрестныхъ деревень выслали сюда своихъ представителей. И барская свадьба и чертова машина сгоняли любопытныхъ со всѣхъ сторонъ.

Давно отвыкшему отъ деревни столичному жителю, Адаму Брониславовичу, приходило на мысль, что это чернокожіе дикари осаждаютъ укрѣпленный лагерь европейцевъ. Это его и смѣшило и смутно безпокоило. Особой воинственности эти дикари пока не проявляли, но кто могъ поручиться за дикаря, за это „быдло“? Онъ былъ правъ, когда предлагалъ отпраздновать бракосочетаніе въ Симбирскѣ, въ небольшой избранной компаніи, а не въ этой кунсткамерѣ или, какъ выражается бабушка, звѣринцѣ.

Но кто себя чувствовалъ особенно непріятно, такъ это Павелъ Николаевичъ. Какъ гостепріимный хозяинъ, онъ долженъ былъ спрятать въ карманъ всѣ свои политическіе взгляды, симпатіи и антипатіи, съ улыбочкой выслушивать всякую галиматью, которую пороли „бегемоты“ обоего пола и всегда держаться на какой-то пограничной линіи компромисса, чтобы какъ въ глазахъ друзей, такъ и во мнѣніи враговъ не уронить своего либеральнаго достоинства, не загрязнить чистоты своихъ

ризъ, но въ тоже время быть со всѣми одинаково любезнымъ.

Три стражника гарцовали на коняхъ около воротъ и ограды и покрикивали:

— Слѣзь съ ограды! Здѣсь не балаганъ, гдѣ фокусы показываютъ!

Балаганъ —не балаганъ, а всетаки за оградой столько всякихъ чудесъ происходитъ, столько занятнаго, страннаго и непонятнаго творится, что эти окрики не производятъ должнаго впечатлѣнія и его приходится время отъ времени усиливать ударомъ нагайки вдоль спины озорниковъ и хулигановъ.

Въ толпѣ осаждающихъ всего довольно: и восхищенія, и насмѣшки, и зависти, и осужденій, и злобнаго издѣвательства:

— Ты у меня поговори! За такія слова и арестовать можно!

Не боятся: гогочутъ и дразнятъ стражниковъ замѣчаніями и восклицаніями, облекаемыми въ красочную форму цвѣтистаго языка и приправленными скверной руганью по адресу баръ, и стражниковъ...

Два совершенно различныхъ міра, ни въ чемъ непохожихъ другъ на друга. Міръ большой, мужицкій, смотритъ на міръ малый, господскій, какъ мы смотримъ въ зоологическомъ саду на обезьянъ въ большихъ желѣзныхъ клѣткахъ, гдѣ онѣ кувыркаются, ищутъ блохъ, нянчатъ дѣтей, играютъ...

Съ такимъ-же удивленіемъ и острымъ любопытствомъ смотрѣла толпа мужиковъ, бабъ, дѣвокъ, парней и ребятишекъ чрезъ желѣзную рѣшетку ограды на барскій домъ и дворъ...

Какъ будто-бы и на людей похожи, эти господа самые, а не люди!

„Военное положеніе“ безпокоило только Павла Николаевича, Адама Брониславовича и представителей „третьяго элемента“. Для всѣхъ прочихъ участіе полиціи

лишь украшало торжественность событія и вливало полное успокоеніе въ душу. Для большинства полицейскій кулакъ все еще казался несокрушимымъ средствомъ всякаго спокойствія и гражданской безопасности. Психологіей толпы не занимались ни помѣщики, ни стражники и урядники.

Разъ, при казенномъ обмундированіи, выдается нагайка, значитъ полагается ей дѣйствовать...

И дѣйствовали...

Дѣйствовали, когда Ваня повезъ невѣсту съ шаферами и подругами на чертовой машинѣ въ Замураевскую церковь. Толпа навалилась къ воротамъ и нельзя было ни пройти, ни проѣхать. Никакія уговоры и угрозы словесныя не дѣйствовали. Что-же прикажете дѣлать?

День былъ праздничный и потому барская свадьба превратилась въ народное гульбище, въ безплатное зрѣлище. И Никудышевка и Замураевка, и весь путь между ними кишѣлъ толпами народа...

По всѣмъ дорогамъ въ Замураевку звенѣли колокольчики: это съѣжалась окрестная культурная интеллигенція: помѣщики съ семьями, служилая интеллигенція. Званные и незванные на свадьбу. Посмотрѣть на такое исключительное событіе всѣмъ любопытно. Немудрено, что простой людъ толпами двигался къ церкви...

Такъ какъ въ церковь пропускали только „чистую публику", а отборъ ея дѣлался стражниками, то конечно, подлинный народъ въ церковь не попалъ и толпа роптала. Здѣсь происходило тоже самое, что и въ Никудышевкѣ около ограды барскаго дома. Отгоняемые полиціей отъ церковной ограды мужики, бабы и дѣвки съ парнями пребывали въ буйно-веселомъ оппозиціонномъ настроеніи къ господамъ и ихъ охранителямъ и вели себя неприлично и дерзко. Автомобиль съ невѣстой, шаферами и дѣвицами, былъ встрѣченъ свистомъ и гиканьемъ, остротами и шуточками, отъ которыхъ краска

стыда вспыхивала на щечкахъ дѣвушекъ и безсильная злоба — въ сердцахъ кавалеровъ.

Изъ храма неслась торжественная пѣснь въ честь невѣсты — „Гряди, гряди, голубица моя!“, а Наташа поднималась на паперть храма съ низко опущенной головой и со слезами въ испуганныхъ глазахъ...

За то въ церкви было тихо, красиво, торжественно и благоговѣйно. Вѣнчали Наташу благочинный Алатырскаго собора, знакомый намъ отецъ Варсонофій, съ похожимъ на льва басистымъ діакономъ, пѣлъ прекрасный хоръ. Вечернее солнце врывалось въ высокое боковое окно храма и огненнымъ мечемъ какъ-бы охраняло вѣнцы на головахъ жениха съ невѣстой. Голубой дымъ кадильный возносился къ небесамъ и таялъ въ прекрасныхъ звукахъ хорового пѣснопѣнія.

Все непріятное и оскорбительное сразу куда-то провалилось и исчезло. Слезинки еще не высохли на рѣсницахъ невѣсты, но радостное личико въ флер-д-оранжѣ было спокойно и прекрасно какъ никогда.

Но когда вѣнчаніе кончилось и Ваня усаживалъ молодыхъ въ свою „чортову машину“, пришлось снова пережить весьма непріятныя минуты, а стражникамъ снова пришлось работать нагайками.

Молодые вернулись домой первыми. Съ ними и маленькій Женя съ благословенной иконой. Ни бабушка ни родители Наташи въ церкви не были: бабушка не могла покинуть своего командного поста, а родителямъ, по церковному обряду, присутствовать тамъ не полагалось. По намѣченному заранѣе церемоніалу, бабушка спрятала молодыхъ на антресоляхъ, арестовала ихъ до поры до времени. Бабушка насъ съ вами туда не пуститъ, а потому мы пока осмотримъ брачные чертоги!

Огромный залъ и отдѣленная отъ него колоннадою гостинная уставлены двумя рядами столовъ, сверкающихъ бѣлоснѣжными скатертями, хрусталемъ и фарфоромъ, въ полномъ вооруженіи для предстоящаго чре-

воугодія. На стѣнѣ транспорантъ изъ цвѣтовъ, съ инициалами молодыхъ. Въ сосѣдней съ заломъ комнатѣ прячется оркестръ музыкантовъ, выписанный изъ Алатырскаго клуба. Есть дамская „секретная комната". На садовой верандѣ — чай и кофе. Веранда, терасса и паркъ украшены разноцвѣтными китайскими фонариками для иллюминаціи. На Алёнкиномъ пруду приготовленъ фейерверкъ и бенгальскіе огни... Есть еще и спеціальный мужской буфетъ, подъ который Ваня обратилъ кабинетъ Павла Николаевича... Тутъ Ваня одержалъ побѣду надъ бабушкой. Она терпѣть не могла пьяныхъ и всячески стѣсняла Ваню въ его планахъ по части алкогольной широты. Долго она не разрѣшала этого спеціальнаго буфета, который Ваня называлъ „мертвецкой".

Ваня все таки убѣдилъ бабушку не препятствовать:

— Я, бабушка, гарантирую, что пьяный уровень не поднимется выше 40 градусовъ.

— Да какъ-же ты это сдѣлаешь?

— А я, бабушка, устрою въ билліардной особый пріемный покой „Зеленаго Змія"... У кого изъ гостей температура поднялась выше 40 градусовъ, — карета скорой помощи: подъ ручки и пожалуйте въ билліардную впредь до паденія температуры до надлежащаго градуса!

— Боюсь, что тебя самого туда прежде всѣхъ и придется отправить!

Но вотъ у воротъ барской ограды шумъ толпы, колокольчики, гарцующіе стражники. Вереницами подъѣзжаютъ гости на брачный пиръ...

VI.

Отчій домъ — какъ растревоженный улей, наполняется веселымъ оживленнымъ говоромъ, смѣхомъ радости, привѣтствіями, восклицаніями, говоркомъ, напоминающимъ голубиное воркованіе. Гдѣ-то застѣнчиво

позваниваютъ скрипочки. Суетятся выписанные изъ Алатырскаго клуба лакеи въ перчаткахъ. Звенятъ дѣтскіе голоски птичками...

Въ общемъ пестро и нестильно. Не дворянская асамблея былыхъ лѣтъ, а дѣйствительно звѣринецъ. Есть фраки, но есть и весьма поношенные пиджачки. Есть платья самаго новѣйшаго фасона, но есть и прошлаго столѣтія. Есть дворянскій мундиръ, но есть и поддевка съ высокими сапогами. Немало лохматыхъ и очкастыхъ интеллигентовъ, съ застывшимъ на лицѣ „политическимъ направленіемъ“, но не меньше и такихъ физіономій, которыя напоминаютъ Собакевичей и Маниловыхъ, переряженныхъ въ современные костюмы.

Все спуталось въ одинъ клубокъ и скорѣе напоминало уѣздный балъ послѣ земскаго собранія, чѣмъ дворянскій праздникъ, праздникъ „опоры царскаго трона“.

Только бабушка да предводитель дворянства, генералъ Замураевъ, имѣли какое-то тайное сходство съ иронически посматривавшими на гостей портретами предковъ. Бабушка съ напудренной головой, въ старинной прическѣ, съ величественными жестами и милостивой улыбкой. Генералъ Замураевъ въ дворянскомъ мундирѣ, бравый, рѣшительный, орломъ посматривающій на окружающихъ, крутящій жесткій подкрашенный усъ, съ зеленоватымъ отблескомъ, громче всѣхъ говорящій и смѣющійся раскатисто.

Около генерала группируется вся прочая „опора трона“, въ смѣшеніи съ сельскими властями: тутъ исправникъ, становой, отецъ Варсонофій.

Около Павла Николаевича держится больше лохматый и очкастый интеллигентъ.

Сразу видно, что тутъ два магнита, притягивающихъ разношерстную публику. Только Алатырскій голова, купецъ Тыркинъ, да Симбирскій купецъ и землевладѣлецъ Яковъ Ивановичъ Ананькинъ какъ-то лавируютъ между этими двумя магнитами: то тутъ, то тамъ.

Нейтралитетъ держатъ. И вездѣ пріемлются, какъ единомышленники и друзья.

Есть и среди „опоры трона" двое такихъ: князь Енгалычевъ и Виноградовъ, дворяне, держащіеся весьма самостоятельно и съ достоинствомъ, безъ всякой умиленности передъ генераломъ Замураевымъ, которая замѣчается со стороны всѣхъ прочихъ дворянъ-помѣщиковъ. Князь Енгалычевъ и Виноградовъ самые богатые дворяне въ Алатырскомъ уѣздѣ. Первый имѣетъ два винокуренныхъ завода и гонитъ спиртъ для казенной монополіи. Второй имѣетъ суконную фабрику въ компаніи съ Ананькинымъ и беретъ подряды на поставку солдатскаго сукна.

Но вотъ бабушка сдѣлала повелительный жестъ въ пространство. Все стихло и грянулъ тушъ: появились подъ руку выпущенные изъ-подъ ареста молодые... Оба страшно взволнованы и смущены. Бабушка обсыпаетъ приготовленнымъ хмѣлемъ молодыхъ и цѣлуетъ ихъ. Аплодисменты, многоголосое „ура" и взрывы оркестра сливаются въ дружный вихрь звуковъ. Всѣ уже поздравили молодыхъ въ церкви, но, слѣдуя бабушкиному примѣру снова потянулись къ молодымъ и заставили ихъ еще разъ подвергнуться этой долгой и скучной для нихъ операціи. Затѣмъ отецъ Варсонофій прочиталъ молитву, благословилъ столы и гости начали разсаживаться, по записочкамъ на приборахъ.

Эта посаженная сортировка гостей потребовала отъ Павла Николаевича напряженія всѣхъ его дипломатическихъ способностей. Въ основу разсадки онъ принялъ свою мечту — парламентъ: устроилъ правую, лѣвую и центръ. Для полной изоляціи сторонъ посадилъ между ними политическихъ младенцевъ, неотличавшихъ правой руки отъ лѣвой. И всѣ почувствовали себя въ болѣе или менѣе привычномъ и пріятномъ окруженіи.

Всѣ гости были достаточно голодны и потому объединены еще и вкусными перспективами. Всѣ мысли

направлялись въ одну сторону. Сразу родился подъемъ настроенія, того особеннаго настроенія, когда проголодавшіеся люди начинаютъ напоминать виляющихъ хвостами собакъ, ожидающихъ около миски, когда хозяинъ скажетъ:

— Пиль!

Лакеи въ перчаткахъ сомнительной чистоты уже топчатся за спинами гостей и наполняютъ тарелки такимъ ароматнымъ дымящимъ борщомъ, что въ носу свербитъ и въ горлѣ щекочетъ... А подрумяненныя маленькія ватрушечки! — умъ, какъ говорится, отъѣшь!

Въ демократическомъ кругу замѣшательства: возьмешь одну ватрушечку, а рука тянется за другой. Можетъ быть неудобно взять двѣ сразу? непринято? Пока происходитъ колебаніе души, подносъ съ ватрушечками уплываетъ. Приходится соображать съ быстротою молніи. И затѣмъ — темпъ вкушенія борща: рано съѣшь, неудобно, какъ-то, опоздаешь — еще хуже. Многіе не блистаютъ познаніями по части правильнаго употребленія инструментовъ столоваго оборудованія: путаются въ ножахъ и ножичкахъ, въ салфеткахъ, въ тарелкахъ и тарелочкахъ...

Больно ужъ накрутила тутъ бабушка!.. Похожій на льва діаконъ совершенно спутался и растерялся: повертѣлъ маленькую салфеточку и, безъ всякаго задняго намѣренія положилъ ее, вмѣсто носового платка, въ свой глубокій карманъ. За то на правой, гдѣ бабушка, генералъ Замураевъ, князь Енгалычевъ и Виноградовъ, кушаютъ какъ по нотамъ, непринужденно, самостоятельно, безъ оглядки на сосѣдей, и ухитряются еще пріятными разговорами перекидываться...

Послѣ борща — огромныя Сурскія стерляди на блюдахъ! А Сурская стерлядь къ царскому столу подается, славится своимъ исключительнымъ вкусомъ...

— А стерлядь-то, господа, плаваетъ! По рюмочкѣ надо! — произноситъ Ананькинъ. Водочка подбавляетъ

смѣлости и темперамента. Въ воздухѣ какъ-бы виситъ уже потребность высказаться. Какъ будто-бы къ тому-же обязываютъ и звуки настраиваемыхъ гдѣ-то скрипокъ. Попискиваютъ застѣнчиво скрипочки, пробуя свою настроенность... Стерлядь съѣдена. Скрипочки смѣлѣе струнами позваниваютъ. Всѣ чувствуютъ, что пора вниманіе на молодыхъ перенести... Уже лакеи на подносахъ бокалы съ шампанскимъ изъ-за кулисъ тащутъ...

Сразу три смѣлыхъ оказалось: почти одновременно встали купецъ Тыркинъ, купецъ Ананькинъ, и чуть попозднѣе, самъ генералъ Замураевъ. Какъ только купцы замѣтили конкурента, моментально опустились съ жестомъ извиненія. Всѣ притихли и лишь на лѣвомъ флангѣ неприлично бунчали, оказывая симъ какъ-бы недостаточную почтительность къ предводителю дворянства. Но когда возмущенный этимъ исправникъ громко постучалъ ножемъ по своей тарелкѣ, притихла и лѣвая. Всѣ ожидали тоста въ честь молодыхъ. Уже роздали бокалы съ искрящимся шампанскимъ...

И какъ-же ловко подсадилъ генералъ всѣхъ либераловъ и интеллигентовъ, разныхъ статистиковъ этихъ, агрономовъ, земскихъ врачей и прочую крамольную братію!

— Гас-пада! По древне-русскому обычаю, какъ истинно-вѣрноподанные Государя Императора, мы поднимемъ и осушимъ первый бокалъ за перваго дворянина Земли Русской, за здравіе Его Величества и всей августѣйшей семьи...

Ура!

Для лѣваго фланга это было не совсѣмъ вкуснымъ сюрпризомъ, но что подѣлаешь? Пришлось засвидѣтельствовать свою вѣрноподанность.

Тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: неразобравшись въ тостѣ, оркестръ заигралъ тушъ и этимъ воспользовались нѣкоторые изъ упрямыхъ крамольниковъ: выпивъ глоточекъ, поставили бокалы и сѣли. Исправ-

никъ поправилъ ошибку и оркестръ, оборвавши тушъ, заигралъ „Боже, царя храни!"

Тутъ ужъ опять ничего не подѣлаешь: хочешь, не хочешь, а стой, пока музыканты трижды не проиграютъ гимна.

Генералъ самовольно захватилъ командованіе:

— А теперь я предлагаю выпить заздравный кубокъ за княгиню и князя, какъ называетъ русскій народъ „молодыхъ" въ своихъ свадебныхъ пѣсняхъ!..

Уже собирались закричать „ура", но генералъ сдѣлалъ жестъ молчанія и продолжалъ:

— Прежде чѣмъ осушить эти заздравные кубки, выскажемъ наше напутствіе счастливымъ супругамъ... Молодая княгиня, Наталія Павловна! Волею Божіей Вашимъ избранникомъ на жизненномъ пути оказался витязь не русскаго, а польскаго дворянства. Мы принимаемъ это какъ залогъ окончанія всякихъ счетовъ между двумя народами и дружной совмѣстной работы обоихъ на процвѣтаніе Великой Россійской имперіи и во славу нашему единому государю! Мы глубоко надѣемся, что Вы, Наталія Павловна, отдавъ руку и сердце своему избраннику, своей прекрасной душою сумѣете остаться русской женщиной, одною изъ тѣхъ неувядаемыхъ розъ русскаго столбового дворянства, которыхъ воспѣлъ нашъ безсмертный поэтъ-дворянинъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ! Обращаясь къ вамъ, счастливый избранникъ, мы, благословляя ваше счастье и радуясь ему, вручаемъ вамъ прекрасную подругу жизни въ полной увѣренности, что вы будете, какъ зеницу ока своего, беречь эту чудесную розу Симбирскаго дворянства... За здоровье молодыхъ! Урра!

Хотя эта безтактная ?рѣчь генерала Замураева возмутила весь лѣвый флангъ, многихъ изъ „центра" и, конечно больше всѣхъ — Адама Брониславовича и Павла Николаевича, но что подѣлаешь? Бокалъ поднятъ за счастье молодыхъ...

И вотъ опять — хочешь-не хочешь, а кричи „ура“ и такимъ образомъ какъ-бы расписывайся подъ манифестомъ „зубровъ“ и „бегемотовъ“...

Не успѣли музыканты кончить тушъ, какъ генералъ произнесъ третій тостъ въ честь бабушки, Анны Михайловны, какъ хранительницы всѣхъ традицій русскаго столбового дворянства и особенную гордость Симбирскаго!

И снова — хочешь-не хочешь, а кричи „ура“ и, подходя съ бокаломъ къ величественной старухѣ, прикладывайся къ ея ручкѣ!

Бабушка растрогалась отъ избытка гордости, радости, благодарности за признаніе ея заслугъ предъ царемъ и отечествомъ. Она расплакалась и, чтобы не смущать общаго веселья, извинилась и вышла, опираясь на руку предводителя дворянства, изъ зала на свѣжій вѣтерокъ, на веранду. Трудно передать состояніе душъ лѣваго лагеря. Ударъ за ударомъ и какъ-бы полное отступленіе въ молчаніи. Кто-то долженъ взять команду и нарушить позорное молчаніе! Нуженъ отвѣтъ, достойная отповѣдь „зубрамъ“ и „бегемотамъ“ Его Величества. Отъ оскорбленія и безсильной злости на лѣвомъ флангѣ лица подергиваются гримассой негодованія и глаза ищутъ отмщенія со стороны Адама Брониславовича и Павла Николаевича. Ихъ лица тоже хмуры, жесты порывисты, во рту у нихъ пересохло, языки прыгаютъ. Но Адамъ Брониславовичъ, какъ лицо чествуемое, не можетъ на заздравный тостъ отвѣтить толчкомъ... Да и всѣ другіе, какъ гости, чуствуютъ себя связанными по рукамъ и ногамъ. Одна надежда на Павла Николаевича. Вопросительно и поощрительно обращаются на него взоры всѣхъ друзей, точно молятъ о помощи въ несчастіи...

Павелъ Николаевичъ отлично все понимаетъ, незамѣтно кивкомъ головы даетъ понять оскорбленнымъ, что тѣ получатъ компенсацію...

И дѣйствительно: когда бабушка исчезла съ гори-

зонта, а лакеи стали разносить ананасы въ шампанскомъ, Павелъ Николаевичъ всталъ и постучалъ вилкой о звонкую хрустальную вазу. Лѣвый флангъ вздрогнулъ и застылъ въ пріятномъ ожиданіи. Адамъ Брониславовичъ потупилъ глаза.

— Господа! Теперь, когда все уже сказано и мнѣ никакихъ пожеланій для молодыхъ ораторами не оставлено, когда все съѣдено и остались только ананасы въ шампанскомъ, — разрѣшите и мнѣ, отцу новобрачной, всетаки, хотя и передъ ананасами, сказать маленькое слово!

— Просимъ! Просимъ!

— Если скажу что-нибудь не въ тонѣ общей торжественности, вы закусите ананасами въ шампанскомъ и впечатлѣніе отъ неудачнаго слова изгладится!

Всѣ, во всѣхъ лагеряхъ, весело засмѣялись, а зубры и бегемоты пребывали въ полной безпечности, не чувствуя, что готовится ударъ...

— Такъ вотъ, господа! Какъ-никакъ, а я всетаки родитель. Ораторы совсѣмъ забыли объ этомъ и говорили: „мы отдаемъ, мы вручаемъ“ — это про Наташу, мою дочку! Бывали въ старину „дочери полка“, но „дочерей цѣлаго сословія“, кажется исторія наша не отмѣтила. Простите меня великодушно, но никакому коллективному родителю я своего родительскаго мѣста уступить не могу!

И снова веселый хохотъ. Хохочутъ уже и зубры и бегемоты съ супругами.

— Одинъ изъ ораторовъ весьма поэтично назвалъ мою дочь „розою Симбирскаго столбового дворянства“ и посовѣтовалъ молодому мужу хранить эту розу...

На правомъ флангѣ насторожились.

— Я, какъ отецъ этой розы, чувствительно тронутъ и польщенъ сравненіемъ, но жизнь состоитъ не изъ одной поэзіи, а съ огромной примѣсью прозы, отъ которой никуда не спрячешься... Вы говорите, — дво-

рянская роза? Я не профессоръ ботаники и не садоводъ. Но знаю, что розы выращиваются на жирномъ... навозѣ. Для дворянскихъ розъ былъ нуженъ навозъ, которымъ являлся закрѣпощенный въ рабство народъ!

Сразу сдѣлалось тихо, напряженно... Въ тишинѣ съ праваго фланга раздался выкрикъ:

— А Пушкинская Татьяна? Тургеневская Лиза?

На мгновеніе Павелъ Николаевичъ и всѣ его друзья немного опѣшили. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, Татьяна и Лиза — чисто дворянскія розы!

Павелъ Николаевичъ развелъ руками:

— Я отдаю дань восхищенія этимъ дворянскимъ розамъ, такъ искусно и художественно засушеннымъ и переданнымъ намъ художниками нашей классической литературы. Но, господа, не течетъ рѣка обратно. Не однѣ такія розы росли на крѣпостномъ навозѣ. Тѣ-же мастера художественнаго слова, вмѣстѣ съ такими рѣдкими розами, засушили намъ Скалозубовъ, Маниловыхъ, Іудушекъ и пр. и пр. Наталья Павловна, какъ и вообще наши дѣти, родилась и воспитывалась въ ту пору, когда мы, дворяне, должны были согласиться съ императоромъ Александромъ II, что рабъ, служившій для нашего благополучія, не навозъ, а человѣкъ!

Весь лѣвый флангъ и центръ загремѣлъ взрывомъ рукоплесканій.

— Слишкомъ дорого обходилось и государству и народу „дворянскія розы“, и я гордъ, что моя роза выросла на другой почвѣ, совсѣмъ не на дворянской! И вотъ, обращаясь къ своему зятю, я скажу: я отдаю вамъ не дворянскую розу, а живого свободнаго и прекраснаго человѣка! И отдаю не польскому витязю, а тоже свободному человѣку. Надѣюсь и вѣрю, что оба вы прежде всего будете помнить и гордиться не тѣмъ, что вы носите званіе дворянъ, а тѣмъ, что носите высокое званіе человѣка, созданнаго по образу и подобію Божьему! Въ этомъ сила и крѣпость и вашего личнаго союза и брат-

скаго содружества двухъ свободныхъ славянскихъ народовъ! Предлагаю еще одинъ заздравный кубокъ за счастливыхъ свободныхъ людей! Ура!

Раскатъ ура, рукоплесканій, музыки, звона бокаловъ...

Что подѣлаешь? Теперь и зубрамъ съ бегемотами пришлось поднять бокалъ!

Правда, они подняли его безъ особенной радости и не кричали, но крику было больше, чѣмъ достаточно. И почему-то особенно радовались Ананькинъ и Тыркинъ. Забыли про молодыхъ и вереницами тянулись къ Павлу Николаевичу, чтобы пожать тайно и крѣпко руку за такое блестящее отомщеніе...

Докушали ананасы въ шампанскомъ и бранные столы начали принимать хаотическій характеръ боевого поля, гдѣ только что кончилось сраженіе...

Всѣ снова спутались въ общей сумятицѣ. Одни потянулись на веранду и въ паркъ, другіе — въ „буфетъ-пьянку“, часть дамъ — въ свою секретную комнату... Точно забыли про молодыхъ: у всѣхъ свои дѣла и замыслы. Впрочемъ, ихъ уже не было: они устали, переволновались и скрылись на антресоляхъ отъ друзей и враговъ...

Когда стемнѣло, отчій домъ превратился въ волшебный замокъ, полный всякихъ чудесъ: танцы подъ оркестръ, пѣніе прекраснаго хора, иллюминація въ паркѣ, бенгальскіе огни, фейерверки...

Всю ночь барскій домъ былъ осажденъ изумленнымъ чудесами народомъ, для котораго этотъ домъ превратился какъ-бы въ сказочный замокъ волшебника Черномора...

Нехорошо оно выносить соръ изъ избы, но что подѣлаешь? Лѣтописецъ обязанъ заносить на страницы своей лѣтописи всякія происшествія и событія своего времени.

Ночью въ Ванином „буфетѣ-пьянкѣ“ произошелъ крупный скандалъ, съ мордобитіемъ.

Какъ и предсказывала бабушка, Ваня напился первымъ и не могъ уже наблюдать за повышеніемъ температуры и градуса гостей. Поэтому карета скорой помощи перестала работать и въ буфетѣ скопился горючій матеріалъ.

А какъ и что случилось, читатель узнаетъ въ слѣдующей главѣ.

VII.

Уже во время концертнаго отдѣленія въ освобожденномъ отъ бранныхъ столовъ залѣ было замѣтно, что многіе гости мужскаго рода достигли значительнаго градуса: громко разговаривали, подпѣвали выступающимъ солистамъ, прерывали ихъ преждевременными аплодисментами. Свершилось и предсказаніе бабушки: Ваня Ананькинъ напился прежде всѣхъ прочихъ и, самовольно захвативъ роль конферансье, началъ занимать публику своими интермедіями хотя и остроумными, но часто весьма нескромными, приводившими въ восторгъ подвыпившихъ мужчинъ и заставлявшихъ смущаться и краснѣть — дамъ и дѣвицъ. Когда программа концерта была закончена, Ваня поднялся на эстраду и началъ декламировать неповинующимся языкомъ:

Ночь!.. успѣли мы всѣмъ нас...сладиться...
Что-жъ намъ дѣлать? Не...не хочется спать.
Мы теперь-бы готовы молиться...

тутъ Ваня глупо улыбнулся и кончилъ экспромтомъ:

Да дѣвицы хотятъ танцевать!
— Музыка! Вальсъ!

И начался балъ. Танцевала больше молодежъ, а солидные гости либо играли въ карты въ гостинной и на верандѣ, либо твердо отсиживались въ Ваниной „мерт-

вецкой", набирая градусъ и толкуя о различныхъ событіяхъ и вопросахъ государственной важности.

Около полуночи балъ оборвался и публика хлынула въ паркъ, похожій теперь на сады волшебницы Альцины. Разноцвѣтные китайскіе фонарики, гирляндами развѣшенные по аллеямъ, смоляные факелы, бенгальскіе огни, снующая парочками публика, смѣшки и вскрики въ густыхъ заросляхъ, смѣна освѣщенія, то краснаго, то синяго, то зеленаго, взвивающіяся и разсыпающіяся разноцвѣтными звѣздочками ракеты въ казавшихся теперь черными небесахъ, — все это дѣйствительно напоминало былыя дворянскія ассамблеи, еще никогда невиданныя современными жителями деревни. Никудышевцы не ложились спать и висли на заборахъ и оградѣ парка:

— Какъ въ раю!

Домъ опустѣлъ. Пребывалъ въ хаосѣ безначалія. Молодые послѣ бала скрылись въ приготовленномъ для нихъ лѣвомъ флигелѣ и больше не появлялись. Бабушка переутомилась отъ хлопотъ и волненій, — у ней начался обычный мигрень и она залегла, какъ медвѣдь въ берлогу, въ своей комнатѣ на антресоляхъ. Тетя Маша бродила какъ сонная муха осенью. Некому стало распоряжаться и отчій домъ былъ предоставленъ всякимъ случайностямъ. Какъ-бы капитулировалъ предъ гостями-завоевателями. Павелъ Николаевичъ давно уже пересталъ разыгрывать роль гостепріимнаго хозяина и втянулся въ безконечный „винтъ" съ правыми.

Центромъ жизни и оживленія сдѣлался въ домѣ Ванинъ „буфетъ-пьянка". Хотя тамъ плотно засѣлъ „третій земскій элементъ", но время отъ времени туда заглядывали и картежники изъ праваго лагера, чтобы освѣжиться и промочить глотку.

Вотъ тамъ-то и случилось...

Въ былыя времена весь третій элементъ земства состоялъ изъ народнической интеллигенціи. Всѣ земскіе врачи, агрономы, учителя, фельдшера, техники — всѣ

были народниками, если не съ революціоннымъ, то оппозиціоннымъ настроеніемъ къ правительству и его властямъ. Теперь въ этомъ лѣвомъ земскомъ лагерѣ, по прежнему революціонно-настроенномъ, завелись интеллигенты новой марксистской идеологіи. Конечно, между интеллигентами старой и новой вѣры, какъ всюду въ центрахъ, и здѣсь, въ глухой провинціи, шла непрестанная словесная распря. Даже когда два такихъ идеологическихъ врага сидѣли молча за одной работой, они напоминали два электрическихъ провода съ положительнымъ и отрицательнымъ электричествомъ. Стоило только ихъ сблизить, чтобы получился ударъ и искра.

Все было тихо и мирно. Два статистика, агрономъ, земскій страховой агентъ, земскій врачъ, секретарь земской управы, знакомый намъ Елевферій Крестовоздвиженскій, сперва вспоминали о своей младости и революціонныхъ заслугахъ, потомъ пѣли хоромъ студенческія революціонныя пѣсни и казались друзьями и единомышленниками. Но вотъ въ буфетъ вошли купецъ Ананькинъ подъ ручку съ княземъ Енгалычевымъ и, за ними слѣдомъ, генералъ Замураевъ подъ ручку съ исправникомъ, продолжая начатые раньше разговоры. Ваня, весьма комично розыгрывавшій роль буфетчика, налилъ для нихъ водки, но генералъ поморщился и сказалъ:

— Ты знаешь, что я пью только коньякъ! Дай двѣ коньяку!

— Ну, а мы съ тобой, князь, царской монопольной, потому мы патріоты! — пошутилъ купецъ Ананькинъ и предложилъ партнеру выпить за министра финансовъ Витте.

— Господа! — обратился купецъ Ананькинъ къ генералу съ исправникомъ — выпьемъ всѣ за Сергѣя Юльевича!

Князь Енгалычевъ и Яковъ Ивановичъ протянули рюмки, чтобы чекнуться, но генералъ Замураевъ отстранилъ свою рюмку и отрицательно качнулъ головой:

— Не могу-съ!

Исправнникъ остался въ молчаливой неподвижности.

— Это почему-же такъ? — обиженно спросилъ растерявшійся Яковъ Ивановичъ, оглядывая публику ищущимъ сочувствія взоромъ.

Генералъ не отвѣтилъ и выпилъ въ одиночку. Исправникъ остался съ рюмкой. Яковъ Ивановичъ къ нему:

— Какъ-же это исправнику не выпить за здоровье министра? Чай, одному царю служите? — съ искренной наивностью спросилъ Яковъ Ивановичъ. Исправникъ пожалъ плечомъ и чекнулся съ Яковъ Ивановичемъ, чек нулся какъ-то виновато.

Вся лѣвая публика дружно захохотала.

— Браво, Яковъ Иванычъ!

Генералъ почему-то обидѣлся и сталъ бочкомъ пролѣзать чрезъ толпу къ выходной двери. На порогѣ обернулся и крикнулъ Якову Ивановичу:

— Тутъ иайдется очень много желающихъ выпить за министра Витте. Я не изъ ихъ числа!

И скрылся.

Генералъ поступилъ честно и прямолинейно: онъ считалъ министра Витте тайнымъ революціонеромъ, тайнымъ другомъ всей этой интеллигенціи и врагомъ дворянства. Исправникъ думалъ такъ-же, но, какъ представитель власти, вынужденъ былъ выпить за Витте.

Вотъ этотъ комическій эпизодъ и послужилъ началомъ острыхъ споровъ и столкновеній, окончившихся мордобитіемъ.

Исправникъ поспѣшилъ удрать слѣдомъ за генераломъ, а Яковъ Ивановичъ съ княземъ Енгалычевымъ остались и приняли участіе въ спорахъ...

Пословица говоритъ: „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ". И вотъ въ неожиданной словесной битвѣ, закипѣвшей около имени Витте, какъ въ маленькомъ осколкѣ зеркала, отразился весь хаосъ въ умахъ и душахъ культурныхъ людей, который царилъ теперь

во всей взбаламученной Россіи. Правда,— это отраженіе получило каррикатурный обликъ, ибо воевали подвыпившіе провинціальные представители всѣхъ классовъ, сословій и власти, но тѣмъ выпуклѣе и ярче предсталъ предъ нами общій развалъ въ умахъ и чувствахъ...

Въ поведеніи предводителя дворянства, генерала Замураева, мы узрѣли „праздникъ на дворянской улицѣ“ и гордое сознаніе своего государственнаго значенія со стороны „опоры трона“.

Въ поведеніи исправника, вошедшаго подъ ручку съ предводителемъ дворянства и съ пугливымъ запозданіемъ выпившаго за министра Витте рюмку водки — полную растерянность власти, вынужденной раскланиваться какъ съ „опорою трона“, такъ и съ ненавистнымъ ей „краснымъ министромъ“...

Въ поведеніи Якова Ивановича — „праздникъ на улицѣ торговли и промышленности“ такъ расцвѣтшей благодаря министру Витте.

Въ поведеніи князя Енгалычева, вошедшаго подъ ручку съ Ананькинымъ, двусмысленное положеніе той части „опоры трона“, которая, такъ сказать, уподоблялась тому ласковому теленку, которому удается сосать двухъ матокъ: дворянскій банкъ и винную монополію.

Въ поведеніи интеллигенціи — полную идеологическую разруху и „смѣшеніе языковъ“. Яковъ Ивановичъ, какъ-бы оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ отказомъ генерала Замураева выпить за министра финансовъ, вздумалъ аппелировать ко всей публикѣ:

— Какъ-же такъ, господа? Кто поднялъ наши финансы и нашу промышленность до такой высоты? Кто обогатилъ государство? Витте! Теперь, скажемъ, сколько голоднаго народу около фабрикъ и заводовъ кормится?.. А кто сдѣлалъ это? Витте! Всѣ мы должны выпить за здоровье Сергѣя Юльевича!

Вотъ тутъ и началась словесная свалка...

Интеллигенты старой народнической вѣры прямо

осатанѣли въ своемъ озлобленіи противъ Витте. Обвиненія, одно другого страшнѣе, посыпались на голову ненавистнаго министра: спаиваетъ и разоряетъ народъ, искуственно насаждаетъ капитализмъ и пролетаріатъ, стремится разрушить крестьянскую земельную общину и превратить народъ въ батраковъ для помѣщиковъ и фабрикантовъ, государственный бюджетъ увеличиваетъ на крови и потѣ мужика...

— Вы говорите, — поднялъ нашу промышленность и финансы! Именно ваши! Изъ мужицкаго кармашка послѣдній грошъ въ вашъ карманъ перекладываетъ. На кой чертъ ваши фабрики и заводы, когда мужику не только купить продукты промышленности не на что, а и жрать-то нечего! Благодѣтели!

Яковъ Ивановичъ даже испугался: какъ бы не избили еще!

— Какъ-же такъ? Какое-же государство безъ промышленности?

— Мужикъ вонъ сахаръ нашъ только полижетъ, а нѣмцы имъ свиней откармливаютъ!

Совершенно неожиданно на защиту испугавшагося купца выступили интеллигенты новой марксистской вѣры, изъ тѣхъ, которые одобряли развитіе капитализма и находили необходимымъ, во имя приближенія къ соціализму, поскорѣе „выварить мужика въ фабричномъ котлѣ“ и потому ничего не имѣли противъ обезземеливанія крестьянъ. Они съ такимъ пафосомъ защищали министра Витте, что можно было подумать, будто и Витте — тоже марксистъ и ихъ единомышленникъ.

И защищая Витте, они обрушились на интеллигентовъ старой вѣры съ неменьшей злобою, чѣмъ тѣ на Витте и его защитника, Якова Ивановича...

Поднялся безтолковый шумный хаотическій споръ, споръ—чтобы переспорить, въ которомъ русскіе интеллигенты, защитники всяческихъ свободъ, перестаютъ считаться съ чужимъ взглядомъ и убѣжденіемъ, нано-

сятъ другъ другу словесныя оскорбленія, стараются поддѣть другъ друга острымъ обиднымъ словцомъ, когда за средствами побѣды теряется уже и цѣль ея, когда люди забываютъ уже о чемъ они собственно спорятъ...

Конечно, ни князь Енгалычевъ, ни Яковъ Ивановичъ Ананькинъ. ровно ничего не понимали. Князь лишь убѣдился, что генералъ Замураевъ правъ: революціонеры горой стоятъ за Витте, а Яковъ Ивановичъ взялъ князя подъ ручку и повлекъ къ выходной двери:

— Свои собаки грызутся, чужая не приставай! — шепнулъ онъ на ухо князю, — уйдешь отъ зла, какъ сказано, и сотворишь благо...

Предчувствіе не обмануло Якова Ивановича. Лишь только они вышли, какъ грызня перешла въ драку. Кто-то кого-то оскорбилъ, назвавши „прихвостнемъ Витте", а тотъ отвѣтилъ плюхой. Одинъ статистикъ далъ другому статистику принципіальную плюху, они начали драться, а ихъ стали разнимать и получилась общая свалка: подрались и разниматели.

Спасибо Ванѣ. Онъ и пьянъ да уменъ. Сразу сообразилъ, какъ остановить позорное происшествіе. Онъ вспомнилъ, что за выходящимъ въ садъ окномъ — есть поливная кишка. Выскочилъ въ садъ и пустилъ сильную струю воды въ эту собачью схватку. И всѣ сразу опомнились...

Конечно, при этомъ оказалось нѣсколько невинно пострадавшихъ. Дрались пятеро, а мокрыми оказались десять человѣкъ.

Вотъ тутъ и пригодился Ванинъ „пріемный покой" и карета скорой помощи.

Вѣсть о прискорбномъ происшествіи быстро сдѣлалась общимъ достояніемъ, но никто не придалъ этому особеннаго значенія: мало-ли что случается по пьяному дѣлу! Всѣ были заняты своимъ дѣломъ, преслѣдовали свои интересы.

Впрочемъ, генералъ Замураевъ съ большимъ удо-

вольствіемъ слушалъ разсказы очевидцевъ о мордобитіи. Покручивая свой накрашенный зеленоватый усъ, онъ говорилъ Павлу Николаевичу:

— Вотъ вашъ будущій парламентъ!

Посмѣивался и Яковъ Ивановичъ:

— У насъ на свадьбахъ горшки бьютъ, а у васъ прямо по башкамъ!

Враги обсушились, протрезвились, примирились, подъ воздѣйствіемъ Павла Николаевича, между собой и все пошло своимъ порядкомъ...

На другой день проводили молодыхъ въ заграничное путешествіе. Бабушка захворала, гости начали разъѣзжаться. Остались только родственники и друзья, которые долго еще не могли разорваться.

Опустѣла бѣлая дѣвичья комнатка на антресоляхъ. Бабушка каждый день заходила туда, присаживалась, вздыхала и отирала платочкомъ слезы...

— Отлетѣла моя голубка!

VIII

„Охъ, тяжела ты, шапка мономаха"!..

Особенно тяжела, когда самодержецъ не обладаетъ ни силою воли, ни мудростію змія и хитростью лисы, ни предвидѣніемъ государственнаго вождя, и пребываетъ въ вѣчномъ колебаніи, сомнѣніяхъ нерѣшительности, заставляющихъ его не вѣрить самому себѣ и собственному могуществу и искать опоры въ окружающихъ совѣтникахъ. И какъ вѣрить этимъ совѣтникамъ, если не вѣришь самому себѣ? Если сомнѣваешься даже въ собственномъ выборѣ?

Молодой царь получилъ въ наслѣдіе отъ отца двухъ совѣтниковъ: Побѣдоносцева и Витте. Оба съ недюжиннымъ умомъ и государственными способностями. Если-бы молодой царь обладалъ необходимыми для самодержца талантами, онъ умѣлъ бы, пользуясь совѣтами

этихъ двухъ мудрецовъ, взаимно отрицающихъ другъ друга, найти свой собственный путь и утверждать свою самодержавную волю. Но такими талантами, при наличіи всяческихъ человѣческихъ добродѣтелей, молодой царь не обладалъ...

И самодержавный скипетръ выпалъ изъ его рукъ и сдѣлался игрушкой придворныхъ партій, придворныхъ льстецовъ и карьеристовъ, дворянской камарильи, прикрывшихся щитомъ патріотизма и вѣрноподанничества аферистовъ. Два полученныхъ въ наслѣдіе отъ отца мудреца, Побѣдоносцевъ и Витте, цѣнность которыхъ въ глазахъ молодого царя была уже взвѣшена въ прошлое славное царствованіе, давали совершенно различные несовмѣстимые совѣты. Значитъ, кто-то изъ двухъ мудрецовъ неправъ, вводитъ въ ошибку и заблужденіе, кто-то изъ двухъ толкаетъ на ложный шагъ, можетъ быть самъ того не вѣдая, а, можетъ быть, и съ какимъ-нибудь умысломъ... Душа царя, какъ вода въ взбаламученномъ источникѣ, темнѣетъ... А въ мутной водѣ такъ удобно ловить рыбку! А рыбаковъ такихъ вокругъ трона великое множество...

Всякому овощу свое время. Вѣроятно, и Побѣдоносцевъ былъ когда-то весьма нужнымъ и полезнымъ государственнымъ человѣкомъ. Но это время уже давно прошло, Побѣдоносцевъ уже пережилъ самого себя, напоминалъ государственнаго старьевщика, государственнаго Плюшкина, собирающаго и хранящаго всю отжитую рухлядь прошлаго столѣтія. Историки называли его „злымъ геніемъ Россіи“. А между тѣмъ этотъ живой покойникъ не терялъ своего вліянія на царя, его рѣшенія и поступки. Въ побужденіяхъ своихъ, однако, этотъ первѣйшій изъ бегемотовъ Его Величества былъ всегда чистъ и искрененъ и тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ своими совѣтами на царя. „Золотой вѣкъ“ Россіи для этого старца былъ въ прошломъ и туда онъ упрямо направлялъ государственный корабль. Но колесо исторіи не

вертится въ обратную сторону и этотъ „золотой вѣкъ" Побѣдоносцева и его ставленниковъ былъ такой-же утопіей, какъ „соціалистическій рай" революціонеровъ.

Другой царскій совѣтникъ, Витте, былъ чуждъ всякихъ утопій, какъ крайне правыхъ, такъ и крайне лѣвыхъ. Это былъ человѣкъ большого государственнаго размаха и прозрѣнія, человѣкъ европейской культуры.. Какъ человѣкъ, онъ, конечно, былъ подверженъ всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и нѣтъ ничего мудреннаго, если ему, одинокому въ душной придворной атмосферѣ изъ льстецовъ и карьеристовъ, нерѣдко и самому приходилось въ борьбѣ съ ними прибѣгать къ лисьей хитрости, мѣнять „маски", двуличничать, чтобы не слопали враги, чтобы не утратить необходимаго ему вліянія на царя, чтобы если не прямо, то обходными путями вывести государственный корабль въ открытое европейское плаваніе...

Друзей у него не было, а враговъ — много, и, надо удивляться, какъ, при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ для государственнаго творчества условіяхъ, этотъ умный человѣкъ такъ долго оставался непобѣдимымъ и не терялъ ни своего вліянія на подозрительнаго царя, ни своего государственнаго значенія...

Враги добились того, что царь охладѣлъ къ нему, но обойтись безъ него онъ всетаки не могъ: царь инстинктомъ угадывалъ, что, какъ-бы тамъ ни было, а всетаки этотъ подозрительный министръ умнѣе всѣхъ его окружающихъ вѣрноподанныхъ!..

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какъ только революціонный подъемъ въ центрахъ и волна крестьянскихъ бунтовъ, разливающихся по всему югу, стали снова угрожать государственному спокойствію и порядку, царь вспомнилъ письмо Витте о роли и значеніи крестьянскаго сословія въ мужицкомъ царствѣ и сдѣлалъ Витте предсѣдателемъ „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленно-

сти", въ программу котораго долженъ былъ войти и „крестьянскій вопросъ"...

Это было огромной государственной побѣдою министра Витте.

Вѣсть объ этой побѣдѣ съ быстротой молніи облетѣла всю Россію, взволновало всѣ классы и сословія, всю интеллигенцію и лицомъ къ лицу поставила закоренѣлыхъ враговъ: ликующихъ либераловъ и омраченныхъ консерваторовъ, передовую интеллигенцію изъ дворянъ и дворянскую „опору трона"...

Въ задачу Витте вовсе не входило тайныхъ желаній угодить либеральной партіи или подпакостить дворянской. Но вышло такъ, что онъ перенесъ праздникъ съ дворянской улицы на широкую интеллигентскую. Передовые земцы особенно торжествовали и простили Витте его грѣхъ передъ земскимъ самоуправленіемъ: его докладъ царю о несовмѣстимости самоуправленія съ самодержавіемъ. Дворянская камарилья и ея ставленники съ пѣной бѣшенства на устахъ произносили имя Витте.

Къ счастью Витте „мужикъ" словно почувствовалъ, что „господа" собираются рѣшать его судьбы и снова заговорилъ на своемъ антигосударственномъ языкѣ. Едва успѣли сорганизоваться губернскіе и уѣздные комитеты „Особаго совѣщннія", какъ хлынула новая, небывалая еще по своей высотѣ и силѣ волна мужицкихъ волненій, безпорядковъ и бунтовъ. Саратовская, Пензенская, Симбирская, Тамбовская, Тверская, Псковская, Ковенская, Подольская, Кіевская, Херсонская, Черниговская, Воронежская, Полтавская и Харьковская губерніи, одна за другою или цѣлыми группами, загорались пожаромъ возстаній и грозили слиться въ страшный всеобщій „жестокій и безсмысленный бунтъ"...

Этотъ грозный мужицкій голосъ съ одной стороны обезсилилъ партію Побѣдоносцева, а съ другой стороны явился большимъ козыремъ въ рукахъ либераловъ и передовой и революціонной интеллигенціи...

Предвидѣлъ-ли Витте рискованность своего предпріятія? Вѣроятно, предвидѣлъ и шелъ на рискъ. Иного выхода изъ экономическаго и политическаго тупика, въ которомъ очутилось государство, не было. Приходилось идти въ аттаку и брать позиціи врага съ бою...

Работа мѣстныхъ комитетовъ началась подъ воздѣйствіемъ исключительнаго общественнаго возбужденія и нервозности. А тутъ вдругъ оглушительное событіе въ Петербургѣ: 2 Апрѣля министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ убитъ бывшимъ студентомъ Балмашевымъ, выполнившимъ приговоръ боевой организаціи революціонеровъ...

Балмашевъ пріѣхалъ въ помѣщеніе комитета министровъ подъ видомъ адъютанта великаго князя Сергѣя Александровича и, дождавшись въ вестибюлѣ прибытія министра Сипягина и подавая ему пакетъ отъ великаго князя, — убилъ изъ револьвера министра...

Надо сказать правду: передовые круги столичнаго и провинціальнаго общества не столько испугались этого убійства, сколько въ тайнѣ возрадовались. Конецъ рабскому молчанію! Хорошее предостереженіе зарвавшейся камарильи! Нужно было видѣть радостные блуждающіе огоньки въ глазахъ оппозиціонной интеллигенціи, жадно хватавшей и читавшей газеты, съ описаніемъ подробностей этого политическаго убійства!

Съ хорошимъ настроеніемъ отдавали они послѣдній долгъ покойному министру, веселыми ногами шли на панихиду и на оффиціальныхъ собраніяхъ говорили рѣчи, полныя лицемѣрнаго возмущенія злодѣяніемъ преступника, и чтили память убитаго вставаніемъ и глубокимъ молчаніемъ...

Радоваться, однако, было нечему: это политическое убійство дало большой козырь въ руки побѣжденнаго было Побѣдоносцева, придворнымъ врагамъ Витте и всей „опорѣ трона". Они сумѣли запугать царя, освѣжить его подозрительность къ реформатору и снова

потянуть царя къ попятному движенію къ золотому вѣку невозвратнаго прошлаго.

На мѣсто убитаго Сипягина былъ назначенъ явный врагъ Витте, ставленникъ дворянской камарильи, Плеве, а въ августѣ того-же года царь на маневрахъ подъ Курскомъ отнялъ всякія надежды у передовой интеллигенціи и крестьянъ на „Особое совѣщаніе“, устроенное подозрительнымъ министромъ финансовъ...

Царю представлялись депутаціи отъ дворянъ и крестьянъ многихъ бунтовавшихъ губерній и вотъ что сказалъ имъ царь:

Дворянамъ:

— Помѣстное дворянство составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, а потому его укрѣпленіе будетъ моей непрестанной заботою!

Крестьянамъ, въ лицѣ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ:

— Весной во многихъ губерніяхъ крестьяне разграбили помѣщичьи экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство сумѣетъ не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова моего покойнаго батюшки: слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ! Помните, что люди богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и своей жазни по заповѣдямъ Божіимъ. Передайте въ точности, что я сказалъ, вашимъ односельчанамъ!

Губернскіе комитеты „Особаго совѣщанія“ возглавлялись губернаторами, а уѣздные комитеты — предводителями дворянства.

Верховный предсѣдатель Особаго совѣщанія, Витте, особымъ письмомъ въ комитеты предоставилъ имъ полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ на современное положеніе сельскаго хозяйства.

Новый министръ Плеве особымъ циркуляромъ гу-

бернаторамъ и предводителямъ дворянства приказалъ держаться въ строго намѣченныхъ границахъ сужденій. Сразу два диктатора. А гдѣ-же самодержавіе?..

Два диктатора, оба облеченные довѣріемъ монарха. Два враждебныхъ другъ другу лагеря: одинъ тянетъ Россію назадъ, другой — впередъ...

Съ кѣмъ-же ты, самодержавный монархъ?

Пока царь на Курскихъ маневрахъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленно, лѣвый лагерь русской общественности пребывалъ въ необычайно радостномъ возбужденіи. Да и какъ было не радоваться, не торжествовать? Вѣдь, Высочайше утвержденное „Особое совѣщаніе“ съ правомъ участія въ немъ широкаго круга общественныхъ и политическихъ дѣятелей и съ объявленной какъ-бы свыше гарантіей полной свободы мысли, слова и совѣсти, а потому и съ неприкосновенностью гражданской личности, знаменовало совершенно новую эру въ государственномъ бытіи! Запахло уже парламентомъ. Вѣдь, это первый проломъ въ стѣнѣ самодержавія! Знаменіе грядущихъ освободительныхъ реформъ!..

И какъ, по тѣмъ-же причинамъ, было не прійти въ тревожное возбужденіе и замѣшательство правому лагерю, въ которомъ пребывала „опора самодержавнаго трона“?

И вотъ забили въ набатъ оба лагеря...

Тайныя съѣзды и совѣщанія. Депутаціи въ Петербургъ, конечно, неоффиціальнаго характера, съ задняго хода во Дворецъ...

Пока бунтовалъ „мужикъ“ и пока бунтарскій пожаръ не былъ залитъ обычными крутыми расправами, царь безмолствовалъ. Осенью стало ясно, что опасность всероссійскаго мужицкаго пожара миновала. Царь увѣровалъ въ министра Плеве и сказалъ, что все должно остаться по прежнему...

Надежды лѣваго лагеря потухли, но душа его пылала разожженнымъ политическимъ огнемъ.

„Особое совѣщаніе“ все-же существуетъ. У царя не оказалось смѣлости просто упразднить его. Циркулярное письмо верховнаго предсѣдателя Витте съ предложеніемъ свободныхъ и откровенныхъ сужденій остается въ силѣ.

Пусть лопнули надежды на новую эру, но остается возможность небывалой еще общественной демонстраціи, возможность публично высказать свое гражданское негодованіе, бросить вызовъ слѣпому правительству слѣпого царя!

По самому характеру „Особаго совѣщанія“ земства должны были сыграть въ немъ первенствующую роль. Вѣдь, даже по новому исковерканному Земскому Положенію, вопросы о земскомъ хозяйствѣ и промышленности въ огромной мужицкой Россіи предоставлены заботамъ и попеченіямъ земскаго самоуправленія. Земства стали готовиться къ бою. По всей Россіи происходили земскія собранія, чтобы подать свой голосъ въ мѣстные комитеты „Особаго совѣщанія: губернскій — подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ и уѣздный — подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства...

И вотъ „малый міръ“, культурный, по всей Россіи раскололся на два враждебныхъ лагеря, и вступилъ въ ярый словесный бой. А „огромный міръ“, мужицкій остался въ сторонѣ, почесывалъ себѣ заднее мѣсто послѣ генеральной порки и кротко говорилъ:

—Вы — нащи отцы, мы — ваши дѣти... Дѣлайте, какъ знаете! Вамъ виднѣе оно...

Періодъ бунтовъ смѣнился обычнымъ молчаніемъ, но то и дѣло ночные горизонты трепыхали заревомъ далекихъ пожаровъ...

IX.

Свирѣпы зимы въ средней Россіи, но за то какъ прекрасны весна и осень!

И трудно сказать, что лучше: весна или осень...

Отчій домъ красивѣе осенью.

Прощальная ласка осенняго солнца, кроткое и покорное умираніе Земли, разлитая въ природѣ грусть разлуки какъ-то больше гармонируютъ съ старой барской усадьбой, съ отошедшимъ въ невозвратность дворянскимъ „ампиромъ“ и со всѣми этими развалинами прошлаго, чѣмъ буйно-радостная весна...

Осенью точно сонъ или смутное воспоминаніе — этотъ домъ съ облупившимися колоннами, съ безносыми львами у воротъ, окруженный вѣковымъ паркомъ, наряженнымъ въ старинную парчу осеннихъ цвѣтовъ: желтыхъ, зеленыхъ, ярко красныхъ...

Все обвѣяно особенной нѣжной грустью, лирикой заброшеннаго кладбища, гдѣ спятъ непробуднымъ сномъ всѣ герои „Евгенія Онѣгина“...

Въ этомъ году была исключительно привѣтливая и ласковая осень. И какъ-то особенно нѣжно и кротко грустилъ „Отчій домъ“, погрузившійся, послѣ вылета Наташи изъ родного гнѣздышка, въ тихое и мудрое созерцаніе и самъ похожій на бабушку, которая вылѣзала на балконъ, садилась въ любимое кресло предковъ, грѣла свои старыя кости и сладко грезила о прожитой жизни...

Всѣ давно покинули отчій домъ. Пошумѣли, какъ пролетная стая галокъ и исчезли. Остались только бабушка и тетя Маша съ мужемъ. Старикъ съ двумя старухами. Они не нарушали общаго лирическаго настроенія картины, а напротивъ: усиливали его. Точно призраки стараго „Дворянскаго гнѣзда“...

Бабушка осталась отдохнуть послѣ исключительныхъ хлопотъ и заботъ, потраченныхъ на свадьбу и „ассамблею“, погрустить о Наташѣ, привести въ порядокъ свои мысли и чувства, пожить съ двумя единственными теперь у ней вѣрными друзьями: сестрицей, тетей Машей, и съ Никитой.

Цѣлую недѣлю бабушка отлеживалась и отсиживалась на верандѣ, гдѣ тетя Маша варила варенье на зиму. Маленько отдохнула и подумывала уже объ отъѣздѣ въ Алатырь, но какъ громъ съ неба — несчастіе, особенно тяжелое послѣ веселаго брачнаго праздника: померъ Никита...

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ!

Для бабушки это было двойнымъ ударомъ: Никиту бабушка любила особенной дворянской любовью, ибо въ немъ она чуяла старину патріархальнаго золотого вѣка съ вѣрными и преданными дворовыми слугами, а затѣмъ бабушка восприняла эту смерть не какъ простое несчастіе, а какъ вѣщее дурное предзнаменованіе, чему способствовала внезапность Никитиной кончины.

Совсѣмъ недавно, дня три тому назадъ, бабушка видѣла его здоровымъ и даже отечески побранила его за то, что „пахнуло отъ него водочкой“:

— Опять выпилъ? И не стыдно тебѣ, старику, водку глохтать?

— А ты погоди ругаться-то! Выслушай...

И Никита разсказалъ, что когда онъ лошадей съ водопоя велъ, (больше недѣли прошло ужъ) навстрѣчу Ваня на своей чертовой машинѣ ѣхалъ. Лошади испугались, рваться стали и чалый меринъ въ брюхо его лягнулъ.

— Сперва очень больно было и въ родѣ, какъ лихоманка. А потомъ полегче. У меня, ваше сіятельство, одно лѣкарствіе: выпьешь и здоровъ! Значитъ, не то чтобы я для грѣха выпилъ, а для здоровья!..

Посмѣялась бабушка и добрыя отношенія возстановились.

И вдругъ приходитъ утромъ дѣвка изъ кухни и говоритъ, подавая самоваръ:

— Померъ Никита-то!..

— Что?

— Никита, говорю, померъ. Никто и не слыхалъ, какъ помиралъ...

— Какъ померъ?

— Да такъ, померъ.

Бабушка ушамъ не вѣрила, а дѣвкѣ показалось, что бабушка разсердилась на Никиту:

— Безъ спроса люди-то помираютъ, барыня... Съ вечера жаловался, что внутряхъ горитъ и въ головѣ мутится, поохалъ да покряхтѣлъ, а потомъ выпилъ водки и притихъ... Порà лошадей поить, а онъ не встаетъ. Стала будить куфарка, а онъ холодный. Напугалась до смерти...

Бабушка поблѣднѣла, какъ полотно стала, и въ обморокъ. Дѣвка перепугалась и побѣжала во флигель къ тетѣ Машѣ:

— И старая барыня померла!

Напугала Алякринскихъ до смерти. Опрометью кинулись старики черезъ дворъ. По дорогѣ оба вспомнили объ акушеркѣ и пожалѣли, что нѣтъ ея подъ рукой. Дѣло, однако, обошлось безъ клизмы: нашатырный спиртъ и валерьянка привели бабушку въ сознаніе...

Хлопотъ надѣлалъ большихъ Никита. Попъ отказался хоронить безъ докторскаго свидѣтельства: онъ мстилъ бабушкѣ за то, что вѣнчать Наташу она пригласила не его, а Алатырскаго благочиннаго, отца Варсонофія. Получилось изъ Никиты „мертвое тѣло“, подлежащее вскрытію. Вскрытіе дѣлали въ каретникѣ. Опять событіе, взволновавшее всю Никудышевку.

Тихій ужасъ, казалось, повисъ надъ отчимъ домомъ. Бабушка, конечно, заболѣла и Никиту хоронили тетя Маша съ мужемъ. Бабушка дала сто рублей на похороны и спряталась.

И опять поползли по деревнѣ злые слухи, обвиняющіе господъ въ смерти Никиты:

— Все изъ-за нихъ. Имъ, что свинья, что мужикъ...

Дворовая дѣвка пугала бабушку: покойникъ Никита, помершій безъ покаянія, бродитъ по ночамъ по двору, навѣщаетъ конюшню, заплетаетъ хвосты лошадямъ и постукиваетъ въ окошко кухни:

— Вотъ лопни мои глазаньки — не вру, барыня! Вчерась ночью проснулась я и слышу, — кто-то потихоньку подъ окномъ постукиваетъ. Кто тамъ? — спрашиваю. Стихло. Только стала засыпать, — опять: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ! Я метнулась глазами-то на окно, а за нимъ Никита стоитъ и рукой меня приманиваетъ... Какъ я завизжу, — всѣ проснулись...

— Приснилось тебѣ, дурѣ...

— Какъ это, барыня, приснилось, когда я глядѣла... А ночь-то была свѣтлая, мѣсяцъ на небѣ стоялъ... Какъ живого видѣла!

— Надо молебствіе отлужить, барыня...

— И опять — дура: не молебствіе, а панихиду!

— Ну панифиду, что-ли... Отъ конюшни-то, видишь, безпокоянная душенька его оторваться не можетъ...

Непріятно и страшно стало бабушкѣ по ночамъ. Не спалось и чудилось, что кто-то въ окошко, гдѣ-то внизу, постукиваетъ. Въ голову лѣзли воспоминанія о всѣхъ родныхъ покойникахъ, потому что вся жизнь, отъ далекаго дѣтства до старости, въ этихъ воспоминаніяхъ была связана теперь только съ покойниками!..

Вотъ и Никиты не стало! Точно послѣдняя ниточка съ прошлымъ порвалась...

— Подай, Господи, въ мирѣ и покаяніи скончати животъ свой... и о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судилищѣ Твоемъ!..

Чуялся неизбѣжный „конецъ“ бабушкѣ, болѣе страшный и пугающій, чѣмъ сама смерть. Предки помирали спокойно, въ крѣпкой увѣренности, что земной домъ ихъ передается въ надежныя руки, что и послѣ смерти они будутъ жить въ потомкахъ своихъ. Этакое родовое безсмертіе и ненарушимость бытія земного, по-

рядка всякаго, ощущалась. Всѣ дѣла по хозяйству устроены, завѣщаніемъ закрѣплены на вѣки вѣковъ, грѣхи покаяніемъ очищены, — значитъ можно спокойно умереть. Теперь не такъ... Неизвѣстно, что будетъ и случится впереди... Точно вся земля и всѣ люди въ тревогѣ ждутъ чего-то, конца какого-то...

А тутъ еще изрѣдка заѣзжалъ къ бабушкѣ генералъ Замураевъ и точно зловѣщій воронъ каркалъ прямо въ душу:

— Ну, и времена! И чѣмъ все это кончится, — одному Богу извѣстно... — каркалъ этотъ зловѣщій воронъ.

Какъ предводитель мѣстнаго дворянства и предсѣдатель комитета „Особаго совѣщанія", генералъ больше жилъ теперь въ г. Алатырѣ, но изрѣдка наѣзжалъ по хозяйственнымъ дѣламъ въ свое имѣніе и тогда считалъ долгомъ провѣдать своего стараго друга и единомышленника въ лицѣ бабушки...

И всякій разъ онъ надолго разстраивалъ старуху, бередилъ всѣ даже поджившія уже раны души ея.

Генералъ всегда пріѣжалъ къ бабушкѣ какъ-бы заряженнымъ злободневными новостями и происшествіями и разрѣшался отъ ихъ бремени въ Никудышевкѣ. Старики Алякринскіе, тетя Маша и Иванъ Степановичъ, чувствовавшіе себя теперь какъ-бы на необитаемомъ островѣ и потому скучавшіе, приползали изъ своего флигеля, чтобы узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Хотя старики Алякринскіе, какъ шестидесятники, къ „опорѣ трона" не принадлежали, но никогда генералу не перечили. Иванъ Степановичъ въ тайнѣ думалъ: „Мели, Емеля, — твоя недѣля", но покорно слушалъ генерала и даже какъ-бы поощрялъ молчаливыми киваніями головой. Генералъ принималъ это за единомысліе и потому съ полной откровенностью, за обѣдомъ или самоваромъ, изливалъ передъ слушателями все сокровенное своей души.

Это было уже послѣ „Курскихъ маневровъ“, во время которыхъ царь такъ просто разрѣшилъ „Крестьянскій вопросъ“, а потому генералъ съ одной стороны былъ полонъ возмущенія, а съ другой — побѣдоносной радости.

— Да, были хуже времена, но не было подлѣй! — сказалъ поэтъ Некрасовъ. А что сказать про наши времена, когда крамола влѣзла въ среду столбового дворянства и помогаетъ жидамъ и революціонерамъ всѣ вѣковые устои государства Россійскаго подвергать колебанію? Это выйдетъ не особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а праздникъ жидовъ и революціонеровъ! Хорошую ловушку для правительства устроилъ жидовскій ставленникъ Витте!

— Развѣ онъ жидъ? — сочувственнымъ тономъ спрашивалъ Иванъ Степановичъ.

— Если даже самъ онъ и числится по документамъ дворяниномъ, но, скажите, кто не пролѣзъ въ наше дворянство? Положительно пока установлено, что жена Витте еврейскаго происхожденія и недаромъ этотъ Витте, какъ говорятъ, хлопочетъ о жидовскомъ равноправіи... И вы посмотрите, сколько этотъ жидовскій ставленникъ собралъ себѣ помощниковъ среди дворянства, въ земствѣ и, къ нашему ужасу, даже среди администраторовъ... Вы думаете, что среди губернаторовъ и даже предводителей дворянства нѣтъ тайныхъ друзей Витте? Имѣются! Побывайте сейчасъ въ Алатырскомъ клубѣ и послушайте! Правда, пока разговариваютъ у насъ шепотомъ, но ни для кого не секретъ, что либералы земства мечтаютъ о передачѣ мужикамъ помѣщичьей земли. Конечно, объ этомъ хлопочутъ тѣ дворяне, которые сами никакой земли не имѣютъ... Они называютъ этотъ грабежъ земельной реформой!

Генералъ вскакивалъ съ мѣста и взволнованно ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, а послѣ паузы рѣшился огорчить Анну Михайловну:

— Долженъ сказать вамъ, глубокоуважаемая Анна Михайловна, что и мой зять, а вашъ сынокъ, потомственный дворянинъ изъ рода именитыхъ князей Кудышевыхъ, оказался въ этомъ жидовскомъ лагерѣ...

— Да неужели ты говоришь правду?

— Шила въ мѣшкѣ, матушка Анна Михайловна, не утаишь. Мнѣ извѣстно, что такой докладъ стряпаютъ земцы при ближайшемъ участіи Павла Николаевича и въ вашемъ родовомъ Алатырскомъ домѣ...

Снова тяжелая пауза.

— Мы все боимся мужика, а врагъ-то опасный — среди насъ-же, дворянъ. Мужикъ что? Его выпорютъ, онъ и замолчитъ. А, вѣдь, такихъ не выпорешь: вся Европа закричитъ... Между прочимъ... какая глупость! Слышали вы, что въ Черниговской губерніи мужики убили помѣщика Владимірова и выпороли розгами князя Урусова? Знаете, что въ Рязанской губерніи мужики ранили князя Гагарина и сожгли его усадьбу?

— Какіе ужасы! — шептала Анна Михайловна и удивлялась, какъ-же это допустили власти...

— Успокойтесь! Новый министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ по своему крестьянскій вопросъ: военной силой и всероссійской поркою. Сейчасъ вездѣ притихли и только въ Саратовской губерніи еще неспокойно. Тамъ давно гнѣздятся революціонеры. Какъ клопы въ щеляхъ. Балмашевъ-то, убившій министра Сипягина, оттуда-же...

Изливъ возмущеніе, генералъ начиналъ успокаивать взволнованныхъ слушателей:

— Богъ не выдастъ, Витте не съѣстъ! Государь на Курскихъ маневрахъ всѣхъ поставилъ на свое мѣсто... Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ либералы съ революціонерами. Плеве-то тоже не любитъ шутить. Онъ имъ покажетъ освободительныя реформы! Пусть пошумятъ и поболтаютъ, — виднѣе будетъ, какъ наши конюшни почистить... Одно меня удивляетъ. Нашъ новый губернаторъ Ржевскій! Я запросилъ его о своихъ пра-

вахъ предсѣдателя: могу-ли я своей единоличной властью зажимать ротъ революціоннымъ болтунамъ и снимать съ очереди возмутительные доклады, въ полной надеждѣ, что, послѣ Курскихъ маневровъ, встрѣчу полную поддержку... И представьте себѣ мое удивленіе: получилъ напоминаніе, что назначенный волею Государя представитель Особаго совѣщанія, министръ финансовъ, своимъ циркулярнымъ письмомъ мѣстнымъ комитетамъ предоставилъ полный просторъ въ изложеніи сужденій о современномъ положеніи!..

Впрочемъ, возможно, что это просто ловушка, оставленная министромъ Плеве для нашихъ революціонеровъ... Мышеловка, а въ ней — кусочекъ сальца свиного... Охъ, боюсь, матушка Анна Михайловна, я за своего зятька, а вашего сына, чтобы онъ не попался въ эту мышеловку! Попробовалъ я съ нимъ какъ-то осторожненько, чисто изъ родственныхъ соображеній, поговорить и дружескій совѣтъ подать, — ничето кромѣ непріятности не вышло. Попробуйте вы, какъ мать, повліять на него! Вѣдь, только подумать: родной сынъ принимаетъ участіе въ реформѣ, которая должна ограбить родную мать!

— Насколько я слышалъ, проектируется принудительное отчужденіе помѣщичьей земли по справедливой оцѣнкѣ? — робко замѣчалъ Иванъ Степановичъ.

— Это ширма для дураковъ-помѣщиковъ, тоже мышеловка...

Совершенно разстроивъ бабушку, самъ генералъ уѣзжалъ въ побѣдно-воинственномъ настроеніи:

— Вы, матушка Анна Михайловна, какъ будто-бы загрустили?

— Какъ-же, батюшка мой, не загрустить! Ничего пріятнаго не предвидится...

— Не слѣдуетъ падать духомъ. Будемъ памятовать, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Государю уже раскрыли глаза на ту про-

пасть, въ которую его толкаетъ жидовскій министръ, и надо ждать скорыхъ утѣшительныхъ извѣстій... Ахъ, да! Совсѣмъ изъ ума вонъ... Могу подѣлиться и пріятной новостью: моего сына оцѣнили, наконецъ, по достоинству и заслугамъ: предложили мѣсто чиновника особыхъ порученій при Воронежскомъ губернаторѣ. Губернія паршивая: все время мужики бунтуютъ да и среди дворянства очень ужъ интеллигентныхъ умниковъ много. Поблагодарили и отказались мы отъ этой чести и взамѣнъ попросили вернуть его на старый участокъ, откуда онъ вылетѣлъ, кажется, при участіи вашего сынка, а моего зятюшки... Времена, знаете! Братъ на брата, сынъ — на родную мать... И, вѣдь, все это на собственную голову. Когда у насъ Николай земскимъ начальникомъ былъ, въ народѣ не было такого хулиганства. Побаивались! А какъ назначили этого слюнтяваго интеллигента изъ дворянъ, Огородникова, — то поджоги, то потравы и порубки. Не бойсь, при моемъ Николаѣ и вамъ, матушка Анна Михайловна, спокойнѣе было?

— Ну, еще-бы! Свой человѣкъ...

Какъ ни храбрился генералъ Замураевъ, а на всякій случай взялъ себѣ на охрану свирѣпаго черкеса, который всегда сопровождалъ теперь верхомъ на конѣ предводителя дворянства.

— Что-же, батюшка, ты звѣря-то этого завелъ? — испугалась бабушка, провожая генерала, — говоришь бояться нечего, а самъ...

— Береженнаго и Богъ бережетъ! По ночамъ мнѣ часто приходится теперь ѣздить, а слюнтяй нашъ, Огородниковъ, по деревнямъ много озорниковъ развелъ.

Черкесъ, съ кинжаломъ на поясѣ и съ нагайкой въ рукѣ, гарцовалъ на конѣ пока генералъ усаживался въ тарантасъ, и душа бабушки наполнялась еще большей тревогою и предчувствіями какого-то страшнаго „конца“...

Генералъ уѣзжалъ и оставлялъ бабушку въ совершенно разбитомъ душевномъ состояніи...

— Машенька! Ты ночуй сегодня со мной! Нехорошо мнѣ что-то...

Видно, надо ужъ на мѣсто, въ Алатырь ѣхать. А кто повезетъ? Царствіе тебѣ небесное, Никитушка! Видно, скоро свидимся...

Собиралась ѣхать и вдругъ письмо отъ Леночки, съ совѣтомъ оставаться въ Никудышевкѣ. „У Малявочки каждый день сборища, споры, ночевальщики, табачный дымъ, шумъ и всякія непріятности. Въ вашей комнатѣ — канцелярія. Теперь у насъ какъ на постояломъ дворѣ. У насъ не отдохнете, а измучаетесь. Поживите подольше въ Никудышевкѣ“...

Леночка писала правду: въ Алатырѣ уже шла подготовка къ бою, и бабушкинъ домъ превратился въ главный штабъ передового лагеря, съ преобладаніемъ революціонно-настроеннаго „третьяго земскаго элемента“...

Бабушка обидѣлась:

— Никому ненужна!

Поплакала и осталась...

Однимъ утѣшеніемъ для бабушки были рѣдкія письма и частыя открытки съ заграничными марками: есть еще на свѣтѣ Наташа, чистая милая святая душа! А вокругъ такъ тихо, ласково и грустно. Иногда бабушка пробуетъ играть на рояли. Когда-то хорошо играла, а теперь плохо слушаются пальцы...

Пробуетъ по Наташинымъ нотамъ сыграть вальсъ изъ „Евгенія Онѣгина“: не выходитъ.

А бабушка такъ любитъ этотъ вальсъ. Бывало, какъ заиграетъ его Наташа, такъ и заноетъ сладкой тоскою бабушкино сердце, а на глазахъ — слезы. Столько милаго и близкаго звучало въ душѣ отъ этого вальса и такъ рвалась она въ невозратность прошлаго!

Вотъ тоже переживала теперь бабушка и на про-

гулкахъ въ паркѣ. Хорошо, но такъ грустно, что хочется заплакать. Тихо шумятъ деревья въ осеннемъ уборѣ, плачутъ золотыми и красными листочками; каркаютъ вороны, а ласковое солнышко играетъ золотистыми зайчиками и рисуетъ кружева по песчаннымъ аллеямъ. Печально вскрикиваютъ птички въ кустикахъ, пахнетъ грибами и гніющими яблоками. Тихо-тихо...

Присядетъ бабушка на любимую скамеечку и, закрывъ подъ лаской солнышка глаза, погружается въ сладкую дрему полусонныхъ воспоминаній о чемъ-то миломъ и далекомъ. И вдругъ изъ прикрытыхъ глазъ бабушки побѣгутъ слезы...

И кажется тогда, что это не паркъ, а старое кладбище, гдѣ зарыто бабушкино дѣтство, отрочество, молодость и счастье... И сама бабушка — не гордая похожая на императрицу Екатерину помѣщица въ своихъ владѣніяхъ, а несчастная старуха, пришедшая на безлюдное кладбище навѣстить забытыхъ всѣми, кромѣ нея, покойниковъ...

X.

Не разгадать и не объяснить глубинъ души человѣческой!..

Кажется, не было около бабушки болѣе незначительнаго и незамѣтнаго человѣка, какъ мужикъ Никита. А вотъ подите-же! Умеръ этотъ Никита и произвелъ цѣлый переворотъ въ душѣ гордой старухи, своей смертью. Вся дворянская гордость и спѣсь точно провалились куда-то и осталась обнаженною человѣческая душа, очищенная отъ всякой условной шелухи. Смерть стерла всѣ перегородки: она тосковала по Никитѣ, какъ по родномъ и близкомъ человѣкѣ, и что было для бабушки особенно тягостнымъ — чувствовала себя въ чемъ-то виноватою передъ нимъ. Въ чемъ именно — и сама не знала. Можетъ быть, въ томъ, что мало цѣнила его преданность, мало заботилась о немъ, живомъ, до

того мало, что не остановила своего вниманія на немъ, когда узнала, что лошадь лягнула его въ животъ, и только посмѣялась, что Никита лѣчится водочкой, а не послала его въ больницу...

Какъ это могло случиться, что въ бабушкиномъ сафьяновомъ поминальникѣ, въ отдѣлѣ „за упокой“, гдѣ числились родные и близкіе покойники, всѣ изъ дворянскаго рода, появился Никита? Даже Никудышевскій батюшка, хорошо знавшій этотъ сафьяновый поминальникъ, немного запнулся, прежде чѣмъ произнесъ имя: „Никита“... Залетѣла ворона въ барскіе хоромы!

Мертвый Никита сдѣлался вдругъ не мужикомъ, а человѣкомъ и только человѣкомъ!

Какъ-бы удивился и даже испугался Никита, если-бы ожилъ и увидалъ себя въ заупокойномъ спискѣ, который начинался Государемъ Императоромъ Александромъ-Освободителемъ и имъ, Никитой, кончался!

Впрочемъ, Никита не могъ-бы этого увидать, потому что онъ былъ на землѣ неграмотнымъ...

Да, много чудесъ натворилъ въ бабушкиной душѣ покойникъ Никита!

И вотъ еще одно изъ такихъ чудесъ: гуляя однажды въ паркѣ, бабушка замѣтила чрезъ порѣдѣвшую листву деревьевъ крышу хутора и вдругъ почувствовала себя виноватой передъ Гришенькой. Обидѣла ихъ съ Ларисой: не позвала на свадьбу Наташину. Почему? Стыдно какъ-то было вытаскивать на „ассамблею“, на посмѣшище людей, опростившагося Григорія съ его „бабой“. Что за радость свои болячки постороннимъ показывать? Только въ неудобное положеніе всѣхъ ставить: и Григорія съ Ларисой, и гостей, и самое себя. Когда Наташа замѣтила отсутствіе за столомъ дяди Гриши и спросила бабушку, позвала-ли она его съ женой, бабушка соврала:

— Батюшки! Какая память-то стала: забыла, вѣдь, позвать-то!

Только послѣ ужина Наташа послала записочку на хуторъ, но Григорій съ Ларисой не пришли.

Тогда было стыдно позвать, а теперь стало стыдно, что не позвала.

За что обидѣла? Кого только Павелъ Николаевичъ не пригласилъ на свадьбу!

Кабы знала, что такъ выйдетъ, — не постѣсняласьбы Гришеньку съ Ларисой за столъ посадить: даже арендаторъ мельницы, Абрамъ Моисѣевичъ, очутился въ званныхъ и, сидя за браннымъ столомъ, называлъ Анну Михайловну „мамашей“!

А родного сына не было...

— Господи, Господи! прости мои прегрѣшенія!

Посидѣла на лавочкѣ въ глубокомъ раздумьи, вздохнула нѣсколько разъ и медленно поползла на хуторъ...

Въ первый разъ!

Поразила тетю Машу съ мужемъ, а всего больше Ларису съ Григоріемъ.

— Куда ты, Анюта, пошла?

— Да вотъ... никогда на хуторѣ у Гришеньки не бывала. Туда хочу...

Иванъ Степановичъ вздумалъ проводить:

— Нѣтъ, не ходи! Я одна...

Подивились тетя-Маша съ мужемъ: что-то небывалое...

А на хуторѣ не только удивились, а прямо испугались. Выбѣжала Лариса на звонокъ и лай собаки къ воротамъ, отворила калитку и глазамъ своимъ не вѣритъ.

— Что? Не узнаешь, что-ли?

— Пожалуйте, просимъ милости!.. А я въ чемъ была — выбѣгла, извините ужъ...

Опередила бабушку и опрометью кинулась впередъ:

— Григорій Миколаичъ! Барыня сама, мамаша ваша, идетъ! — задыхаясь отъ волненія, крикнула въ дверь и вернулась, чтобы помочь старухѣ подняться на крыль-

чико. Не упала-бы еще! А потомъ въ кухню — самоваръ поскорѣе наладить.

— Здравствуйте, мамаша! Все-ли благополучно? — тревожно спросилъ Григорій. Онъ думалъ, что появленіе матери связано съ какимъ-нибудь исключительнымъ и непріятнымъ происшествіемъ.

— Слава Богу, Гришенька! Про Никиту-то знаешь, а больше покуда ничего такого не случилось... Зашла провѣдать, посмотрѣть, какъ живете...

— Живемъ себѣ по маленьку...

— Что васъ невидно? Даже и на свадьбу не пришли... Неужели особаго приглашенія ждали? Чай, свои люди-то... Обидѣлись, что-ли? Головушка-то моя кругомъ шла отъ хлопотъ да суеты...

— Что вы, мамаша! Какія тамъ обиды по пустякамъ... Если-бы и приглашеніе прислали, не пошли-бы всетаки...

— Почему-же такъ?

— Да, какъ сказать, мамаша? Чертогъ твой вижду украшеннымъ, но одежды не имамъ, да внійду въ онь! — сказалъ Григорій, безъ всякой обиды въ голосѣ.

— Всякіе были: и во фракахъ, и въ пиджачкахъ, одни нарядные, а другіе по домашнему...

— Да я, мамаша, не про одежу говорю, а иносказательно. Только васъ-бы, мамаша, мы съ Ларисой сконфузили, да гостей вашихъ насмѣшили...

— Въ разныхъ мірахъ, мамаша, живемъ! — прибавилъ, вздохнувши.

— Въ какихъ тамъ разныхъ мірахъ! На одной землѣ всѣ живемъ и въ одну землю нисходимъ, Гришенька.

— Это вѣрно, мамаша... Я о путяхъ жизни...

— Всѣ дороги, Гришенька, въ могилу...

Кротко, ласково и мудро говоритъ мать. Изумленными глазами останавливается Григорій на лицѣ ма-

тери: точно новый человѣкъ въ ея образѣ заговорилъ.

— Ну, какъ вашъ пріемышъ?

— Ваня-то? Хорошій мальчишка, только на улицѣ парнишки обижаютъ больно: китайцемъ дразнятъ. Ваня, подь сюда!.. Боишься? Э, глупый какой...

Григорій вытянулъ въ дверь „якутенка". Волченкомъ смотритъ на бабушку.

— Ну, подойди поближе! Я тебя не съѣмъ... Я гостинца тебѣ принесла... На-ка вотъ, возьми!

Подарила пластинку шеколада, погладила мальчика по жесткимъ волосамъ. Пропала въ бабушкѣ прежняя брезгливость къ этому „незаконному приплоду" въ родѣ дворянъ Кудышевыхъ и бабушка уже не злилась, а ласково улыбалась, когда мальчикъ, на вопросъ: кто ты такой? — отвѣтилъ осипшимъ альтомъ: — Иванъ Дмитричъ Кудышевъ.

— Читать и писать обучаемся! — похвастался Григорій.

И снова стыдно сдѣлалось бабушкѣ и почувствовала она себя виноватой передъ этимъ „якутенкомъ":

— Если мальчикъ неглупый и смѣтливый, можно въ гимназію опредѣлить...

— Мальчикъ способный...

— Что это, Гришенька? Никакъ у тебя сѣдые волосы появились на вискахъ?

— Маленько есть...

— Рано уже больно...

— Жизнь-то, мамаша, бѣжитъ... да свои слѣды оставляетъ на человѣкѣ...

Принарядившаяся въ экстренномъ порядкѣ Лариса скипѣвшій самоваръ принесла и стала на столъ разныя угощенія выкладывать. Запѣла своимъ громкимъ голосомъ слова привѣтливыя, стараясь выражаться какъ можно замысловатѣе. Очень ужъ польстило ей, что бабушка неожиданно пожаловала. И никакъ она не могла понять, съ какими это цѣлями?

— Мы завсегда, чѣмъ только можемъ, готовы услужить вамъ, Анна Михайловна. Кушайте-ка съ медкомъ липовымъ. Съ нашего пчельника. Очень ужъ духовитый медокъ-то. Позвольте, я пчелку-то ложечкой выну!

И на Ларису бабушка смотритъ ласково.

— Вотъ ты, Гришенька, постарѣлъ и подурнѣлъ, а Ларисса Петровна все хорошѣетъ.

— Да что вы это говорите! Ужъ какая моя красота!

Цѣлый часъ просидѣла бабушка и удивила и Григорія и Ларису своей простотой и привѣтливостью. Григорій пошелъ проводить ее до дому и, когда прощался, мать сказала:

— Заходите ко мнѣ... Теперь я одна, стѣсняться вамъ некого. Скучно мнѣ что-то, Гришенька... Жить я, милый, устала... Недолго ужъ видно...

— Господь съ вами, мамаша...

— Ну, поцѣлуй меня, грѣшную...

Григорій даже опѣшилъ. Сбросилъ шляпу и, какъ къ иконѣ, приложился къ матери.

Лариса ждала съ нетерпѣніемъ Григорія, хотѣлось узнать, въ чемъ дѣло...

— Ну, что? Зачѣмъ она къ намъ приходила?

— Да такъ. Безъ всякаго дѣла...

— Что-нибудь неспроста... Потомъ обнаружится... Нуженъ ты ей сталъ. Неиначе.

— Нѣтъ, Лариса. Тутъ другое... Прозрѣвать старуха начала „правду Божію“... Шкура-то звѣриная у насъ подъ старость линяетъ, а новой-то волосъ уже не ростетъ. Вотъ человѣческое-то и видать дѣлается... Поцѣловала она меня, да крѣпко такъ, съ любовью. Къ себѣ насъ звала...

Погладила бабушка „якутенка“ по головкѣ жесткой и теперь вотъ уже нѣсколько дней непрестанно думаетъ о Митѣ. Видитъ его во снѣ, смотритъ въ се-

мейномъ альбомѣ фотографическія карточки, на которыхъ блудный сынъ запечатлѣнъ въ разномъ возрастѣ, начиная съ трехлѣтняго ребенка и кончая лохматымъ, красивымъ студентомъ, роется въ шкатулкѣ съ письмами и выбираетъ Митины. „Дорогая милая мамочка!“ — начинаются эти письма, а кончаются: „Любящій тебя сынъ Дмитрій Кудышевъ“... Дорогая, милая мамочка! Гдѣ ты и что съ тобой? Такъ и помрешь, видно, не простившись... Какіе-бы не были, а все дѣти!

И рождается въ душѣ матери самоупрекъ: всего больше она сердилась на Митю, чуть только не прокляла его за участіе въ страшномъ преступленіи, за которое повѣсили Сашеньку Ульянова, старалась выбросить его изъ души и памяти. Не хватало силы прощенія...

А теперь, роняя слезы на Митины письма, шепчетъ:

— Гордость мѣшала, Митенька, обида за позоръ имени... Прости меня, сынокъ, Христа ради!..

Какое странное совпаденіе!

Три дня неотступно думала и тосковала о Митѣ, а на четвертый получила о немъ вѣсточку.

Пришло письмо съ заграничной маркой. Конечно, отъ Наташи! Даже руки трясутся отъ радости и строчки прыгаютъ...

— „Миленькая родненькая бабуся моя! Случилось и радостное и печальное чудо. Повѣришь-ли, родная? Я видѣла и разговаривала съ дядей Митей, но когда это было, я не знала, что это — дядя Митя, а онъ навѣрное и теперь этого не подозрѣваетъ. Боже мой, какъ обидно и досадно! Я плакала отъ огорченія... Мы ѣхали на одномъ пароходѣ. На немъ ѣхала компанія русскихъ. Мы хотя и познакомились и болтали, смѣялись, но какъ-то не интересовались именами и фамиліями спутниковъ. Да и фамилія моя, новая, ничего-бы не открыла... Одинъ слѣзъ съ парохода раньше насъ.

Потомъ въ этой компаніи упомянули фамилію Кудышева, и я начала разспрашивать, о комъ говорятъ. Сказала, что у меня есть дядя, Дмитріи Павловичъ Кудышевъ... И вотъ оказалось, что онъ-то и слѣзъ съ парохода. Я хотѣла вернуться, догнать, отыскать, но Адамъ убѣдилъ, что мы отыщемъ потомъ. А потомъ я нашла въ Женевѣ его адресъ и пошла... Охъ, какъ билось бабуся, мое сердце! Вѣдь, я маленькой такъ любила дядю Митю и онъ меня тоже. Я это помню, помню... И вотъ какое несчастіе: на квартирѣ мнѣ сказали, что два дня тому назадъ дядя Митя уѣхалъ изъ Швейцаріи... а куда, — никто не могъ сказать... И вотъ я расплакалась"...

Тутъ бабушка выронила изъ рукъ письмо и тоже расплакалась и горькими и сладкими слезами...

XI.

Въ то время, какъ въ западной Европѣ гражданская энергія разряжалась нормальнымъ темпомъ въ свободномъ культурно-государственномъ творчествѣ, у насъ эта энергія, сдавливаемая со всѣхъ сторонъ установленной правительствомъ монополіей государственнаго строительства и управленія, поневолѣ устремлялась въ мѣста наименьшаго сопротивленія: то въ литературу и искусство, то въ интеллигентскую идеологію, то въ щелки различныхъ обществъ и съѣздовъ, а главнымъ образомъ — въ подполье, гдѣ и принимала фантастическій разрушительный характеръ.

Правительство, вмѣсто того, что-бы устроить предохранительные клапаны въ старомъ государственномъ котлѣ, дабы своевременно выпускать эту энергію, стремилось закрыть всѣ щели и дырки и тѣмъ, конечно, лишь усиливало внутреннее давленіе на стѣнки котла и гнало эту энергію въ революціонное подполье, куда уходили всѣ, отчаявшіеся найти какой-либо другой способъ

участія въ судьбахъ своей родины и въ ея государственномъ и экономическомъ устроеніи...

И вотъ „выдумка Витте“ съ скромнымъ названіемъ „совѣщанія“ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, по логикѣ непреложныхъ историческихъ законовъ, превратилась какъ-бы въ первый предохранительный клапанъ, устроенный на старомъ государственномъ котлѣ, гдѣ скопилась подъ высокимъ давленіемъ гражданская энергія всѣхъ культурныхъ людей, незагнанныхъ еще въ революціонное подполье... въ которомъ вынуждены были работать на положеніи профессіональныхъ революціонеровъ, многіе общественные дѣятели, земцы, научные работники и писатели, искренно желавшіе вывести родину изъ политическаго и экономическаго тупика на путь широкихъ реформъ, похороненныхъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II въ 1881 году...

Такова была задача перваго нелегальнаго органа общественныхъ дѣятелей за границей, — журнала „Освобожденіе“...

Подполье и нелегальщина — становились общимъ орудіемъ какъ подлинныхъ революціонеровъ разныхъ видовъ, такъ и государственно-настроенныхъ представителей общественной мысли и дѣла....

Перекинулся мостъ между энергіями: оппозиціонно-гражданской и революціонной, соціалистической. Стремясь — одна къ гражданскому освобожденію, другая — къ соціальной революціи, обѣ встрѣчали на своемъ пути стѣну неограниченнаго самодержавія и потому обѣ били въ одно мѣсто. „Долой самодержавіе!“ — сдѣлалось общимъ лозунгомъ...

Вся культурная Россія была въ политической лихорадкѣ... Царскій окрикъ на Курскихъ маневрахъ не только не остановилъ этого лихорадочнаго возбужденія, но, напротивъ, только подлилъ масла въ огонь страстей: разжегъ революціонное настроеніе лѣваго лагеря и поднялъ духъ и воинственность праваго лагеря.

Раньше за всю Россію говорила гордая столица, теперь заговорила сама Россія въ лицѣ необъятной провинціи, отъ ея центровъ до глухихъ провинціальныхъ городковъ...

Брошенную общественному мнѣнію царемъ перчатку первымъ подняло уѣздное Воронежское земство.

Воронежская губернія давно уже была застрѣльщикомъ крестьянскихъ волненій и бунтовъ. Хотя, послѣ произведенной экзекуціи, мужики и присмирѣли маленько, но помѣщики жили какъ-бы на бочкѣ съ порохомъ, и какъ губернаторъ, предсѣдатель губернскаго комитета, и предводитель дворянства, какъ предсѣдатель уѣзднаго комитета, эти главные представители „опоры трона", изъ чувства собственнаго самосохраненія, искали выхода въ какомъ-нибудь компромиссѣ съ требованіями исторической минуты, то есть въ разрѣшеніи прежде всего „крестьянскаго вопроса".

Уѣздное земство совершенно неожиданно для правительства превратилось въ открытый явочнымъ порядкомъ парламентъ. Въ немъ участвовали не только гласные уѣзднаго и губернскаго земства, а множество извѣстныхъ хозяевъ-помѣщиковъ, среди которыхъ были люди, совсѣмъ не принадлежавшіе къ крамольному лагерю. Залъ не могъ вмѣстить рвавшейся въ двери публики и сразу было ясно, что свершается нѣчто необычайное...

Такъ оно и вышло.

Звонокъ. Мертвая тишина. Поднимается предсѣдатель и, послѣ заявленія о Высочайшемъ установленіи „Особаго совѣщанія" и благодарности правительству за оказываемое довѣріе, выразившееся въ предложеніи высказаться вполнѣ откровенно, начинаетъ вступительное слово:

— Мы должны откровенно сказать правительству, что нынѣшнее положеніе дѣлъ далѣе терпимо быть не можетъ... Россія стоитъ у границъ страшнаго народнаго

хаоса и никакія полумѣры помочь тутъ не могутъ... Прежде всего мы должны заняться вопросомъ о положеніи крестьянства...

Одинъ за другимъ поднимались почтенные помѣщики и присоединялись къ предсѣдателю. Извѣстный всей Россіи педагогъ Бунаковъ и докторъ Мартыновъ были болѣе, чѣмъ откровенны. Они говорили о томъ, что упадокъ сельско-хозяйственной промышленности, хаотическіе крестьянскіе бунты и хроническія голодовки вызываются общимъ строемъ русской государственной и общественной жизни, подавленіемъ гражданской личности, отсутствіемъ свободы слова, враждой натравливаемыхъ другъ на друга сословій и національностей, административнымъ усмотрѣніемъ, поставленнымъ выше суда и потребовали возстановленія въ полной мѣрѣ тѣхъ установленій и реформъ, которыми ознаменовалась первая половина царствованія императора Александра II.

Все это сопровождалось громомъ аплодисментовъ присутствующей публики, и какъ-бы бросало вызовъ правительству.

Наконецъ, всталъ земскій врачъ Шингаревъ и предложилъ расширить этотъ незаконный парламентъ организованнымъ совѣщаніемъ съ выборными отъ крестьянскаго населенія. Избрали особую комиссію для выработки доклада губернскому комитету и комиссія эта составила докладъ, въ которомъ говорилось:

— Такъ жить, какъ мы живемъ въ глухой провинціи, жить съ опасеніемъ за свою жизнь и имущество, невозможно. Нельзя хладнокровно смотрѣть, какъ капля за каплей разрушаются наши естественныя богатства, какъ растутъ въ окружающей средѣ произволъ и безправіе, какъ извращается чувство законности и какъ надъ всѣмъ этимъ грозною тучею надвигаются крестьянскіе бунты и волненія, грозящіе страшными потрясеніями нашей родинѣ.

Чтеніе этой резолюціи сопровождалось взрывами

аплодисментовъ толпы, а когда чтецъ заявилъ о необходимости созыва „Всероссійскаго собора“, радостный крикъ и гулъ всего зала превратилъ эту необходимость въ требованіе.

Это неожиданное происшествіе въ глухой провинціи моментально облетѣло всю Россію и всколыхнуло оба воюющіе лагеря. Для одного оно прозвучало призывомъ къ „словесному возстанію“, для другихъ угрозою существующему порядку, надвигающейся революціей...

Нужно было видѣть, что дѣлалось въ городкѣ Алатырѣ, въ этомъ маленькомъ человѣческомъ муравейникѣ, чтобы составить себѣ понятіе о лихорадочномъ состояніи всей страны. Вѣдь, и здѣсь былъ комитетъ, которому предстояло подать голосъ по вопросамъ государственной важности! Совершенно невѣроятное событіе... Если не всѣ прямо призваны подать этотъ голосъ, то онъ будетъ поданъ косвенно: въ разговорахъ и спорахъ съ тѣми, кто будетъ засѣдать и рѣшать вопросы. А, вѣдь, въ маленькомъ городкѣ всѣ, какъ люди такъ и собаки, если не родственники, то ужъ непремѣнно пріятели или хорошіе старые знакомые. Значитъ,— всѣ сословія, люди разныхъ положеній и состояній, какъ мужескаго такъ и женскаго пола, превратились вдругъ въ гражданъ и гражданокъ! Конечно, всѣмъ хочется казаться умнѣе и потому говорится очень много всякихъ глупостей, но все-же это интереснѣе, чѣмъ сплетничать отъ бездѣлья и скуки...

Уже съѣхались будущіе герои обоихъ лагерей, но пока происходятъ еще предварительныя тайныя совѣщанія. Но какія тайны могутъ быть въ маленькомъ городкѣ, гдѣ всѣ знаютъ другъ про друга всю подноготную?

Стоитъ зайти въ мѣстный общественный клубъ, гдѣ собирается вся культурная публика обоего пола и всѣхъ возрастовъ и куда заходятъ отдохнуть отъ госу-

дарственныхъ думъ всѣ „герои“, зайти и прислушаться къ разговорамъ и спорамъ, какъ всѣ эти тайны предстанутъ въ полномъ обнаженіи, какъ Венера изъ морской пѣны...

Тутъ и „опора трона“, и либеральные земцы, и разная служилая и профессіональная интеллигенція, революціонный „третій элементъ“, тутъ именитое мѣстное купечество, тайные корреспонденты. Дважды въ недѣлю — семейные вечера, и потому — изобиліе мѣстныхъ дамъ и дѣвицъ съ молодыми людьми жениховаго возраста. Танцы, картишки, ужины...

Конечно, даже за танцами темою разговоровъ служатъ теперь „государственныя тайны“, но все-же главные государственные разговоры происходятъ въ буфетѣ и въ карточной комнатѣ. Появляющіеся здѣсь Павелъ Николаевичъ и предводитель дворянства, генералъ Замураевъ, — какъ двѣ матки изъ разныхъ пчелиныхъ ульевъ: всегда облѣплены единомышленниками. Надо ждать минуты, когда произойдетъ столкновеніе и пчелки сцѣпятся и начнутъ жалить другъ друга.

Начинается обыкновенно съ правой стороны:

— Ну, господа дворяне, какъ вамъ нравятся Курскіе маневры? Хе-хе-хе...

— Послѣ этихъ маневровъ слѣдуетъ почитать разрѣшенными оба вопроса: и крестьянскій, и дворянскій, такъ что о чемъ собственно будетъ разсуждать теперь нашъ комитетъ?

— Они за словомъ въ карманъ не полѣзутъ. Они только тѣмъ и занимаются, что изобрѣтаютъ „вопросы“... Крестьянскій, финляндскій, еврейскій, польскій, женскій... однимъ словомъ — всю Россію подъ знакомъ вопроса поставили!

Говорится это между „своими“, но намѣренно громко, чтобы слышали представители вражескаго лагеря — „они“...

„Они“, конечно, держатъ ухо востро и тоже громко разговариваютъ:

— А какъ нравятся, господа, Воронежскіе земскіе маневры? (намекъ на событія, разыгравшіяся на совѣщаніи Воронежскаго уѣзднаго земства). Тоже недурныя рѣчи были сказаны по крестьянскому и дворянскому вопросамъ! Есть еще честные люди на Руси!

А въ правомъ лагерѣ еще громче:

— Государь милостиво разрѣшилъ собраться и поговорить о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а они стали разсуждать о свободѣ слова, о какомъ-то произволѣ, о какомъ-то Всероссійскомъ земскомъ соборѣ! Совершенно не даютъ поговорить о дѣлѣ...

Тутъ терпѣніе лѣваго лагеря не выдерживаетъ и перестрѣлка издали переходитъ въ атаку. Впереди, конечно, вожди: съ правой стороны — генералъ Замураевъ, съ лѣвой — Павелъ Николаевичъ Кудышевъ.

— О какихъ-же это дѣлахъ вамъ мѣшаютъ поговорить?

— Дѣло не въ томъ, что у мужика мало земли и что его порятъ за бунты и грабежъ, а въ томъ, что онъ не умѣетъ работать и не хочетъ учиться работать.. Чтобы сдѣлалъ нѣмецкій крестьянинъ на тѣхъ-же 3—4 десятинахъ!.. Такъ вотъ научите мужика интенсивному хозяйству и тогда ни голодовокъ, ни бунтовъ не будетъ да и пороть мужика не будетъ надобности!

Слѣдуетъ одобрительный гулъ въ правомъ лагерѣ, и возмущенный — въ лѣвомъ. Бой загорается по всему фронту:

— Вмѣсто дѣла у насъ придумываютъ крестьянскій вопросъ и толкаютъ мужика къ грабежу чужой собственности, балуютъ казеннымъ прокормленіемъ во время неурожаевъ, вмѣсто того чтобы научить его сдѣлать запасъ на такой случай, и кружатъ ему голову разными правами да свободами!

Павелъ Николаевичъ, подкрѣпленный статистиками

и агрономами, начинаетъ разбивать всѣ эти обвиненія цифрами и фактами, приводящими въ смущенное молчаніе противниковъ, а потомъ начинаетъ безпощадно высмѣивать:

— Нѣмецкій крестьянинъ! Съ нѣмецкаго крестьянина не дерутъ трехъ шкуръ, нѣмецкому крестьянину дано образованіе, нѣмецкій крестьянинъ — полноправный гражданинъ, какъ и вы, господа дворяне, и такъ-же, какъ васъ, его не имѣетъ никто права выпороть, у него есть благосостояніе, кредитъ, къ его услугамъ наука и техника... А что имѣетъ и что дано нашему мужику? Наконецъ, я спрошу васъ, почему наши помѣщики не переходятъ на интенсивную культуру, а предпочитаютъ землю отдавать въ аренду мужику, а сами... спиртъ изъ мужицкаго хлѣба гонятъ, другіе подряды казенные берутъ, третьи... третьи государственныхъ и земскихъ недоимокъ по годамъ не платятъ и разныхъ манифестовъ и рѣчей свыше дожидаются? Почему дворянскій союзъ, ваше объединеніе, законно и поощряемо, а крестьянскій союзъ — государственное преступленіе?

Генералъ Замураевъ багровѣетъ отъ возмущенія, пыхтитъ, какъ паровозъ, и наноситъ ударъ съ неожиданной стороны:

— Во всякомъ случаѣ... Да... Это не секретъ... у васъ тамъ составляются проекты объ отобраніи земли у помѣщиковъ и передачѣ ея мужикамъ... Вообще о земельной реформѣ... Всѣ эти проекты сочиняются людьми, которые своей земли не имѣютъ и распоряжаются чужой собственностью. Да! Я, какъ предсѣдатель, такихъ проектовъ не допущу и считаю, что этимъ выполню волю моего государя, который на Курскихъ маневрахъ...

— Вы не желаете поднимать и разрѣшать крестьянскій вопросъ? Тѣмъ, хуже, господа, для васъ. И не только для васъ, а для Россіи. Неужели всѣ эти мужицкіе бунты не заставили васъ подумать, а что если

мужикъ самъ начнетъ разрѣшать дворянскій и крестьянскій вопросы? Вѣдь, это, господа, ужасъ! Мы васъ хотимъ спасти отъ этого ужаса, вывести Россію изъ страшнаго тупика, а вы прячетесь за спину государя-императора...

Начиналась общая свалка. Крики, угрозы, взаимныя оскорбленія, съ вызовомъ на дуэль. Вся клубная публика приходила въ возбужденіе и толпилась около буфета. Врывались встревоженныя жены и вытаскивали изъ буфета мужей. Потомъ жены ссорились между собою и ихъ растаскивали мужья.

Теперь городокъ Алатырь походилъ на одну сплошную санаторію для нервно-больныхъ, а мѣстный общественный клубъ — на буйное отдѣленіе дома сумасшедшихъ...

XII.

Въ концѣ 1902 года разгорѣлся бой во всей провинціи. Воевали въ земскихъ собраніяхъ и въ комитетахъ и повсюду воевали не столько съ мѣстнымъ правымъ лагеремъ, сколько чрезъ его голову съ правительствомъ. Въ этихъ словесныхъ бояхъ преимущество всегда было на сторонѣ лѣваго лагеря, богатаго людьми научныхъ познаній, изслѣдователями и знатоками крестьянскаго быта вооруженными цифрами и фактами. Правый лагерь не далъ ни одного значительнаго по содержанію доклада и не выставилъ ни одного выдающагося, умѣющаго „глаголомъ жечь сердца“, оратора. Этотъ лагерь былъ силенъ лишь сознаніемъ силы самого правительства и поддерживающей этотъ лагерь придворной камарильи. И въ этомъ были его мораль и право. Группы передовыхъ помѣщиковъ изъ породы „кающагося дворянства“ вступили въ военный союзъ съ безсословной интеллигенціей и развернули общее знамя борьбы — „Освобожденіе“, какъ былъ названъ появившійся заграницей политическій органъ печати.

Несомнѣнно, что въ этомъ смѣшанномъ лагерѣ были люди искренно боровшіеся за права и благосостояніе русскаго мужика, въ чемъ усматривали и благо своей родины, но большинство, говоря по правдѣ, сдѣлало изъ мужика только богатырскую палицу, которой сражалось съ правительствомъ за хартію гражданскихъ свободъ и вольностей.

Исключительно такую роль сталъ играть „мужикъ“ у соціалистовъ-революціонеровъ: конкретный живой мужикъ здѣсь былъ нуженъ лишь, какъ матеріалъ для соціальной революціи. Очень хорошій горючій матеріалъ для всероссійскаго бунта, а потому — „куй желѣзо, пока горячо“!

А это желѣзо было дѣйствительно раскалено до красна расправами усмиренія, что и позволяло успѣшно работать кузнецамъ соціализма...

Неуловимые агитаторы шныряли по слободамъ, деревнямъ и селамъ, по ярмаркамъ, базарамъ, постоялымъ дворамъ, по всему лицу мужицкаго царства и бесѣдами о „землѣ Божіей“, о „правдѣ Божіей“ и раскидываемыми листовками раздували историческій аппетитъ мужика къ барской землѣ и историческую-же враждебность къ помѣщикамъ и защищавшимъ ихъ теперь всякимъ властямъ.

Улеглась было волна бунтовъ, надвинувщаяся съ юга и юго-запада, но поднялась новая, съ Волги: вся огромная Саратовская губернія начала вспыхивать пожарами безпорядковъ и волненій, искры которыхъ перебросились въ сосѣднія губерніи, а тамъ снова откликнулась Рязань, Тула. И снова встала угроза общаго пожарища и пришлось правительству воевать на два фронта: въ городахъ — съ интеллигенціей, въ деревняхъ и селахъ — съ мужикомъ...

Неспокойно становилось и въ Симбирской губерніи, губернаторъ которой до сей поры гордился исключительнымъ спокойствіемъ во ввѣренной ему губерніи.

Залетали искрами всякіе слухи изъ сосѣднихъ губерній и творились невѣдомымъ способомъ свои, мѣстные. Несомнѣнно, этому помогала война изъ-за мужика въ земствѣ и въ комитетѣ. Пошелъ слухъ, что господамъ приказано добровольно передѣлъ земли сдѣлать, о томъ, что скоро долженъ манифестъ такой выйти, а можетъ быть, онъ уже и вышелъ, а только прячутъ его помѣщики.

Поползли эти слухи и въ Никудышевской округѣ, особенно вокругъ Замураевки. Вспомнилась старая обида: Никудышевскіе господа, какъ воля вышла, обманули, посадили на дарственные участки; потомъ покойный баринъ подарилъ мужикамъ 100 десятинъ, чтобы ротъ-то замазать, вотъ они и думаютъ, что мы все забыли. Въ Замураевкѣ — другое: до воли у нихъ по 4 съ половиной десятины на душу было земли-то, а послѣ воли господа только по три десятины оставили, съ каждой души по полутора десятины незаконно себѣ забрали...

— Сказываютъ, что царь комитеты такіе приказалъ сдѣлать: разобрать всѣ наши обиды. И въ Алатырѣ такой комитетъ, баютъ, есть, а только отъ народа господа скрываютъ...

— Надо туда жалобу отъ общества подать... Планты старые должны разобрать, тамъ видно, сколь земли у насъ господа оттягали!

Узнали Никудышевцы, что Замураевскіе жалобу пишутъ въ царскій комитетъ и тоже начали обсуждать это дѣло.

Приходили посовѣтоваться къ „праведному барину“, къ Григорію Николаевичу, и просили прошеніе-жалобу написать въ комитетъ. Отказался „праведный баринъ“:

— Я ничего въ этихъ дѣлахъ не понимаю. Адвоката нужно...

Не повѣрили мужики: хотя и праведный человѣкъ, а всетаки — баринъ! Не можетъ супротивъ родной матери пойти... Да и какъ осудить-то: сказано — „чти отца

твоего и матерь твою и многолѣтенъ будешь на земли“!

Лариса посовѣтовала одного человѣчка: въ Алатырѣ жидокъ такой есть, они у нашей барыни мельницу арендуютъ, такъ вотъ онъ, сказываютъ, мастеръ эти жалобы писать!

— Намъ чужого ненужно, отдай только, что по закону слѣдовало!

— Это ты зря говоришь! Коли такъ напишешь, а законъ выйдетъ всю землю намъ отдать, у нихъ документъ будетъ, что мы только одну урѣзку согласны получить, то-есть по полторы десятины на душу... Опять дурака сваляемъ!

Совѣщались около барскаго лѣса и мечтали о манифестѣ. Старики обсуждали, какія изъ господскихъ полей должны къ нимъ отойти, и которыя за господами остаться. Смотрѣли жадными глазами на поля и говорили:

— Земля у нихъ жирная, а которую сдаютъ намъ, та много хуже!

— Еще-бы! Эту въ руку возьмешь, она таетъ!

— Какъ творогъ!

Они брали землю въ пригоршню, мяли ее закорузлыми пальцами и нюхали пахучій черноземъ...

Выбрали стариковъ — жалобу составить и въ Алатырскій комитетъ подать.

Старики отыскали Моисея Абрамовича Фишмана, крестника Анны Михайловны.

Моисей Абрамовичъ выслушалъ стариковъ и Никудышевцамъ на отрѣзъ отказалъ: ничего нельзя теперь сдѣлать! А Замураевскимъ написалъ. Зналъ онъ, что и тутъ ничего не выйдетъ, но такъ какъ онъ состоялъ тайно въ членахъ соціалъ-демократической партіи, земельная программа которой тогда требовала для мужиковъ „возврата отрѣзковъ“, то Моисей Абрамовичъ рѣшилъ дѣйствовать по программѣ, принципіально.

— Чтобы сказать, что дѣло выиграете, такъ нѣтъ, не обнадеживаю. Но требовать можно.

— Напиши, сдѣлай милость, мы тебя поблагодаримъ: за труды заплатимъ!

— Я вамъ составлю прошеніе даромъ, безплатно, но только вы меня не выдавайте! Чтобы кто писалъ, такъ неизвѣстно! Мнѣ неудобно, потому сами понимаете: генералъ Замураевъ — родственникъ Никудышенской барынѣ, Аннѣ Михайловнѣ, а она моя крестная мамаша... Въ случаѣ чего вы можете себѣ сказать, что прошеніе вамъ написали въ Симбирскѣ, въ трактирѣ, а кто писалъ, — и сами не знаете...

— Будь покоенъ! Такъ и скажемъ...

Моисей Абрамовичъ просто пошутилъ надъ мужиками. Прекрасно зналъ онъ, что комитетъ никакихъ прошеній и жалобъ не принимаетъ, но очень ужъ захотѣлось ему воспользоваться подходящимъ случаемъ, чтобы всунуть такимъ путемъ новую распрю въ „крестьянскій“ и „дворянскій“ вопросы этими програмными „отрѣзками“. Вѣдь, по существу мужики правы: эти отрѣзки были таки украдены у мужиковъ при размежеваніи земель послѣ раскрѣпощенія.

Были у Моисея Абрамовича друзья въ земской управѣ, однопартійцы. Они тайно перестукали жалобу на земской пишущей машинкѣ, а на конвертѣ написали: „Докладъ по крестьянскому вопросу, въ Комитетъ по совѣщанію о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“...

Старики пришли въ канцелярію комитета раннимъ утромъ, когда сторожъ приводилъ въ порядокъ помѣщеніе. Онъ и принялъ отъ нихъ пакетъ, который очутился, вмѣстѣ съ нераспечатанной еще казенной почтою, на столѣ предсѣдателя комитета, генерала Замураева...

Старики сдѣлали добросовѣстно возложенное на нихъ дѣло и, зная по опыту, что отвѣты въ казенныхъ учрежденіяхъ даются нескоро и письменно, ушли домой...

Во всякое другое время эта глупая исторія прошла-бы безслѣдно, либо попала въ копилку газетныхъ курьезовъ и шутокъ. Теперь изъ нея вышла исторія весьма значительная по своимъ неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Когда генералъ, просматривая новую почту, уже съ раздраженіемъ, разорвалъ конвертъ съ надписью „Докладъ по крестьянскому вопросу“ и прочиталъ жалобу нѣкоторымъ образомъ на самого себя, да еще написанную на машинкѣ, — онъ сейчасъ-же догадался, что это либо насмѣшка со стороны лѣваго лагеря, либо работа агитаторовъ-революціонеровъ. Могъ-ли генералъ предположить, что это просто соціалъ-демократическая шуточка Моисея Абрамовича?

Прежде всего надо было удостовѣриться: вымышлены имена и прозвища подписавшихъ каракулями уполномоченныхъ отъ общества или такіе крестьяне существуютъ въ дѣйствительности. Разслѣдованіе этого вопроса генералъ поручилъ своему сыну, земскому начальнику. Оказалось, что жалоба не придумана, а подана выборными и подписи принадлежатъ установленнымъ мужикамъ, проживающимъ въ Замураевкѣ и хорошо извѣстнымъ самому генералу. Хотя Николай Владиміровичъ Замураевъ только погрозилъ набить морды, и постращалъ тюрьмой и высылкой въ Сибирь на поселеніе, но для всѣхъ мужиковъ стало ясно, что царскій комитетъ стакнулся съ помѣщиками, выдалъ ихъ жалобу Замураевскимъ господамъ и правды тутъ опять не добьешься... Кому морду набьютъ, кого подъ арестъ, кого выпорятъ, а до суда не допустятъ, хода этой жалобѣ не дадутъ...

Ходъ жалобѣ дали, но совсѣмъ не тотъ, котораго добивались мужики...

Генералъ лично передалъ ее исправнику, какъ вещественное доказательство, что у нихъ въ уѣздѣ работаютъ агитаторы. Исправникъ поручилъ становому при-

ставу произвести строгое дознаніе и установить личность подстрекателя. Въ Замураевку пріѣхалъ становой съ двумя урядниками, остановился на „въѣзжей избѣ“, вызвалъ волостного старшину и сельскаго старосту и, давши имъ нагоняй и настращавши преданіемъ суду, началъ слѣдствіе. Привели подписавшихъ жалобу двухъ выборныхъ, Пахома Еремина и Евдокима Быкова, почтенныхъ бородатыхъ мужиковъ, съ апостольскими лицами.

— Вы жалобу подали?

— Обчество. А мы, стало быть, выборные...

— Ваши подписи?

— Такъ точно.

— Кто васъ научилъ подать эту жалобу?

— Кому насъ учить? Некому. Сами. Міромъ порѣшили.

— А кто написалъ жалобу?

Выборные помолчали, переглянулись, потомъ Пахомъ Ереминъ переспросилъ:

— Кто писалъ?

— Ну, да! Я тебя русскимъ языкомъ спрашиваю: кто писалъ вамъ жалобу?

Не выдали Моисея Абрамовича и стали объяснять, какъ научилъ онъ: написалъ человѣкъ одинъ, а кто — неизвѣстно. Въ трактерѣ было. Спросили: можешь намъ жалобу написать? Ну, онъ допросъ снялъ и написалъ...

— Какъ же онъ писалъ? Рукой?

— Да, вѣдь, какъ люди пишутъ? Знамо рукой, а не ногой...

Вотъ тутъ и попались!

— Не рукой написано, а на машинѣ. Признавайтесь, кто и гдѣ писалъ жалобу!

Повторяютъ одно и тоже: въ Симбирскѣ, въ трактерѣ, а кто — неизвѣстно имъ...

— Сознаться не желаете?

Молчатъ.

— Взять подъ арестъ!

Стариковъ повели въ арестантскую камеру при волостномъ правленіи. Окружавшая „въ ѣзжую избу“ толпа мужиковъ глухо заворчала, послышались выкрики:

— Тогда ужъ всѣхъ арестуйте! Весь міръ! Мы всѣ жалобу подали!

Урядники разогнали толпу.

Къ вечеру старшина со старостой собрали мірской сходъ, на которомъ становой выступилъ съ увѣщаніемъ — открыть имя подстрекателя.

— Всѣ по круговой порукѣ отвѣтите за укрывательство смущающихъ васъ преступниковъ!

Становой сталъ разъяснять, по приказанію циркуляра, вредоносность агитаторовъ и лживость ихъ ученія:

— Они васъ натравливаютъ на баръ, помѣщиковъ, врутъ, что всѣ люди равны! Никакого такого равенства на свѣтѣ не можетъ быть! Всякому свое мѣсто Господь Богъ указалъ: и барину, и крестьянину, и мѣщанину, и дворянину! Какъ нельзя безъ мужика, такъ нельзя и безъ барина. Баринъ — голова, а мужикъ — руки, ноги. Какъ голова безъ рукъ-ногъ, такъ и руки-ноги безъ головы ничего не стоятъ! Тоже вотъ и безъ купца нельзя. Вамъ земскій начальникъ читалъ, что сказалъ государь крестьянскимъ депутатамъ?

Становой еще разъ прочиталъ опубликованную въ особомъ циркулярѣ рѣчь царя на Курскихъ маневрахъ...

Слушали и молчали, потупясь въ землю. Потомъ стали просить выпустить на волю арестованныхъ выборныхъ. Одного говоруна еще арестовали и увели въ арестантскую. Толпа снова загудѣла ропотомъ. Ее снова разогнали урядники.

Становой уѣхалъ, а ночью толпа разбила дверь арестанской и освободила Пахома Еремина и Евдокима Быкова.

Дѣломъ заинтересовался жандармскій ротмистръ и со свойственной ему опытностью очень быстро установилъ, что жалоба написана на одной изъ пишущихъ ма-

шинокъ земской управы. Жандармскій ротмистръ арестовалъ секретаря земской управы, знакомаго намъ Елевферія Митрофановича Крестовоздвиженскаго, и произвелъ обыскъ на его квартирѣ.

Арестъ секретаря земской управы былъ крайне непріятенъ Павлу Николаевичу, какъ предсѣдателю управы: это давало поводъ врагамъ бороться съ земскимъ самоуправленіемъ, подкрѣпляя свои нападки арестомъ Крестовоздвиженскаго, посаженнаго когда-то на это мѣсто самимъ предсѣдателемъ.

И вотъ получилось новое „дѣло о сопротивленіи властямъ при исполненіи служебныхъ обязанностей и о насильственномъ освобожденіи арестованныхъ преступниковъ“. Двадцать пять обвиняемыхъ: 14 — мужиковъ и 11 бабъ.

Такъ власти, въ угоду „опорѣ трона“ дѣлали изъ мухи слона и помогали революціонерамъ возбуждать бунты и волненія въ народѣ.

Попытка жандармскихъ властей устроить изъ мухи еще одного слона и превратить земскую управу въ тайный очагъ революціи — не удалась. Тутъ все держалось на ниточкѣ. Этой ниточкой, на которой держалось все обвиненіе, была предательская буковка въ шрифтѣ пишущей машинки: буква „щ“. У этой буковки стерся или просто отвалился хвостикъ. Въ текстѣ жалобы мужиковъ было слово „раскрѣпощеніе“ и въ немъ буква „щ“ оказалась тоже безъ хвостика. Такъ какъ машинка эта стояла въ кабинетѣ секретаря Крестовоздвиженскаго, въ прошломъ котораго имѣлись политическіе грѣшки, а барышня Пупыркина, работавшая на этой машинкѣ, устроенная на службу въ управѣ по протекціи самого жандармскаго ротмистра, была внѣ всякихъ подозрѣній, — то совершенно естественно, — подозрѣніе пало на самого секретаря, который и былъ арестованъ.

Барышня Пупыркина, въ разговорѣ съ сослуживцами, разболтала эту улику преждевременно, когда ма-

шинка не была еще конфискована, какъ вещественное доказательство. Это и спасло невинно-пострадавшаго секретаря. Сослуживцы его перехитрили жандармскаго ротмистра: дежурный по канцеляріи, выбравъ моментъ полнаго уединенія, сбилъ осторожненько еще одинъ хвостикъ: у буквы „ц". Машинка была изъята уже безъ двухъ хвостиковъ и это было установлено экспертизой сличенія текста жалобы съ текстомъ, напечатаннымъ на машинкѣ. Не будь другой безхвостой буковки, секретарь не миновалъ-бы тюрьмы и ссылки въ Сибирь лѣтъ на пять. Теперь онъ отдѣлался адиинистративной высылкой на два года въ Архангельскъ...

Однако не будемъ забѣгать впередъ...

Новый Симбирскій губернаторъ, такъ гордившійся спокойствіемъ во ввѣренной ему губерніи, узнавъ о событіяхъ въ Замураевкѣ и въ Алатырскомъ земствѣ, вызвалъ къ себѣ предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы.

Послѣ бесѣды съ обоими, губернаторъ явно сталъ на сторону Павла Николаевича:

— Народъ — какъ дѣти: легко возбуждается, а мы сами этихъ дѣтей дразнимъ... Надо было эту бумажонку просто изорвать и никакого сопротивленія властямъ не было-бы.

Губернаторъ лично пріѣзжалъ въ Замураевку и говорилъ съ народомъ. Мужики и бабы, родственники преступниковъ, бросались на колѣни, умоляли простить арестованныхъ, плакали, жаловались на то, что работать по хозяйству некому. Новый губернаторъ еще не успѣлъ закалить свое сердце долгомъ службы и разжалобился. Простилъ-бы этихъ дѣтей, которые то буянятъ, то смиренно стоятъ на колѣнахъ и плачутъ. Но уже не могъ: было поздно. Это рождало въ немъ досаду на нетактичность генерала Замураева. Сдѣлавшаяся ему извѣстной исторія съ двумя безхвостными буквами на земской машинкѣ, напротивъ, расположила къ умному Павлу

Николаевичу и губернаторъ былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ, чѣмъ, конечно, Павелъ Николаевичъ и поспѣшилъ воспользоваться, когда зашелъ вопросъ о задачахъ „Особаго совѣщанія" и работахъ мѣстныхъ комитетовъ.

Ахъ, если-бы губернаторъ зналъ, что дни и часы „комитетовъ" уже сочтены и рука возмездія готовится опустить мечъ свой на главы всѣхъ мечтателей о конституціи и непрошенныхъ помощниковъ правительству въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ!..

XIII.

Министръ Плеве давно имѣлъ отъ государя полномочіе положить предѣлъ „вредной болтовнѣ" въ земствахъ и комитетахъ, но предпочиталъ повременить, чтобы облегчить работу департамента полиціи: „пусть вылѣзетъ наружу вся эта политическая проказа!"

Въ Симбирскѣ только что открылись засѣданія губернскаго комитета, въ связи съ чѣмъ съѣхались предводители дворянства и предсѣдатели земскихъ управъ всей губерніи, земскіе и общественные дѣятели, приглашенные съ правомъ совѣщательнаго голоса — крупные землевладѣльцы, купцы, связанные съ интересами сельско-хозяйственной промышленности. Въ ихъ числѣ было немало и нашихъ знакомыхъ.

Въ Симбирскѣ волненіе умовъ было значительное, но оно не вылѣзало такъ на глаза, какъ въ маленькомъ Алатырѣ. Никакихъ скандаловъ и скандальныхъ споровъ здѣсь не происходило, потому что враждующіе лагеря размежевались: въ свободные вечера правый лагерь и высшее чиновничество собирались въ помѣщеніи „Дворянскаго собранія", а лѣвый лагерь, съ тяготѣющими къ нему симбирцами, — въ „Купеческомъ клубѣ"...

Толчкомъ къ всеобщему волненію умовъ послужила рѣчь новаго губернатора на первомъ-же засѣданіи

губернскаго комитета. О, сколь пріятная неожиданность для лѣваго лагеря и сколь непріятная — для праваго!

Всѣхъ присутствовавшихъ поразило уже самое вступленіе!

Сказавъ нѣсколько общихъ въ такихъ случаяхъ фразъ о государѣ императорѣ, пекущемся о нуждахъ своихъ вѣрноподданныхъ и объ организаціи по волѣ императора особаго совѣщанія, губернаторъ перешелъ къ дѣлу:

— Населеніе нашей губерніи, какъ и многихъ другихъ, именующихся житницей Россіи, все-же время отъ времени подвергается бѣдствіямъ неурожаевъ и связанныхъ съ ними голода и нужды, въ корнѣ разстраивающихъ крестьянскій бытъ и плодящихъ нищету. Будучи неподготовленнымъ къ этимъ несчастіямъ и сознавая свое безсиліе, населеніе дѣлается способнымъ къ воспріятію антигосударственныхъ идей, распространяемыхъ революціонерами... Ужасы крестьянскихъ бунтовъ и волненій, особенно въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, гдѣ крестьянскій надѣлъ земли упалъ до полуторы десятины на душу, громко говорятъ намъ, что необезпеченный землею мужикъ можетъ сдѣлаться для государства гораздо опаснѣе, чѣмъ городской пролетарій. Господа! Мы должны признать, что опасность для государства глядитъ изъ деревни и что разрѣшеніе аграрнаго вопроса является самымъ неотложнымъ дѣломъ настоящаго момента!.. Объявляя засѣданія губернскаго комитета открытыми, я высказываю надежду, что вопросъ этотъ найдетъ надлежащее мѣсто и вниманіе въ нашихъ работахъ!

Первое засѣданіе ограничилось лишь этимъ открытіемъ.

Губернаторская рѣчь однихъ удивила и обрадовала, другихъ непріятно огорошила. Встрѣча губернатора вечеромъ въ залахъ Дворянскаго собранія была холодноватой. Со стороны дворянъ чувствовалось разочарованіе

въ новомъ губернаторѣ. Уединяясь въ укромныхъ уголкахъ дворяне ворчали и шушукались. За ужиномъ „ура“ за государя-императора прозвучало громко и дружно, а предложеніе выпить за здоровіе губернатора, хотя и было принято, но всѣмъ было ясно, что никому пить не хочется... Выпили, какъ — лѣкарство.

За то, какая радость и веселіе были въ этотъ вечеръ въ „Купеческомъ клубѣ“!

— Необыкновенный, господа, губернаторъ! Единственный въ своемъ родѣ...

— Не губернаторъ, а какое-то недоразумѣніе! Не по ошибкѣ-ли назначили?

— Положимъ, не единственный... А Воронежскій губернаторъ, допустившій на засѣданіе подъ своимъ предсѣдательствомъ прочтеніе резолюціи съ требованіемъ Всероссійскаго земскаго собора?!

— Ну, два губернатора! Предлагаю выпить за нихъ шампанскаго!

Только нѣкоторые интеллигенты изъ „третьяго элемента“ считали для себя недопустимымъ восхищаться и пить за здоровье губернаторовъ. Они тихо объясняли сосѣдямъ по столу, почему воздерживаются:

— Губернаторъ не можетъ быть порядочнымъ человѣкомъ. А если двое изъ нихъ и поддержали насъ, то не изъ принципа и убѣжденій, а просто по глупости!

Чтобы сгладить это маленькое разногласіе въ своемъ лагерѣ, Павелъ Николаевичъ разсказалъ свѣженькій анекдотъ изъ высшихъ сферъ:

— Когда Иванъ Николаевичъ Дурново попался въ перлюстраціи писемъ вдовствующей императицы и вылетѣлъ съ министерскаго поста, Государь очень долго не назначалъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. А было два кандидата: Сипягинъ и Плеве. Является съ докладомъ Витте и Государь начинаетъ съ нимъ совѣтоваться, кого назначить? Съ Константиномъ Петровичемъ Побѣ-

доносцевымъ я, говоритъ, уже посовѣтовался. Вотъ Витте и спрашиваетъ: каково-же мнѣніе Побѣдоносцева?

— Да очень просто отозвался Константинъ Петровичъ о моихъ кандидатахъ. Онъ сказалъ, что одинъ — дуракъ, другой — подлецъ!

— Попалъ, господа, дуракъ, а вотъ теперь очередь дошла и...

Громкій смѣхъ заглушилъ конецъ фразы...

Могъ-ли предполагать Павелъ Николаевичъ, что за столомъ, на роляхъ лакея, былъ шпіонъ и что его веселый анекдотъ о столь высокопоставленныхъ лицахъ на другой-же день сдѣлается извѣстнымъ въ Жандармскомъ управленіи?

Прошло нѣсколько дней и въ Симбирскъ прилетѣли слухи о начавшемся разгромѣ лѣваго лагеря.

Расправа началась съ Воронежа, который первымъ открылъ войну съ правительствомъ, требуя возвращенія къ освободительнымъ реформамъ императора Александра II и Всероссійскаго земскаго собора, иными словами — ограниченія самодержавной власти царя.

Пострадали не только земскіе и общественные дѣятели, но и самъ губернаторъ.

Губернатора убрали, однихъ устранили съ общественной службы, другихъ выслали изъ собственныхъ имѣній, нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ ораторовъ арестовали, другихъ потребовали въ департаментъ полиціи для личныхъ объясненій. Спеціально посланный изъ Петербурга сенаторъ началъ чинить допросъ членамъ комитета и земской комиссіи...

Симбирскій губернаторъ внезапно заболѣлъ и засѣданія оборвались. Въ правомъ лагерѣ торжествовали побѣду и посылали благодарственныя телеграммы въ Петербургъ. Лѣвый лагерь растерялся: у всѣхъ потерялась увѣренность въ собственномъ благополучіи и потому пріѣзжіе начали безпорядочное отступленіе: разъѣздъ по мѣстамъ своего постояннаго жительства... На

всякій случай надо приготовиться къ обыскамъ, допросамъ и ко всякой непріятности

Павелъ Николаевичъ сперва удерживалъ малодушныхъ, но скоро и самъ сбѣжалъ въ свой Алатырь, сославшись на неотложныя дѣла.

Двѣ недѣли пребывалъ въ тревогѣ и уныніи: приходили извѣстія о всероссійскомъ погромѣ интеллигенціи...

И вотъ свершилось: изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришла бумага объ устраненіи Павла Николаевича Кудышева отъ должности предсѣдателя Алатырской земской управы, а спустя еще недѣлю къ нему на домъ пріѣхалъ жандармскій ротмистръ, расшаркался, спросилъ о здоровьи супруги и матушки и, когда предчувствовавшій бѣду Павелъ Николаевичъ усадилъ его въ кресло и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

Ротмистръ извинился и съ виноватой улыбочкой сочувственно сказалъ:

— Къ сожалѣнію, я пріѣхалъ исполнить весьма тяжелую служебную обязанность: потрудитесь, Павелъ Николаевичъ, прочитать эту бумагу и дать соотвѣтствующую подписку...

Павелъ Николаевичъ прочиталъ поданную ему бумагу: это было распоряженіе департамента полиціи о высылкѣ его административнымъ порядкомъ на три года въ г. Архангельскъ.

Павелъ Николаевичъ покраснѣлъ. Ему хотѣлось выгнать вонъ или даже дать въ физіономію виновато улыбавшемуся ротмистру, но онъ умѣлъ скрывать свои мысли и желанія:

— Что-жъ! И въ Архангельскѣ люди живутъ... Такъ прикажете расписаться, что сіе произведеніе читалъ?

— Да... и что обязуетесь втеченіе двухнедѣльнаго срока добровольно выѣхать въ городъ Архангельскъ.

— Почему-же не этапнымъ порядкомъ?..

— Полагаю, что это любезность лично къ вамъ...

Вотъ вашего секретаря, господина Крестовоздвиженскаго, направили тоже въ Архангельскъ, но другимъ порядкомъ... именно этапнымъ.

Павелъ Николаевичъ засмѣялся очень весело и, подавая подписанную бумагу спросилъ:

— Что еще прикажете?

— Все. Позвольте пожелать вамъ всего наилучшаго...

Ротмистръ звякнулъ шпорами и вышелъ изъ кабинета. Павлу Николаевичу захотѣлось вдругъ кольнуть язвительной насмѣшкой ротмистра. Выйдя въ переднюю проводить гостя, Павелъ Николаевичъ, пока гость надѣвалъ пальто, любезно издѣвался:

— Ну, а какъ ваше изслѣдованіе о хвостикахъ?

— Какъ-съ?

— Говорятъ о чудесахъ, явленныхъ Господомъ жандармскому управленію...

— Не понимаю, Павелъ Николаевичъ...

— Да ходитъ слухъ, что у конфискованной въ земской управѣ пишущей машинки наблюдаются странныя явленія: у нѣкоторыхъ буквъ шрифта то атрофируются, то снова появляются хвостики?

Ротмистръ обидѣлся. Промолчалъ и, сдѣлавъ честь по военному, удалился.

Странное произошло въ душѣ Павла Николаевича. Три недѣли онъ пребывалъ въ угнетенномъ состояніи духа, а теперь, послѣ визита ротмистра съ приговоромъ ссылки въ Архангельскъ, ободрился, повеселѣлъ и проникся чувствомъ необычайной гражданской гордости. Возбужденно, заложивъ руки въ карманы брюкъ, ходилъ по кабинету, вскидывалъ головой и произносилъ:

— Богъ не выдастъ, Плеве не съѣстъ!

Обдумывалъ, какъ подготовить жену къ этому новому удару. Какъ-никакъ, а все таки — переворотъ въ жизни, ломка семейнаго быта, что всегда пугаетъ женщинъ. Неожиданное переселеніе.

Къ сожалѣнію, кто-то уже предупредилъ Павла Николаевича. Жена отсутствовала, а когда вернулась домой, то ворвалась въ кабинетъ мужа съ ужасомъ на лицѣ и съ безумно-блуждающимъ взоромъ:

— Сейчасъ мнѣ сказали, что тебя — въ Сибирь... на каторгу!..

— Погоди... Сядь и не волнуйся! Ничего страшнаго нѣтъ...

— Значитъ, правда?

— И не въ Сибирь, и не въ каторгу, и не въ тюрьму...

Леночка поняла одно: старается успокоить, но — правда... И она, кинувшись на грудь Малявочки, обхватила его шею руками и разразилась неутѣшнымъ рыданіемъ...

— Ну, полно, полно, перестань!.. — ворковалъ Павелъ Николаевичъ веселымъ полнымъ мужестна и спокойствія баскомъ. — Ну, ну! Ты все еще птичка Божія"...

Посадилъ на диванъ, отпоилъ холодной водой и началъ наскоро зашивать нанесенную кѣмъ-то на базарѣ душевную рану жены своей:

— И какой дуракъ такъ напугалъ мою птичку? Во-первыхъ — не въ Сибирь, и не въ каторгу, а просто въ Архангельскъ, губернскій городъ Архангельскъ. И всего на два года. (Павелъ Николаевичъ годъ убавилъ)... Это временная почетная ссылка. Я буду тамъ жить на свободѣ, какъ живутъ всѣ остальные жители... Архангельскъ — большой прекрасный городъ, въ десять разъ лучше, красивѣе и культурнѣе нашего Алатыря! Между прочимъ, — тамъ памятникъ „архангельскому мужику" Ломоносову...

— Тамъ на собакахъ, кажется, ѣздятъ? — тихо спросила Леночка, отирая платкомъ слезы.

— И на оленяхъ, и на собакахъ, но никто не возбраняетъ ѣздить и на лошадяхъ. Въ городѣ много из-

вощиковъ, а на собакахъ и оленяхъ путешествуютъ только самоѣды и научныя экспедиціи... Городъ стоитъ на огромной рѣкѣ, въ родѣ Волги, на Сѣверной Двинѣ... Кстати — тамъ бываютъ великолѣпныя сѣверныя сіянія! Тамъ избранное интеллигентное общество, не чета Алатырю. Тамъ можно сказать, — сливки интеллигенціи...

— Какія сливки?

— Да ссыльные. Много почтенныхъ общественныхъ работниковъ, публицистовъ, писателей, людей науки... И нашихъ земцевъ много! Туда и Воронежскихъ земцевъ, Бунакова, Мартынова... выслали, тверичанъ нѣкоторыхъ... Знаешь, туда-же отправили и нашего Елевферія Митрофановича Крестовоздвиженскаго! Тамъ вообще мы найдемъ немало знакомыхъ...

— Туда-же? — улыбаясь сквозь слезки, радостно спросила Леночка.

— Откровенно говоря, я готовъ благодарить Плеве за эту интереснѣйшую командировку! Сперва я поѣду одинъ, найму хорошую квартиру, вообще устроюсь, а потомъ вы всѣ пріѣдете. Я давно мечталъ вылѣзти изъ нашего болота, отдохнуть и попутешествовать...

Вообще выходило такъ, что Леночкѣ оставалось не плакать, а радоваться. И она повеселѣла. Безпокоилъ ее только денежный вопросъ, но и тутъ они, посовѣтовавшись, нашли выходъ: у бабушки — Леночка это знаетъ! — припрятано было 12 тысячъ. На свадьбу Наташи ушло всего три тысячи, значитъ — девять осталось. У Леночки есть фамильныя бриллiанты, даны были въ приданное...

— И потомъ эти бабушкины предки... Три портрета писаны знаменитымъ художникомъ Левицкимъ,— вѣдь, это мертвый капиталъ! — вспомнилъ вдругъ Павелъ Николаевичъ. — Вѣдь, это вѣрныхъ тысячъ... ну, пятнадцать-двадцать тысячъ! Кому нужны эти предки?! Ты поговори съ бабушкой... Вѣдь, я не менѣе 15 лѣтъ батрачилъ на всѣхъ въ имѣніи! Наконецъ, я надѣюсь,

что найду работу и въ Архангельскѣ... Важно имѣть сейчасъ хотя-бы тысячи три, чтобы мнѣ поѣхать и устроиться...

Тутъ Леночка улыбнулась, прижалась къ мужу кошечкой и призналась, что у ней самой припрятано пять тысячъ двѣсти!

— Вотъ ты меня все бранилъ, говорилъ, что это — мѣщанство, а теперь...

— Ну, а теперь поцѣлую!

Послѣ ужина Леночка отправилась наверхъ, къ бабушкѣ, чтобы разсказать ей обо всемъ, что случилось, и выпросить „предковъ“ изъ отчаго дома...

Заряженная оптимизмомъ Павла Николаевича, Леночка говорила съ бабушкой такимъ тономъ, что та разсердилась:

— Чему-жъ ты сдуру обрадовалась-то?

— Тамъ намъ будетъ лучше даже, чѣмъ въ Алатырѣ! Весной и мы переѣдемъ...

— Нѣтъ. Меня избавьте отъ этого удовольствія. Никогда ни въ тюрьмахъ, ни въ каторгахъ, ни въ ссылкахъ еще не бывала, этой чести не удостаивалась! Пусть ужъ сынки эту царскую службу и отбываютъ. Съ меня и этого достаточно, Ленушка... Мнѣ-бы только въ мирѣ и покаяніи скончаться Богъ привелъ...

Леночка незамѣтно перешла на нужду въ деньгахъ и на ликвидацію „предковъ“.

Бабушка сперва разсердилась и расплакалась.

— Эхъ, дѣтки! Отца родного готовы продать...

Потомъ смирилась: есть тамъ одинъ портретъ дальняго предка, по какимъ-то воспоминаніямъ родовымъ, непутеваго безбожнаго человѣка, который изъ православной вѣры въ расколъ ушелъ... Его, пожалуй, и нежалко отдать бабушкѣ. Только чего онъ стоитъ?.. Его отдамъ, а другихъ, пока жива, не могу. Вотъ помру, — тогда все равно ужъ...

Поохала, покряхтѣла бабушка, порылась въ какой-

то рухляди, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и дала Леночкѣ что-то завернутое въ шелковую тряпочку:

— На вотъ тебѣ... Тутъ пять тысячъ... Умрешь, ничего съ собой не возьмешь...

Леночка вздрогнула отъ радости и стала нацѣловывать бабушку...

— Поѣдемъ, бабушка, съ нами!

— Нѣтъ, не проси... Хочу въ родную землю лечь...

— Ну, что бабушка такое говорить... Успѣете еще... поживете еще...

Поздно вернулась Леночка на супружеское ложе. Павелъ Николаевичъ уже улегся и читалъ „Русскія Вѣдомости", въ которыхъ было напечатано иносказательно о разгромѣ земцевъ. Приводился списокъ „временно переѣзжающихъ на жительство" въ г. Архангельскъ общественныхъ дѣятелей. Въ этомъ спискѣ значилось и его имя. Это внесло въ душу его нѣкоторую удовлетворенность своей личностью, а тутъ еще улыбающаяся Леночка, полная радостной тайны.

— Ну, какъ дѣла, птичка?

Леночка наскоро сбросила халатикъ и нырнула подъ одѣяло. Все прекрасно! Сама ѣхать не хочетъ, но вотъ... дала пять тысячъ... и разрѣшила взять одинъ портретъ... Знаешь, съ лѣваго края!

— Это-же лучшій портретъ Левицкаго!

— Вотъ видишь: у меня пять тысячъ двѣсти да эти пять тысячъ! Да, навѣрное, и Наташа пришлетъ. У нихъ денегъ много...

Такъ все прекрасно, что Леночка перекрестилась и обняла горячими руками своего героя, Малявочку...

XIV.

Бабушкинъ домъ въ городкѣ Алатырѣ на цѣлую недѣлю сдѣлался центромъ вниманія, удивленія, восхищенія и умиленія всѣхъ жителей обоего пола, отъ интел-

лигента съ высшимъ образованіемъ до малограмотнаго лавочника...

Въ этомъ домѣ — герой, павшій въ борьбѣ съ неправдой, пострадавшій за высокіе идеалы, за любовь къ народу, за свои смѣлыя сужденія, вообще за что-то такое, достойное восхваленія, чего благополучный житель въ себѣ не чувствовалъ, но что, хотя и въ тайнѣ, продолжалъ считать въ числѣ высокихъ добродѣтелей...

Неизвѣстно, какъ чувствовали мѣстныя власти высшаго сорта, но вотъ какъ потихоньку другъ съ другомъ говорили городской будочникъ со сторожемъ земской больницы:

— Кого это къ вамъ въ больницу привезли ночью?

— Изъ имѣнія нашего предводителя, генерала... На охранѣ у него человѣкъ былъ мухамеданскаго исповѣданія... Жидъ — не жндъ, циганъ — не циганъ, а песъ его знаетъ. Не русскій онъ. Вилами ему крестьяне брюхо пропороли. Операцію будутъ дѣлать...

— Это за что-же его вилами-то?

— Очень, сказываютъ, народъ забижалъ... Жаловались на его туда-сюда, а ничего не вышло... За генераломъ служитъ, ничего не подѣлаешь съ нимъ...

Вотъ тутъ разговоръ и перешелъ на злобу дня:

— Попробуй теперь — заступись за простой народъ, за правду-то, — такъ если тебя съ мѣста сгонятъ, съ должности, то есть, — скажи: слава Богу! А то и хуже случается. Вонъ у насъ предсѣдателемъ-то земскій, Павелъ-то Миколаичъ! Не токмо что съ мѣста—прочь, а на поселеніе опредѣлили и, сказываютъ, въ такія мѣста, гдѣ ночь половину года тянется. Вотъ ты и подумай, какъ въ такой темнотѣ жить человѣку? А за что его?

Тутъ сторожъ оглядывался и полушепотомъ объяснялъ:

— За народъ заступился... Жалобу, значитъ, царю подалъ, чтобы крестьянамъ землю дали...

— Куда! Разя допустятъ, чтобы жалоба такая до

царя дошла?! — тихо, оглядываясь по сторонамъ, говорилъ будочникъ. Жалко барина-то, Павла Николаевича. Завсегда ласковый со всѣми былъ. На чай меньше цѣлковаго не давалъ...

— Да ужъ такой человѣкъ, что и днемъ съ огнемъ не отыщешь! Сколько лѣтъ хорошъ былъ, а какъ за народъ заступился, — маршъ съ мѣста на край свѣта, гдѣ, сказываютъ, всякіе дикіе звѣри и народы... полгода спятъ, а другіе полгода въ шкурахъ сидятъ и собакъ жрутъ... Вотъ какъ съ такими людями-то, какъ нашъ предсѣдатель земскій!...

Удивительнѣе всего было геройство самого жителя. Въ былыя времена онъ по трусости и мимо бабушкинаго дома пересталъ-бы ходить, чтобы на себя подозрѣній въ сочувствіи преступнику со стороны властей не навлечь, а теперь среди бѣлаго дня ползутъ и ѣдутъ къ бабушкиному дому, чтобы выказать свое вниманіе и тѣмъ засвидѣтельствовать свою солидарность! И купцы, и водяные и желѣзнодорожные инженеры, и техники, и учителя прогимназіи и уѣзднаго училища, и земскіе врачи, и служащіе земской и городской управы, и даже гимназисты съ гимнизистками...

Даже и отецъ Варсонофій побывалъ, не говоря о генералѣ Замураевѣ, который, какъ отецъ Леночки и другъ бабушки, долженъ былъ высказать свое соболѣзнованіе по случаю постигшаго ихъ несчастія.

Генералъ былъ смущенъ и даже какъ будто печаленъ. Павелъ Николаевичъ встрѣтилъ его холодновато, а кромѣ того — очутился, такъ сказать, одинъ — на одинъ съ побѣжденными врагами: онъ засталъ Павла Николаевича въ обществѣ друзей.

— Ну, Павелъ Николаевичъ... хотя мы съ вами какъ-бы на двухъ противоположныхъ полюсахъ...

— Отъ Архангельска сѣверный полюсъ далеко еще... — пошутилъ Павелъ Николаевичъ и разсмѣшилъ друзей, а генерала смутилъ еще болѣе:

— Я о полюсахъ — въ смыслѣ нашихъ политическихъ взглядовъ... Но мы прежде всего — родственники, потомъ — коренные симбирцы и, наконецъ, люди...

Павелъ Николаевичъ опять перебилъ генерала:

— Почему — „наконецъ, люди“? По моему, вашу формулу надо перевернуть вверхъ ногами: сперва — люди, потомъ — симбирцы и наконецъ — родственники...

— Теперь — все вверхъ ногами! — отшутился генералъ и засмѣялся вмѣстѣ со всѣми прочими гостями.

— А, впрочемъ, и такъ согласенъ: люди!.. и потому по человѣчеству я совершенно искренно опечаленъ постигшимъ васъ несчастіемъ и написалъ уже въ Петербургъ, гдѣ у меня сейчасъ имѣются кое-какія связи, о возможномъ смягченіи приговора...

Павелъ Николаевичъ даже вздрогнулъ.

— Ваше превосходительство! Я васъ объ этомъ не просилъ и въ покровительствѣ вашихъ столичныхъ пріятелей совершенно не нуждаюсь... Если имъ благоугодно считать мою работу на пользу родины и народа — государственнымъ преступленіемъ, то и я въ правѣ считать ихъ дѣятельность государственнымъ преступленіемъ. Отъ этихъ государственныхъ преступниковъ, за одно съ которыми работаете и вы, ваше превосходительство, я не приму никакой милости! И вы не имѣли никакого права безъ моего согласія...

— Я имѣлъ нравственное право поступить такъ, если не лично для васъ, то для своей дочери и... вашей матушки, которая меня просила...

— Ахъ, папочка! — весело воскликнула Леночка, заглядывая въ дверь кабинета.

Генералъ воспользовался этимъ моментомъ и сбѣжалъ изъ вражескаго стана.

— Вотъ, господа, положеніе! По истинѣ „услужливый дуракъ опаснѣе врага“! — произнесъ взволнованный и оскорбленный Павелъ Николаевичъ...

Ходилъ по кабинету, при молчаливомъ сочувствіи друзей, и размышлялъ вслухъ:

— И никакъ отъ этого столбового дворянскаго хвоста не отдѣлаешься!

— Думалъ, что покончено съ этимъ хвостомъ, — отрубили! Такъ нѣтъ, тянется...

— А потомъ начнуть болтать, что я самъ просилъ помилованія! Эхъ!..

— Хорошо, что все это произошло при свидѣтеляхъ...

Конечно, все происшедшее въ кабинетѣ, моментально сдѣлалось извѣстнымъ въ городкѣ и эта свѣженькая сенсація еще болѣе возвеличила популярность мѣстнаго героя.

Уже сорганизовался комитетъ по прощальному чествованію Павла Николаевича, и запись желающихъ принять участіе въ прощальномъ обѣдѣ и въ расходахъ на подарокъ отъ друзей, знакомыхъ и почитателей росла буквально по часамъ. Городской голова Тыркинъ и Симбирскій купецъ Ананькинъ внесли по 500 рублей, общая сумма взносовъ уже приближалась къ двумъ тысячамъ и все еще наростала...

Оно и понятно. Обывательское гражданское мужество, неспособное на большую личную жертву подвига, направлялась всегда по руслу личной безопасности: отслужить панихиду, почествовать на зло начальству обѣдомъ, устроить проводы на вокзалѣ...

Суматоха въ городкѣ необычайная. И мужчины и дамы въ возбужденномъ состояніи. Споры, ссоры, недоразумѣнія. Какъ и гдѣ чествовать? Кто будетъ говорить рѣчи и въ какомъ порядкѣ? Въ какихъ границахъ допустимъ въ этихъ рѣчахъ политическій характеръ? Какой подарокъ: альбомъ съ собственными фотографіями, золотой жетонъ или портсигаръ? Гдѣ достать лавры для вѣнка? Кто изъ женщинъ поднесетъ букетъ женѣ героя и кто прочитаетъ въ ея честь отрывокъ

изъ „Русскихъ женщинъ“ Некрасова? Насколько тактично спѣть хоромъ „Дубинушку“?.. Сотня вопросовъ, требующихъ быстраго разрѣшенія...

Уже 124 человѣка записались. Помимо общаго подарка сооружаются подарки отъ разныхъ группъ интеллигенціи. Однимъ словомъ — опять событіе государственной важности...

И все-бы это ничего, но вотъ какое непредусмотрѣнное и неразрѣшимое происшествіе встало на пути чествованія: комитетъ по устройству чествованія неожиданно получилъ письмецо отъ жандармскаго ротмистра съ просьбой записать его въ число участниковъ обѣда!

Какъ быть?.. Возможно-ли?

Ваня Ананькинъ, непремѣнный участникъ на свадьбахъ, похоронахъ, обѣдахъ и пикникахъ, послѣ совѣщанія съ Павломъ Николаевичемъ, заявилъ комитету, что если на обѣдѣ будетъ присутствовать жандармъ, то онъ предпочитаетъ не обѣдать. Тоже самое заявили очень многіе изъ подписавшихся.

Безвыходное положеніе!

Хочешь — не хочешь, а подавай гражданское мужество болѣе высокаго сорта!

Не принять заявленной записи ротмистра — это значитъ — подтвердить свою политическую неблагонадежность и сдѣлаться личнымъ врагомъ весьма могущественнаго представителя власти.

Комитетъ раскололся. Принципіально всѣ находили участіе ротмистра равносильнымъ издѣвательству надъ общественнымъ мнѣніемъ, но въ какой формѣ отказать? Отказать, чтобы никакой политики незамѣтно было? Какъ не ворочали мозгами, — ничего не придумаешь. Прямо хоть отмѣняй всю музыку!..

Въ самую критическую минуту, когда вся затѣя была готова развалиться отъ мины, заложенной жандармскимъ ротмистромъ, подвыпившій Ваня разрѣшилъ единымъ духомъ политическую проблему:

— Очень просто! Обѣдовъ никакихъ не будетъ, отмѣненъ, о чемъ въ клубѣ выставимъ объявленіе. Такъ и такъ, за отказомъ Павла Николаевича отъ оффиціальнаго чествованія и т. д. А я устраиваю прогулку на своемъ пароходѣ и приглашаю, кого хочу! Я не обязанъ приглашать по чинамъ и званіямъ... Пускай на меня озлится: мнѣ не тепло, не холодно. Я живу въ Симбирскѣ и ужъ если тамошняго губернатора и жандармскаго полковника не приглашаю, такъ вашему ротмистру и обидѣться не полагается!.. Даю пароходъ въ полное распоряженіе и печатаю и разсылаю пригласительныя карточки. А все остальное на своемъ мѣстѣ: какъ было.

Эта геніальная изобрѣтательность Вани была встрѣчена восторженно и ротмистръ получилъ очень любезное письмо:

— Польщенный Вашимъ любезнымъ вниманіемъ, Комитетъ, къ сожалѣнію, долженъ Вамъ сообщить, что Павелъ Николаевичъ Кудышевъ отъ общественнаго чествованія отказался. Вслѣдствіе изложеннаго, имѣемъ честь препроводить при семъ Вашъ взносъ въ суммѣ трехъ рублей. Комитетъ". (Подписи — неразборчиво).

Телеграмма въ Симбирскъ, — и черезъ два дня пароходъ „Стрѣла", разукрашенный зеленью и флагами, стоялъ уже на якорѣ у пароходныхъ пристаней, а Ваня Ананькинъ щеголялъ по городу въ капитанской формѣ своего изобрѣтенія.

На стѣнахъ клуба появилось объявленіе объ отмѣнѣ торжественнаго обѣда и записавшіеся на него приглашались получить обратно свои взносы. Конечно, исправникъ и ротмистръ быстро пронюхали эту хитрую продѣлку, изобрѣтенную Ваней Ананькинымъ, но никакой новой мины придумать не сумѣли.

Впрочемъ, Ваню всетаки они укусили. Какъ-то онъ забѣжалъ въ клубъ пообѣдать и наткнулся на исправника съ ротмистромъ.

— Мое почтеніе! Скажите пожалуйста, что это на васъ за форма и кѣмъ она вамъ присвоена?

— Обыкновенная... Волжскіе капитаны носятъ...

— Носятъ бывшіе чиновники и офицеры Морского вѣдомства и то совершенно не такую, какую изволили вы изобрѣсти. Вы, конечно, большой изобрѣтатель, но въ данномъ случаѣ это — самозванство... Потрудитесь снять!

Ваня сострилъ:

— Затрудняюсь... Я въ общественномъ мѣстѣ, гдѣ безъ брюкъ и пиджака какъ-то непринято...

Исправникъ послалъ за надзирателемъ и приказалъ ему составить протоколъ о незаконномъ ношеніи неприсвоенной формы...

— Я окончилъ Нижегородское рѣчное училище и потому имѣю право носить форму.

— Я отлично знаю эту форму. Она весьма скромна, а вы вообразили себя адмираломъ, нацѣпили себѣ какія-то погоны со звѣздами, золото на рукавахъ и даже бѣлые штаны...

— Прошу записать, что я пребываю въ обыкновенныхъ лѣтнихъ бѣлыхъ брюкахъ!

Составили протоколъ и дали подписать его Ванѣ. Ваня прочиталъ и сдѣлалъ огромнѣйшую оговорку, прочитавъ которую исправникъ замѣтилъ ротмистру:

— За эту оговорку можно посадить на скамью обвиняемыхъ уже по другому дѣлу: тутъ оскорбительное вышучиваніе властей и законовъ...

Весь городъ хохоталъ, когда узналъ, какъ Ванѣ Ананькину предложили въ клубѣ снять штаны, на что онъ не согласился. Это происшествіе такъ раскрасили въ передачѣ другъ другу, что и Ваня временно сдѣлался героемъ!

— Скорѣе вонъ изъ этой дыры! — говорилъ Павелъ Николаевичъ, укладывая дорожные чемоданы. Онъ уговорилъ Леночку принять предложеніе Вани: поѣхать

на пароходѣ до Нижняго и оттуда — прямо въ Архангельскъ, чрезъ Москву...

Ваня наканунѣ погрузилъ всѣ вещи Кудышевыхъ на свой пароходъ и никто не зналъ, что они уже не вернутся въ Алатырь...

День отъѣзда ихъ былъ послѣднимъ значительнымъ событіемъ въ городкѣ. Казалось, что снялся съ мѣста и поѣхалъ весь культурный Алатырь. На пристани творилось небывалое. Огромнѣйшая толпа народа шумѣла около пристаней, привлеченная разукрашеннымъ пароходомъ, оркестромъ музыки на его балконѣ и вереницами нарядныхъ барынь подъ разноцвѣтными зонтиками, съ букетами цвѣтовъ, вѣнками и китайскими фонариками для задуманной иллюминаціи...

Когда Павелъ Николаевичъ съ женой и съ мальчикомъ Женькой подъѣхали въ щегольскомъ экипажѣ (далъ Тыркинъ) къ пароходу, грянула музыка, взвился флагъ на мачтѣ, съ парохода понеслось „ура“...

Ну, а что дѣлалось потомъ на пароходѣ, — сказать не могу, ибо не присутствовалъ, какъ и бабушка, которая оставшись одна въ опустѣвшемъ домѣ, повалилась въ постель и горько заплакала.

Ну, вотъ и проводили „героя“!... Кончилась мышиная бѣготня въ Алатырѣ, и городокъ снова сталъ походить на лѣниваго жителя, который только что продралъ глаза, позѣвываетъ, почесывается и вспоминаетъ: что такое вчера случилось и отчего это на душѣ несовсѣмъ спокойно?

Точно всѣмъ стало вдругъ нечего дѣлать. Скучно. Такъ бываетъ въ домѣ, когда веселые гости разойдутся и оставятъ послѣ себя только неряшливые столы съ объѣдками и недопитыми стаканами...

XV.

Притихъ, нахмурился, задумался старый бабушкинъ домъ...

Бывало, и въ немъ и около него жизнь кипитъ, мышиная суетня съ утра до ночи. Ползутъ и ѣдутъ люди, кто въ домъ, кто изъ дому. Около параднаго крыльца—извощики, почтовыя пары, своя лошадь поджидаетъ. Стемнѣетъ, всѣ окна въ домѣ привѣтливыми огнями въ темноту подмигиваютъ и прохожихъ приманиваютъ...

Теперь точно и люди въ домъ не ходятъ. Парадное крыльцо — на запорѣ. Всѣ окна нижняго этажа ставнями закрыты и болтами приперты. Въ темнотѣ только три окошка верхняго этажа свѣтятся, одинъ красноватымъ огонькомъ,—только поэтому и можно догадаться, что въ домѣ живые люди есть.

Разъ — красный огонекъ видать, значитъ — лампадка горитъ, а если лампадка теплится, значитъ, старая Кудышиха не уѣхала...

Зимовать бабушка осталась. Захотѣлось около храмовъ Божіихъ да монастырей пожить, помолиться сокрушенно въ одиночествѣ о всѣхъ несчастныхъ дѣтяхъ, да и о своей грѣшной душѣ тоже, хорошаго церковнаго пѣнія и благолѣпнаго служенія послушать.

Домъ огромный, на свои вкусы предками строенъ: закоулочки да переулочки, площадки да лѣсенки. Заплутаться можно. Развѣ натопишь его въ холода? А старыя кости тепло любятъ. Вотъ бабушка нижній этажъ наглухо заперла, а сама наверхъ перебралась: тамъ комнаты меньше, ниже, теплѣе и уютнѣе.

Съ бабушкой трое зимуютъ: глухой и дремотный вѣрный слуга Ѳома Алексѣевичъ, оставленный бабушкой кучеръ Павла Николаевича, старый отставной солдатъ, Ерофеичъ, да Никудышевская старая баба, много лѣтъ служившая въ домѣ и за кухарку и за сторожа, когда домъ пустовалъ, Нинила Ѳадевна. Люди болтаютъ, что у Ерофеича съ Нинилой Ѳадевной дѣло-то не совсѣмъ чисто... Не особенно вѣритъ бабушка этимъ слухамъ, однако на всякій случай Нинилу-то Ѳадевну

въ корридорчикѣ, около своей комнаты, укладываетъ. Страшно мнѣ — говоритъ. А, можетъ быть, и дѣйствительно страшно бабушкѣ: опустѣвшій домъ, звонокъ сталъ, крысы просторъ почуяли, камоды да буфеты грызутъ по ночамъ... А осень злая, вѣтренная, въ печныхъ трубахъ точно волки воютъ...

А, помимо того, всетаки живой человѣкъ женскаго пола эта Нинила Ѳадевна. Есть, съ кѣмъ словомъ обмолвиться. Нинила Ѳадевна даже и въ пасьянсахъ разбираться научилась и потомъ хорошо на картахъ гадаетъ и сны объясняетъ. А бабушка все какіе-то вѣщіе сны стала видѣть. Значитъ, и темъ для разговоровъ у бабушки съ Нинилой всегда достаточно. И тѣмъ еще Нинила хороша, что всѣ новости, какъ сорока на хвостѣ, въ домъ приноситъ. У ней вездѣ знакомства: на базарѣ, лавкахъ, въ полиціи, въ больницѣ. Нинила знаетъ все, что вчера въ городкѣ случилось интереснаго и доклады бабушкѣ дѣлаетъ... Навѣщаютъ изрѣдка бабушку: генералъ Замураевъ, его сынокъ земскій начальникъ Коко, городской голова Тыркинъ, да отецъ Варсонофій. Сама бабушка только помолиться Господу изъ дома выѣзжаетъ.

Тихо-тихо въ домѣ и тихо на душѣ. Удивляется бабушка: при Павлѣ Николаевичѣ казалось, что и въ городѣ, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ какое то опасное волненіе происходитъ и, того гляди, что случится какая-то бѣда. Все стращалъ, что „всѣ мы на бочкѣ съ порохомъ сидимъ“, — очень запомнилось бабушкѣ это выраженіе... Такъ оно и казалось тогда бабушкѣ: точно на бочкѣ съ порохомъ. Бывало, чуть гдѣ сильно стукнутъ или уронятъ что, бабушка въ ужасъ приходитъ. А теперь кажется, что и въ домѣ, и въ городѣ, и на всемъ бѣломъ свѣтѣ, — тихо и все твердо и неизмѣнно и никакой бочки съ порохомъ нѣтъ вовсе...

Въ тихую и однообразную размѣренную жизнь бабушки врывались изрѣдка вѣстниками радости письма Наташи. Событіе на цѣлую недѣлю!

— Нинила Фадевна! Письмецо отъ нашей ласточки получила!...

Не съ кѣмъ подѣлиться радостью, поневолѣ и Нинилу слушать заставляетъ...

„Миленькая, родненькая бабуся! Ужъ такъ я по тебѣ соскучилась, что и сказать не умѣю. Адамчикъ предлагаетъ весной поѣхать въ Италію, а я не желаю. По моему, нѣтъ ничего прекраснѣе на свѣтѣ, какъ наша Никудышевка! Я хочу пріѣхать на Пасху къ тебѣ и мы поѣдемъ въ Никудышевку на все лѣто“...

Отъ Наташи пришла первая вѣсточка и о высланныхъ. Они останавливались проѣздомъ въ Архангельскъ въ Москвѣ и пробыли у дочери три дня. Адамчикъ помогъ Павлу Николаевичу продать портретъ предка одному Московскому милліонеру за десять тысячъ рублей.

— Десять тысячъ рублей!

Бабушка протерла очки, осѣдлала носъ и еще разъ прочитала: да, за десять тысячъ!

— Слышишь, Нинила Фадевна? Портретъ-то, который изъ Никудышевки увезли, продали въ Москвѣ за десять тысячъ!

— Да неужели?

— Небойсь, всѣ подсмѣивались, бывало, надъ предками-то. А кто выручилъ?

Сколько у бабушки портретовъ? Еще семь осталось. Если за каждый по десяти тысячъ дадутъ, вѣдь, это семьдесятъ тысячъ! Цѣлый капиталъ...

Задумалась бабушка, вздохнула и прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ... Какъ-же можно продать?

...„Адамчикъ такъ занятъ дѣлами, что я мало его вижу. Все разъѣзжаетъ и защищаетъ, а я увлекаюсь Художественнымъ театромъ. Бабушка! Не можешь себѣ представить, какъ мнѣ захотѣлось быть актрисой!“

— Ну, вотъ это ужъ напрасно... Сохрани, Господи, и помилуй!

Большая работа бабушкѣ: написать такое письмо, чтобы выбросила изъ головы всѣ эти глупости.

Пришло, наконецъ, письмо и отъ Леночки изъ Архангельска. Устроились хорошо. Жизнь очень дешевая. Живутъ весело. Много здѣсь интересныхъ людей. У нихъ по средамъ собирается сосланная интеллигенція на „буржуазные пироги“. Устраиваются доклады, есть писатели и поэты. Женьку отдали въ гимназію...

Все хорошо. Ничего страшнаго не оказалось. Въ концѣ письма приписка:

— Говорятъ, что и Симбирскаго губернатора переводятъ сюда-же. Малявочка въ восторгѣ.

— Про собакъ-то ничего не пишутъ? — спросила Нинила Фадевна.

— Про какихъ собакъ?

— А что, дескать, тамъ на собакахъ люди ѣздятъ?

— Порядочные люди и тамъ, матушка, на лошадяхъ ѣздятъ...

И такъ тихо и мирно тянулись дни за днями.

Конечно, тутъ рѣчь идетъ только о „бабушкиныхъ дняхъ“, протекавшихъ въ родномъ домѣ. А въ Россіи все шло своимъ роковымъ порядкомъ или вѣрнѣе сказать — роковымъ безпорядкомъ...

Ставка на „мужика“ министра Витте снова бита. Ставка на „дворянина“ выиграна. Всѣ, какъ правые, такъ и лѣвые, ждали, что побѣжденный и униженный предсѣдатель Особаго совѣщанія, съ его разгромленными комитетами, долженъ будетъ уйти, а побѣдитель Плеве рѣшать судьбы Россіи, но этого, къ общему удивленію, не случилось. Оба противника и злѣйшихъ врага остались на своихъ мѣстахъ. Царь держался за одного, но, на всякій случай, не отпускалъ и другого.

Либералы, злобствуя, острили:

— У царя двѣ руки: правая — Плеве, а лѣвая — Витте и правая рука не должна знать того, что дѣлаетъ лѣвая... Одна рука мужика по головкѣ гладитъ, а дру-

гая нагайками поретъ. Одна о европейскомъ равноправіи печется, а другая Кишиневскіе погромы устраиваетъ.

Или:

— Гдѣ Плеве не сможетъ, тамъ Витте поможетъ! А гдѣ Витте не сможетъ, тамъ Плеве поможетъ...

Вотъ что сказалъ по поводу этихъ остротъ Симбирскій купецъ Яковъ Ивановичъ Ананькинъ, политикъ доморощенный, но человѣкъ простого здраваго смысла и житейской мудрости:

— Эхъ, господа честные! Посади котораго изъ васъ на мѣсто царя, поглядѣлъ-бы я, какъ онъ сталъ-бы править... Скажемъ такъ — пожаръ въ домѣ. Что дѣлать: хватать пожарную кишку, али разговаривать о томъ, какъ сдѣлать, чтобы никогда больше пожаровъ въ домѣ не случалось? Безъ пожарной кишки невозможно. Сперва пожарный требуется, а какъ пожаръ потушимъ, можно не торопясь и правила такіе придумать, чтобы пожарной опасности не было. Говорите — двѣ руки. Неправильно! Одинъ въ родѣ какъ пожарная кишка — революцію тушитъ, а другой изобрѣтатель: какъ несгораемую постройку сдѣлать... А стало быть, оба царю нужны: и Витте и Плеве... Каждый на своемъ мѣстѣ хорошъ...

— Такъ значитъ ты, Яковъ Ивановичъ, думаешь, что у насъ революція?

— А что-же это такое: министровъ и губернаторовъ стрѣляютъ, вездѣ забастовки, по всей Рассеи народъ бунтуетъ... А вамъ какой еще леварюціи нужно?!

— Это еще такъ... предисловіе...

— Такъ вотъ и надо вò-время прикончить! Пока еще дымитъ только, а огонь наружу не вырвался... А вы, господа хорошіе, лучше сказали-бы, какъ царю-то съ нами, дураками, быть? Правды ему не сказываютъ, на всѣ стороны тянутъ для корысти своей, а ему никого обижать неохота...

При всей своей неучености Яковъ Ивановичъ былъ правъ: революція уже гуляла на всѣхъ просторахъ не-

объятнаго царства, сверху до низу. Не видѣли этого только „бабушки“ обоего пола, правительство, называющее ее безпорядками и нарушеніемъ государственной тишины и спокойствія, да передовая интеллигенція, представлявшая ее себѣ въ картинахъ „Великой Французской революціи“, съ Маратами, Дантонами, Робеспьерами, Бастиліей, трибуналомъ и пр...

Царь увѣровалъ въ своего „пожарнаго“: всероссійская порка сдѣлала свое дѣло: „мужикъ“ повсемѣстно притихъ и примолкъ и только въ Саратовской и Пензенской губерніи продолжались еще усмиренія. Помогла, впрочемъ, „пожарному“ и приближающаяся зима: мужикъ, какъ медвѣдь, полѣзъ въ свою берлогу сосать собственную лапу. Тотъ-же „пожарный“ помогъ разогнать крамолу, скоплявшуюся вокругъ зловредной затѣи „краснаго министра“, приведшей къ тому, что безпочвенная интеллигенція заговорила о „Всероссійскомъ Земскомъ соборѣ“... Ну, а съ профессіональными революціонерами такой рѣшительный укротитель и подавно справится, имѣя въ своемъ распоряженіи такой прекрасный усовершенствованный аппаратъ, какъ департаментъ полиціи съ „Охраннымъ отдѣленіемъ“...

Въ нѣдрахъ послѣдняго вотъ уже года три, какъ народился мудрецъ и изобрѣтатель, открывшій совершенно новый способъ борьбы и искорененія изъ фабричныхъ рабочихъ массъ всякихъ соціалистическихъ утопій. Имя ему Зубатовъ. Когда-то самъ былъ соціалистомъ и революціонеромъ, а потому ему хорошо извѣстны всѣ методы и пріемы соціалистическаго подполья. Сей мужъ представилъ простой, какъ всѣ великія открытія, способъ обезвредить усилившуюся работу подпольной партіи соціалъ-демократовъ: для этого нужно взять рабочее движеніе подъ опеку департамента полиціи, то-есть притвориться защитниками рабочихъ въ ихъ экономической борьбѣ съ капиталистами. Для этого нужно подражать революціонерамъ: устраивать рабочія

организацiи, кассы взаимопомощи, рабочiя школы, лекцiи и побольше кричать тамъ о защитѣ интересовъ рабочихъ. И, конечно, не жалѣть при этомъ казенныхъ денегъ... Не большая бѣда, если для укрѣпленiя своего влiянiя въ рабочихъ массахъ придется иногда поддержать забастовку, произвести давленiе на фабриканта. Надо наглядно показать рабочимъ, что для нихъ тутъ выгоднѣе, чѣмъ въ нелегальной партiи.

Эта идея плѣнила великаго князя Сергѣя Александровича и Зубатовъ оказался, въ концѣ концовъ, во главѣ „Охраннаго отдѣленiя". На первыхъ порахъ надо было ярче рекламировать себя въ рабочихъ массахъ и потому сразу возроптали всѣ крупные фабриканты и промышленники. Конечно, они обратились къ министру Витте, какъ творцу русской промышленности:

— Помилуйте! Да, вѣдь, что-же это выходитъ? Министерство внутреннихъ дѣлъ своими руками революцiю поддерживаетъ!.

Министръ финансовъ Витте началъ воевать съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Но и тутъ неудача: поперекъ дороги всталъ великiй князь Сергѣй Александровичъ. Плеве долженъ былъ согласиться, что не все тутъ благополучно, но распустить Зубатовскiя организацiи не рѣшился. Онъ только усовершенствовалъ ихъ: полицейскiе чины, фабричная инспекцiя и духовенство должны приниматься въ эти организацiи членами-соревнователями...

Такъ появился на государственной сценѣ знаменитый впослѣдствiи священникъ Гапонъ, какъ „членъ-соревнователь" въ петербургскихъ организацiяхъ полицейскаго соцiализма...

Такъ правительство обезвреживало революцiонную работу нелегальной партiи соцiалъ-демократовъ.

По отношенiю другой нелегальной партiи, соцiалистовъ-революцiонеровъ, возобновившихъ террористическiя покушенiя и убiйства, ничего новаго никто не изо-

брѣлъ, но тутъ просто посчастливилось: Охранному отдѣленію удалось посадить своего шпіона въ самое сердце партіи и сдѣлать его революціоннымъ генераломъ самой боевой организаціи. Имя ему — Евно Азефъ.

Но не будемъ забѣгать впередъ и вернемся въ родныя палестины „Отчаго дома".

XVI.

...Ну, вотъ и до новой весны дожили!..

Эхъ, какъ ласково солнышко вешнее! Всѣмъ свѣтитъ, никакую тварь Божію не обижаетъ: всѣмъ радость съ голубыхъ небесъ посылаетъ... И богатымъ и бѣднымъ, здоровымъ и убогимъ, молодымъ и старымъ...

И что только дѣлаетъ это вешнее солнышко! Сколько разъ помирать бабушка за зиму собиралась, о могилѣ своей подумывала, завѣщаніе свое пересматривала (вѣдь, уже восемьдесятъ три весны пережила бабушка!), а какъ пришелъ Водолей да началъ землю-матушку ко Христовому Воскресенью вешними водами обмывать, какъ поломала Сура ледяные оковы и понесла ихъ въ Волгу-матушку, — опять помирать не хочется.

Нинила Фадевна зимнія рамы уже кое-гдѣ выставила. Ерофеичъ санки убралъ, тарантасъ моетъ и подмазываетъ. Глухой Фома Алексѣевичъ воду со двора на улицу спускаетъ. Цѣпной песъ сладко потягивается. Въ саду птичья трескотня да грачиный гомонъ... Скворчикъ прилетѣлъ и радостно булькаетъ, сидя у скворешницы. Куры кудахтаютъ и пѣтухи кричатъ. И весь городокъ точно живой водой волшебникъ спрыснулъ: всѣ жители ожили, съ утра до вечера на улицахъ, идутъ, бѣгутъ, на шумливыхъ колесахъ по мокрымъ мостовымъ извозщики и телѣги громыхаютъ, пароходы на Сурѣ посвистываютъ, на пристаняхъ народъ копошится...

Грохотъ, шумъ радостный по землѣ идетъ, точно вся земля зашевелилась, радостными голосами закричала

и побѣжала навстрѣчу Свѣтлому Воскресенію Христову...

Страстная недѣля. Великопостные колокола о великихъ страстяхъ Господнихъ напоминаютъ. Сокрушаться-бы надо... Бабушка каждый день дважды — въ храмѣ молится, постъ строго держитъ, псалмы Давидовы читаетъ, а радость пугливая все не уходитъ, спряталась въ уголкѣ старой души и пугливо выглядываетъ...

Да, вѣдь, куда ее, радость-то, дѣнешь, если въ страстную субботу Наташа пріѣдетъ?

Наташа пріѣдетъ! Наташа, Наташа, Наташа, Наташа!..

Грѣшно-бы въ такіе страшные дни радоваться-то, а, видно, нѣтъ у человѣка власти надъ душой своей...

Кипитъ уборка въ домѣ. Всѣ въ этой работѣ. А тутъ бабушка отъ вешней радости и по случаю пріѣзда Наташи вздумала и снаружи старый домъ въ праздничный видъ привести... Маляры съ домомъ покончили и теперь ограду палисадника и заборы докрашиваютъ...

Ну, и нарядился-же бабушкинъ домъ къ праздничкамъ! Кто ни пройдетъ, кто ни проѣдетъ, — всѣ оглядываются и пріятно улыбаются. Прямо не узнаешь...

Точно старая барыня вторую молодость переживаетъ: одѣлась не по лѣтамъ, попудрилась, подрумянилась и набѣлилась. Стѣны мѣломъ съ охрой покрашены и отъ этого домъ точно въ легкомъ золотистомъ платьѣ толстая барыня выглядитъ. Наличники у оконъ — шеколаднаго цвѣта — точно глаза подведенные. А зеленая крыша съ трубами, флюгерами и съ нависшими надъ ней вѣтвями запушившейся развертывающимися почками березы, точно модная дамская шляпа съ страусовымъ перомъ и разными финтифлюшками...

Великій постъ, а въ домѣ все скоромные вкусные острые запахи: копченой ветчиной, топленымъ масломъ, сдобнымъ тѣстомъ, сметаной пахнетъ.

Хлопотъ—полонъ ротъ у бабушки: и грѣхи отмаливать, и домъ прибирать, и Пасхальный столъ приготовить. А бѣсъ, конечно, этимъ и пользуется.

Господи, Владыко живота моего!

Губы шепчутъ „и не осуждати брата моего!“, а въ мысляхъ: „опять плутъ Ерофеичъ сдачи пятачекъ не додалъ! Я тебя выведу на свѣжую воду!“

Не долюбливаетъ Ерофеича бабушка. И не потому, чтобы Ерофеичъ былъ человѣкъ нехорошій, а просто, какъ увидитъ Ерофеича, такъ и вспомнитъ покойника Никиту,—сразу разсердится, точно Ерофеичъ виноватъ въ томъ, что Никита померъ.

— Прости, Господи, мое согрѣшеніе! Осудила брата моего...

Заботы наши — какъ мыши ночью душу человѣческую грызутъ — подумала бабушка, и тутъ опять неподходящее въ мысли полѣзло: вспомнила, что по ночамъ крысы въ комнатахъ нижнихъ бѣгаютъ, какъ кошки, и грызутъ комоды и буфеты разные. Надо Ерофеича къ арендатору, Абраму Моисеевичу послать: нѣтъ-ли у него какого-нибудь средства отъ крысъ и мышей?

Вернулась отъ вечерни, побранила Ерофеича за недоданный пятачекъ и послала къ Абраму Моисеевичу.

И этимъ воспользовался лукавый. Большая непріятность вышла.

Пришелъ Абрамъ Моисеевичъ. Хмурый, недовольный чѣмъ-то. Поздоровались.

— Ну, какое у васъ до меня дѣло, мамаша?

— А ты что сердитый такой?

Абрамъ Моисеевичъ пожалъ плечемъ, погладилъ бороду:

— У меня, мамаша, большая непріятность... Что вы отъ меня хотите?

— Да вотъ, родной мой, крысы насъ одолѣваютъ. Покою по ночамъ не даютъ. Не знаешь-ли какого-нибудь средства!

— Э! Что можетъ, мамаша, человѣку сдѣлать крыса?

— У тебя на мельницѣ тоже есть крысы. Какъ ты ихъ выводишь?

— Э, мамаша! Я не мѣшаю, мамаша, крысамъ. Надо какъ-нибудь жить и крысамъ... А вотъ скажите, мамаша, какъ жить намъ, евреямъ, для которыхъ уже придумали такое средство, какое хочетъ мамаша...

— Говори толкомъ! Ничего не понимаю...

Абрамъ Моисеевичъ разсказалъ про Кишеневскій погромъ, вынулъ клѣтчатый платокъ и отеръ слезу: у него убили въ Кишеневѣ сестру и ея грудного ребенка. А сейчасъ онъ узналъ, что умеръ въ больницѣ его торговый компаніонъ и теперь онъ не можетъ заплатить ему большія деньги: его лавку разграбили и семейство — нищіе.

— Власти не хотѣли помѣшать: смотрѣли себѣ, какъ евреевъ грабили и убивали.

— А вы пожаловались-бы своему Витте: онъ, вѣдь, стоитъ за васъ, за жидовъ!

— Что, мамаша, значитъ Витте, когда уже есть Плеве? Вы знаете, мамаша, что сказалъ этотъ министръ нашей депутаціи послѣ Кишеневскаго погрома? Онъ сказалъ: пусть ваши дѣти прекратятъ революцію и я прекращу погромы!

— А развѣ это не правда? Всѣ говорятъ, что у насъ жиды дѣлаютъ революцію...

— Мы дѣлаемъ революцію? Развѣ ваши дѣти, мамаша, жиды? А гдѣ ваши дѣти? Почему два были въ Сибири, а почтенный такой Павелъ Николаевичъ долженъ былъ поселиться въ Архангельскѣ? Если, мамаша, ваши дѣти дѣлаютъ революцію, а наши помогаютъ, такъ за это можно васъ, мамаша, убить и ограбить? И ваши и наши дѣти вмѣстѣ дѣлаютъ это дѣло, почему-же не убить не ограбить не одного меня, а насъ вмѣстѣ, мамаша?

Трудно сказать, что оскорбило бабушку. То-ли, что Абрамъ Моисеевичъ попрекнулъ ее дѣтями-революціонерами, то-ли употребленный имъ сравнительный ме-

тодъ, при которомъ и она, бабушка, очутилась въ такомъ же правовомъ положенiи, какъ и этотъ „жидокъ“ — но бабушка даже поблѣднѣла отъ этой дерзости сужденiй Фишмана и, задыхаясь отъ гнѣва, сказала:

— Вотъ что... Поди вонъ! Вонъ отсюда! Чтобы жидовскимъ запахомъ не пахло!

Абрамъ Моисеевичъ пожалъ плечомъ и смущенно вышелъ, а бабушка, съ тяжелымъ дыханiемъ, осталась въ креслѣ и выбрасывала кусочки негодованiя:

— Ахъ, нахалъ! А? Вотъ до чего... обнаглѣли какъ... Генералъ правду сказалъ... Ухъ! Нинилушка... дай стаканъ водицы!

— Что случилось, матушка барыня? Что онъ, жидюга?..

— И меня, видишь-ли, надо убить и ограбить...

Потомъ бабушка, успокоившись маленько, начала вспоминать весь этотъ непрiятный разговоръ и сама не могла найти возмутившее ее преступленiе Абрама Моисеевича. Вѣдь, онъ сказалъ только, что за преступленiе дѣтей нельзя наказывать родителей! Дерзко какъ-то сказалъ это, а подумаешь, такъ оно, конечно, вѣрно... Напрасно погорячилась и выгнала Абрашку!

Исповѣдуясь, бабушка разсказала все отцу Варсонофiю, покаялась и сняла этотъ грѣхъ съ души своей.

Въ Великiй четвергъ прiѣхала Наташа. Цѣловались и плакали обѣ отъ радости. Пристально смотрѣли въ лица другъ другу, точно не могли наглядѣться...

— Вотъ ты какая стала!

— А ты, бабушка, ни капельки не постарѣла!

Точно ласточка въ домѣ завелась: летаетъ по всему дому, веселая, говорливая, непосѣдливая. Все ей надо посмотрѣть: какъ было и какъ стало? все разузнать: что̀ съ кѣмъ случилось? Что-то перемѣнилось въ Наташѣ: она новою мѣркою стала мѣрить все окружающее. Рвалась назадъ къ недавнему прошлому и во всемъ

точно разочаровывалась. Все теперь не такимъ ей кажется: погуляла по улицамъ городка и вернулась недовольная:

— По моему лучше жить въ деревнѣ, чѣмъ въ такомъ городѣ. Ходятъ люди, какъ сонныя мухи. Даже смотрѣть скучно на нихъ... Выгорѣлъ онъ, что-ли? Раньше больше былъ...

— Побывала за границами да въ столицахъ, вотъ и не нравится теперь Алатырь. Люди — какъ люди!

— Смѣшные какіе-то. Точно всѣ притворяются большими, а на самомъ дѣлѣ — маленькіе...

— Должно быть, сама выросла больно...

Ужъ какъ дружила Наташа съ Людочкой Тыркиной, а повидалась и разочаровалась въ своей бывшей подругѣ:

— А все-таки, бабушка, она не умная!

— Вѣрно, сама больно умна стала... Гдѣ ужъ намъ, провинціаламъ, съ тобой равняться...

Бабушку и обижала и пугала какая-то перемѣна въ Наташѣ. „Это ужъ московское въ ней" — думала бабушка, но что именно разумѣла подъ „московскимъ" и для самой было неясно. Гордость, что-ли особенная, столичная...

Въ церковь ѣздитъ съ бабушкой охотно и молится Богу хорошо, какъ прежде: вся въ молитву уходитъ, а пріѣдетъ домой — къ роялю и романсъ разучиваетъ.

— Наташа! Постъ великій, а ты пѣсенки поешь!

— Неужели, бабуся, ты думаешь, что Богъ будетъ сердиться, если гдѣ-то въ Алатырѣ въ посту на роялѣ играютъ? Вотъ ты любишь псалмы Давидовы читать, а Давидъ ихъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ арфы. Богъ любитъ музыку...

— Набралась ужъ въ Москвѣ всякихъ глупостей...

То очень ужъ весела и бойка на слово, то точно увянетъ вдругъ и сдѣлается грустной и задумчивой.

— Что ты по мужѣ соскучилась? Скоро-же!

— Я? Нѣтъ. Такъ... Мой Адамчикъ не такой веселый, чтобы безъ него скучать...

— Адамчикъ? Это ты мужа своего такъ окрестила? Точно мальчика называешь...

Конечно, бабушку больше всего безпокоилъ вопросъ: счастлива-ли Наташа въ семейной жизни? Странно, что не говоритъ о немъ.

— Невеселый, говоришь, Адамъ-то Брониславичъ?

— Не очень.

— Это не мѣшаетъ человѣку быть вѣрнымъ и любящимъ мужемъ... Не можетъ-же человѣкъ въ его возрастѣ и положеніи козломъ около тебя прыгать!

Наташа звонко и весело расхохоталась. Вся грусть въ ней сразу прошла...

И снова за роялемъ, напѣваетъ: „Я васъ ждала, но вы, вы не пришли!"

Тутъ ужъ бабушка вскипѣла. Прогнала отъ рояля и крышкой хлопнула:

— Страсти Господни скоро читать будутъ, а у насъ музыка... Нѣтъ, ужъ... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ, Наташа. У васъ въ Москвѣ по своему, а у насъ въ Алатырѣ — по своему...

Наташа не обидѣлась, а повисла на бабушкѣ и давай ее цѣловать... Слезы изъ глазъ прыгаютъ, цѣлуетъ и шепчетъ:

— Я, бабуся, скверная стала... Прости меня, не сердись!..

Чуетъ бабушка, что не все тутъ благополучно, но въ чемъ дѣло — понять не можетъ. Спятъ онѣ вмѣстѣ, въ бабушкиной комнатѣ. Передъ сномъ потихоньку разговариваютъ. Вотъ бабушка и старается выпытать тайну...

— Ты писала мнѣ, что театрами увлекаешься?

Стоило только заговорить про театръ, какъ Наташа загорѣлась, сѣла въ постели: глаза большіе, щеки пылаютъ, голосокъ захлебывается:

— Я всего больше на свѣтѣ люблю театръ, бабуся! Я настоящую жизнь не люблю, а люблю выдуманную. Настоящая жизнь... противная! Ну, да! А въ театрѣ даже на злого и сквернаго человѣка интересно смотрѣть. Ахъ, если-бы ты, бабуся, побывала въ нашемъ Художественномъ театрѣ! Вотъ, напримѣръ, „Три сестры" или... „Вишневый садъ"... я всегда плачу въ театрѣ, бабуся! Смѣюсь и плачу...

— Что-же, съ мужемъ вмѣстѣ ходите по театрамъ-то?

— Ему некогда! И онъ ничего не понимаетъ. Онъ и музыку не любитъ. Онъ всего больше любитъ государственныхъ преступниковъ... Онъ все разъѣзжаетъ...

— Мужъ разъѣзжаетъ, а ты — по театрамъ? Съ кѣмъ-же по театрамъ-то путешествуешь? Провожаетъ, что-ли кто? Неужели одна по ночамъ по улицамъ ходишь?

— Ну, провожатые всегда найдутся... А если безъ провожатаго, такъ на извощикѣ.

— А гости у васъ бываютъ? Много знакомыхъ-то?

— Бываютъ... У меня — свои знакомые, русскіе... Знаешь, бабуся, что? Я не особенно люблю поляковъ. Когда у насъ собираются гости Адамчика, — мнѣ непріятно. Я — какъ чужая...

— Даже и гости разные!

— Мнѣ кажется, что они ненавидятъ и Россію, и насъ, русскихъ... Знаешь, бабуся, что я думаю?

— Ну!

— По моему любить по настоящему можно только поляку — польку, а русскому — русскую...

— Вотъ тебѣ разъ! Да, вѣдь, вотъ вы любите-же другъ друга?!

Наташа отвѣтила съ маленькимъ промедленіемъ:

— Не знаю, бабуся... Я не такъ представляла себѣ любовь... Адамчикъ очень умный, но мнѣ съ нимъ... ну, холодно какъ-то... Онъ всегда хитритъ, всегда прячется какъ-то...

— Прячется?

— Душой прячется. Понимаешь? Ну, и я не могу съ нимъ...

Наташа уткнулась въ подушки и примолкла. Попробовала бабушка снова заговорить, — не отвѣчаетъ. Притворилась, что заснула...

А бабушкѣ не спится. Думаетъ она: ей съ нимъ холодно, нѣтъ-ли ужъ и такого, съ которымъ — тепло? Неладно что-то: не такъ бываетъ въ счастливыхъ бракахъ! Какъ-же это настоящую жизнь не любить? Мужъ-то, вѣдь, настоящій, а не театральный...

Пытливо посматриваетъ бабушка на любимую внучку. Удивляетъ вотъ что: кабы печальна была всегда Наташа, такъ оно понятно: мало мужъ любитъ. Но она то печальна, то очень ужъ весела, совсѣмъ мужа не вспоминаетъ. Принесъ почтальонъ письмо, вырвала и убѣжала читать куда-то...

— Отъ Адама Брониславовича письмо-то получила?

— Нѣтъ. Отъ одного знакомаго...

Вотъ она разгадка! „Одинъ знакомый"... И смутилась маленько. Надо допытаться, кто этотъ „одинъ знакомый". Когда Наташа вышла изъ дому, бабушка поискала письмо, какъ бывало дѣлала раньше, но письма нигдѣ не нашла. Значитъ, съ собой носитъ. Но въ маленькомъ чемоданчикѣ нашла, въ почтовой бумагѣ, портретъ какого-то мужчины. Ну, вотъ, видно, онъ и есть, этотъ одинъ знакомый!.. Съ непріязнью разсматривала бабушка этотъ портретъ, не подозрѣвая, что это — извѣстный всей Россіи писатель, Антонъ Павловичъ Чеховъ, покачивала головой и шептала:

— Ну, добро-бы молодой, красивый, а этотъ тоже въ лѣтахъ и ничего особеннаго...

XVII.

Пришло письмо изъ Архангельска отъ Леночки... Бабушка сердилась, что ничего не пишутъ, словно

и позабыли о томъ, что на свѣтѣ существуетъ бабушка. За полгода она получила всего двѣ открытки, съ видами Архангельска, съ увѣдомленіемъ, что всѣ здоровы и цѣлуютъ. И вотъ, наконецъ, письмо на трехъ листахъ почтовой бумаги, исписанныхъ торопливой рукою Елены Владиміровны!.. да еще со вложеніемъ множества любительскихъ фотографій, запечатлѣвшихъ разные моменты изъ жизни сосланнаго въ сѣверныя тундры семейства...

Въ текстѣ письма дѣлались ссылки на нумерованныя фотографіи, и бабушка съ Наташей читали посланіе Леночки, словно книжку съ иллюстраціями...

И все было неожиданно: и содержаніе письма, и фотографіи. Письмо было не грустное, какъ-бы оно слѣдовало и приличествовало для сосланныхъ въ тундры, а прямо восторженное и жизнерадостное, а на фотографіяхъ — не тундры, а прекрасно обставленная культурная квартира, красивая улица большого города, съ памятникомъ, съ соборомъ, съ извощиками, набережная огромной рѣки съ огромными пароходами, сады, красивые лѣсные уголки. И все это служило фономъ для различныхъ моментовъ изъ жизни „Алатырскаго героя" въ ссылкѣ. Семья героя за обѣдомъ въ кругу друзей, тоже—въ саду, тоже—на лодкѣ подъ парусомъ, на пикникѣ, „нашъ красавчикъ"—герой на собственномъ „выѣздѣ", „наша спальня", „Малявочка" — читаетъ „Русскія Вѣдомости", „Наши четверги" — столъ съ пирующими гостями... И только три фотографіи нарушаютъ эту культурную идиллію: „Мы въ самоѣдскихъ костюмахъ", „Мы — на оленяхъ„ и „Мы — на собакахъ"...

Ни одного вздоха о разбитомъ благополучіи, ни одного воспоминанія объ Алатырѣ и его обитателяхъ. Ни одного слова о Никудышевкѣ и отчемъ домѣ!..

Читая это письмо, можно было подумать, что семейство Павла Николаевича пребываетъ не въ изгнаніи, а на какомъ-нибудь курортѣ...

…„Малявочку не узнаете: посвѣтлѣлъ помолодѣлъ, похорошѣлъ и чувствуетъ себя великолѣпно. Къ нему страшно идетъ костюмъ самоѣда (см. фотографію № 8). Мы давно уже не жили такъ интересно, какъ живемъ теперь. Насъ всѣ очень любятъ. Недавно Малявочка былъ у губернатора и тотъ разрѣшилъ ему совсѣмъ не являться по субботамъ въ полицію, какъ приходится другимъ ссыльнымъ. У насъ бываютъ по четвергамъ "буржуазные пироги", на которые сходятся всѣ интересные ссыльные (см. фотогр. № 5). Мы купили лошадь, которую назвали „Красавчиковъ" и я сама правлю. И рояль я купила по случаю, Беккеровскую. Устраиваемъ музыкальные вечера… И одно только огорчаетъ меня: очень шумятъ и спорятъ, какъ бывало давно-давно, когда Малявочка былъ совсѣмъ молодымъ. Онъ очень горячъ и я боюсь, какъ-бы онъ не увлекся этой проклятой политикой. Совсѣмъ, какъ юноша! Это и пріятно и страшно за него…"

Леночка писала правду: Павелъ Николаевичъ чувствовалъ себя въ ссылкѣ, какъ рыба — въ водѣ…

Очень ужъ благопріятно скомбинировались всѣ обстоятельства новаго бытія. Никакихъ оффиціальныхъ служебныхъ обязанностей, съ ихъ компромиссами, и полный отдыхъ отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ. „Мой бюджетъ — шутилъ мысленно Павелъ Николаевичъ — не хуже, чѣмь у бывшаго министра финансовъ Витте". Въ дѣйствительности его бюджетъ былъ даже въ лучшемъ состояніи: полученые отъ бабушки пять тысячъ и отъ продажи предка — десять тысячъ и запасный капиталъ въ видѣ фамильныхъ бриллiантовъ, полученныхъ въ приданное за женой, давали возможность нѣсколько лѣтъ прожить всей семьѣ въ полномъ достаткѣ, въ сознаніи полной независимости отъ всякихъ случайностей и превратностей судьбы.

Никогда еще Павелъ Никалаевичъ не чувствовалъ себя такъ легко и свободно, какъ это было теперь, въ ссылкѣ.

Никакихъ мелкихъ докучливыхъ дѣлъ, заботъ и хлопотъ. Полная свобода въ мысляхъ и чувствахъ. Гордое сознаніе человѣка, исполнившаго по совѣсти свой гражданскій долгъ и пострадавшаго за правду. Это возвышало душу и омывало совѣсть. Нѣтъ ретрограднаго хвоста въ видѣ семейства Замураевыхъ и своей матушки, а исключительное передовое общество. Правда, въ немъ есть и крайніе элементы — профессіональные революціонеры, но все-же они Павлу Николаевичу родственнѣе, чѣмъ единокровные и сословные „зубры“ и „бегемоты“. Благодаря этому обществу Павелъ Николаевичъ чувствуетъ себя пріобщеннымъ ко всѣмъ общественнымъ движеніямъ въ Россіи и всегда въ курсѣ всѣхъ событій, происшествій и тайнъ политическаго характера.

И при всемъ этомъ — полная безопасность и никакой формальной отвѣтственности!.. Собственно, и дѣлать-то Павлу Николаевичу нечего, но душа всегда въ политическомъ трепетѣ, а голова и языкъ — въ непрестанной работѣ. Павелъ Николаевичъ вознамѣрился содѣйствовать задуманному прогрессивными общественными дѣятелями блоку съ революціонными партіями на почвѣ борьбы съ самодержавіемъ или, какъ онъ осторожно выражался,—создавать общее политическое настроеніе... Для этой задачи у Павла Николаевича были всѣ необходимыя условія: терпимость къ чужому мнѣнію и уваженіе къ любой человѣческой личности, платформа безпартійности, умѣніе нравиться людямъ и ладить даже съ врагами, общительный характеръ, гостепріимство, тактичность и дипломатичность, выработанныя продолжительной общественной службою и еще одно, тоже весьма существенное и, можно сказать, исключительное добавленіе ко всѣмъ добродѣтелямъ гражданина: матеріальная обезпеченность, позволявшая ему широко раскрыть двери своего гостепріимства для всей мѣстной интеллигенціи...

Онъ быстро сумѣлъ, если не объединить, то хотя-

бы механически возсоединить всѣ партіи въ видѣ желанныхъ гостей на своихъ „буржуазныхъ пирогахъ“ по четвергамъ и на музыкально-литературныхъ вечерахъ по воскресеньямъ.

Такъ домъ, гдѣ проживали Кудышевы, сдѣлался въ Архангельскѣ центромъ вращенія всей мѣстной прогрессивной и революціонной интеллигенціи.

Конечно, немалая роль выпадала въ этомъ дѣлѣ и на долю „птички Божіей“, Елены Владиміровны, которая какъ-бы отъ природы была одарена способностью нравиться мужчинамъ всѣхъ политическихъ партій даже и въ возрастѣ „неизмѣнныхъ 38 лѣтъ“. Въ сущности Леночкѣ было наплевать на всѣ политическія разногласія: ей нравилось быть душою общества, очаровывать людей своей женственной граціей, улыбками и кокетствомъ, разбрасываемыми ею на всѣ стороны, безъ различія партій...

Вотъ почему бабушка получала такія жизнерадостныя письма, похожія на письма съ приморскаго курорта, посылаемыя домой восторженной молодой особою женскаго пола.

Павлу Николаевичу нуженъ былъ матеріалъ для своей работы не только въ области „партійной“, но еще и національной, ибо грубая и глупая политика „обрусенія“, превращаемая авантюристами патріотизма въ гоненія на иноплеменниковъ, успѣла уже создать государственную враждебность со стороны многихъ народовъ Россійской имперіи: евреевъ, поляковъ, финовъ, армянъ, грузинъ, малороссовъ, усиленно оскорбляемыхъ теперь восторжествовавшимъ диктаторомъ Плеве...

Павелъ Николаевичъ называлъ эту политику антигосударственной, грозящей большими несчастіями для Россіи въ будущемъ и не видѣлъ другого выхода изъ положенія, какъ направить эту угрозу въ сторону не государства, а его правительства.

Намѣстникъ Кавказа, князь Голицынъ, своимъ воинственнымъ обрусеніемъ какъ-бы вторично покорялъ всѣ Кавказскія племена и привелъ въ революціонное броженіе всѣхъ туземныхъ жителей. Это полицейское обрусеніе находило горячую поддержку со стороны министра Плеве, и потому князь Голицынъ началъ усердствовать еще сильнѣе. Онъ настоялъ на секвестрѣ имущества армянскихъ церквей. Это повело къ революціонному бунту со стороны армянъ. Желая проучить непокорныхъ, власти устроили армянскій погромъ, натравивъ на нихъ мусульманъ. Произошла великая рѣзня двухъ племенъ. Конечно, это не погасило, а лишь раздуло революціонныя чувства, сорганизовало армянскую интеллигенцію въ тайное сообщество и толкнуло въ общее русло русской революціи. На Кавказѣ прогремѣлъ выстрѣлъ въ намѣстника князя Голицына...

Евреи, гонимые всяческими гражданскими утѣсненіями и потому и ранѣе толкаемые этимъ въ революцію, отъ которой они ждали облегченія и равноправія, послѣ ряда спровоцированныхъ полицейскими патріотами погромовъ, затаили острое озлобленіе и ненависть къ русскому царю и его правительству. Гибель родныхъ и близкихъ людей при этихъ погромахъ создавала острую жажду мести въ душахъ еврейской интеллигенціи и, послѣ ужаснаго по своимъ звѣрствамъ Кишеневскаго погрома — еврейская молодежь стадами потянулась въ революцію. Этотъ погромъ возбудилъ общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра. Однако, это не испугало министра Плеве. Явившейся къ нему послѣ Кишеневскаго погрома еврейской депутаціи изъ равиновъ Плеве сказалъ:

— Заставьте вашу интеллигенцію прекратить революцію и я прекращу погромы и начну отмѣнять ваши правовыя ограниченія!

Но, если само правительство было не въ силахъ или не хотѣло прекращать революціи другими мѣрами

,

кромѣ полицейскихъ, то какъ могли это сдѣлать еврейскіе раввины?

Въ результатѣ такіе вожаки въ партіи эсеровъ, какъ Гоцъ, Гершуни, Азефъ и тысячи безыменныхъ, съ пламенемъ мести и ненависти въ душахъ... ненависти не только къ правительству, а и къ самой Россіи...

То-же самое творилось и въ Финляндіи, статсъ-секретаремъ которой оказался тотъ-же всемогущій Плеве. И ее вздумали покорить вторично и обрусить. Для этого рѣшили лишить ее всякихъ государственно-правовыхъ особенностей, нарушивъ историческій договоръ ея государственной автономіи. Ставленникъ Плеве, генералъ-губернаторъ Финляндіи Бобриковъ, создавалъ быстрымъ темпомъ „Финляндскую революцію": здѣсь образовалась „партія активнаго сопротивленія", отъ руки которой и палъ полицейскій патріотъ Бобриковъ...

Малорусская интеллигенція, ранѣе мечтавшая о національной автономіи, теперь, подъ напоромъ полицейской руссификаціи, стала мечтать о полномъ отдѣленіи отъ Россіи, въ чемъ ей усердно помогали внѣшніе враги Россіи...

Поляки и такъ носили въ душахъ историческое оскорбленіе, нанесенное имъ отнятіемъ и раздѣломъ ихъ національно-государственнаго Дома, а Плеве продолжалъ усиленное обрусеніе Западнаго края...

Словомъ на всѣхъ окраинахъ, на всѣхъ границахъ, слѣпые вожди правительства создавали себѣ только враговъ и будущихъ мстителей...

Ну, развѣ неправъ былъ Павелъ Николаевичъ, называвшій эту политику антигосударственной? И если не было никакой возможности измѣнить эту политику и добиться лойяльными путями болѣе мудраго правительства, что оставалось дѣлать искреннимъ патріотамъ своей родины?

Для себя Павелъ Николаевичъ разрѣшилъ: надо создать общій кулакъ для ударовъ по самодержавію.

Для этого и служили „буржуазные пироги“ въ домѣ Кудышевыхъ.

Обстоятельства благопріятствовали: въ Архангельскѣ были ссыльные всякихъ разновидностей и среди нихъ еврей, провизоръ Клячко, полякъ Жебровскій, армянинъ Ашкинази. Не было, къ сожалѣнію Павла Николаевича, только грузина, украинца и фина... Грузина, впрочемъ, можно было достать: такой имѣлся въ сосѣдней Вологдѣ.

На первомъ многолюдномъ пирогѣ Павелъ Николаевичъ разбередилъ всѣ революціонныя души. Онъ произнесъ рѣчь, долженствующую создать болѣе или менѣе согласное политическое умонастроеніе, безъ всякой программы.

Конечно, — сперва пироги съ мясомъ, съ рыбой, съ капустой — на всѣ вкусы! — съ обильнымъ возліяніемъ общему богу, Бахусу.

Какъ хорошій дипломатъ, Павелъ Николаевичъ, началъ свою рѣчь въ шутливомъ тонѣ. Онъ отлично зналъ натуру „партійнаго интеллигента“ — сразу вставать на дыбы, по медвѣжьи, если выступитъ со словомъ человѣкъ не его партіи. Такъ вотъ, чтобы души разношерстной публики не встали сразу на дыбы, онъ и началъ шутливо и весело:

— Дорогіе гости!

Всѣ мы и, кажется не безъ удовольствія, кушали буржуазные пироги. Чтобы тамъ не говорили враги буржуазіи, а все-таки и она имѣетъ свои заслуги передъ человѣчествомъ, къ которому мы имѣемъ честь относить самихъ себя! Ни у кого изъ присутствующихъ, какъ мужчинъ, такъ и милыхъ женщинъ, во имя антибуржуазныхъ взглядовъ, не оказалось рѣшимости отклонить предложенные пироги, не отвѣдавши!.. Всѣ не только съ удовольствіемъ смотрѣли на эти пироги, но и не безъ удовольствія ихъ скушали... А вы, уважаемый Іосифъ Давидовичъ Клячко, такой ярый ненавистникъ буржуа-

зіи, даже и сейчасъ еще не можете остановиться и продолжаете, не слушая оратора, кушать!..

Ну, вотъ и сдѣлано дѣло: общій веселый хохотъ, восторгъ отъ остроумія Павла Николаевича, аплодисменты и смѣшная растерянность Іосифа Давидовича, удвоившая общую веселость.

— Господа! Я продолжаю... И такъ о пирогахъ. Старый міръ уйдетъ, а буржуазные пироги останутся. И, стало быть, эта ниточка между старымъ и новымъ міромъ останется... Надѣюсь, что милыя женщины, хотябы и съ соціалистическимъ образомъ мыслей, сохранять эту ниточку между прошлымъ, настоящимъ и будущимъ!

И снова общій хохотъ и восторгъ и клятвы со стороны весело настроившихся ссыльныхъ женщинъ.

— Продолжайте! Продолжайте!

— Такъ вотъ, господа, хотя этой тоненькой ниточкой мы всѣ сейчасъ связаны.

И тутъ, когда получилось кресцендо веселаго настроенія, Павелъ Николаевичъ и огорошилъ своихъ гостей:

— Господа! И не на одной этой ниточкѣ мы всѣ одинаково болтаемся. Есть и еще одна тоненькая ниточка... Уже гнилая ниточка! Однако, она всѣхъ насъ тоже связываетъ. Разница въ этихъ ниточкахъ въ томъ, что никто изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, не пожалѣетъ, если вторая ниточка оборвется и никто не пожелаетъ изъ женщинъ дать клятву протянуть эту ниточку въ будущее...

Загадочно и любопытно: что-же это за ниточка такая? Павелъ Николаевичъ сдѣлалъ паузу, всѣ насторожились:

— Эта ниточка, господа, называется, русскимъ самодержавіемъ!

Громкій взрывъ аплодисментовъ, на минуту оборвавшій оратора.

Ну, а теперь можно шутливый тонъ смѣнить на серьезный:

— Господа!

За столомъ радостная суматоха. Вскакиваютъ, протягиваютъ къ оратору бокалы съ виномъ, всѣ желаютъ съ нимъ чекнуться. Нѣкоторыя изъ хорошенькихъ женщинъ высказываютъ желаніе поцѣловать оратора. Леночка, восхищенная успѣхомъ Малявочки, кричитъ:

— Можете! Можете! Разрѣшаю!

Павелъ Николаевичъ получаетъ поцѣлуи, количество которыхъ растетъ. Мужчины жмутъ ему руку и кричатъ:

— Господа, садитесь! Слушайте!

Но тутъ Леночка заявляетъ право на поцѣлуй, съ кѣмъ она хочетъ, и подходитъ къ красивому армянину Ашкинази, который всегда пожираетъ ее своими огненными глазами. А Павелъ Николаевичъ заявляетъ:

— Разрѣшаю! Полное равноправіе!

Но вотъ сумбуръ кончился, всѣ по своимъ мѣстамъ. Ораторъ продолжаетъ:

— Господа!

Когда-то давнымъ давно искренніе патріоты, славянофилы, идеалисты и мечтатели, всѣми силами стремились отгородиться отъ „гнилой Европы". Вотъ что писалъ К. Аксаковъ: „Русское государство основано не завоеваніемъ, а добровольнымъ признаніемъ власти. Въ основаніи западнаго государства — насиліе, рабство и вражда, въ основаніи русскаго — добровольность, свобода и миръ. Западъ принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же хранитъ у себя призванную власть, хранитъ ее добровольно, свободно и потому въ бунтовщикѣ видитъ только раба"...

Всѣ ужасы существовавшаго тогда крѣпостного права и кровавые бунты Стеньки Разина и Емельки Пу-

гачева не поставили никакихъ преградъ интеллигентской идеологической мечтательности.

Эта мечтательность утвердила тріединую неизмѣнную формулу нашего государственнаго бытія: „Самодержавіе, православіе и народность“.

Но, вѣдь, вотъ бѣда-то въ чемъ: мечтательный идеализмъ способенъ строить только карточные домики, а не государства, а затѣмъ и главное — колесо-то исторіи вертится только впередъ и никакими силами его не остановишь и тѣмъ болѣе не заставишь вращаться въ противоположную сторону.

Людямъ дано только либо замедлять въ извѣстныхъ предѣлахъ это движеніе, либо, тоже въ извѣстныхъ предѣлахъ, ускорять его. Великая мудрость, прозорливость и чуткость требуются отъ машиниста, обслуживающаго сложную и мудреную машину этого движенія, ибо какъ замедленіе, такъ и ускореніе сверхъ извѣстныхъ границъ грозитъ страшными политическими и экономическими потрясеніями всего государства, а иногда и гибелью его...

Не явись въ критическую историческую минуту такой геніальный машинистъ, какъ Петръ Великій, Россію безъ остатка сожрали-бы сосѣди. Петръ Великій ускорилъ движеніе русскаго историческаго колеса и превратилъ Россію-Евразію въ современное Европейское государство по типу государствъ „гнилой Европы“. Онъ вздыбилъ коня надъ краемъ страшной бездны...

Не явись въ другую критическую минуту императоръ Александръ II, уничтожившій крѣпостное право, государство могло подвергнуться страшному потрясенію и, быть можетъ, погибло бы въ его хаосѣ...

Освободительныя реформы этого государя были ничѣмъ инымъ, какъ приближеніемъ къ культурно-правовымъ государствамъ „гнилого запада“...

Допускала-ли логика историческаго момента возвращеніе къ патріархальной Евразіи?

Между тѣмъ машинисты двухъ послѣднихъ царствованій, разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ, не только сверхъ всякой мѣры тормозили движеніе историческаго колеса, а въ тайнѣ какъ будто-бы лелеяли мечту — закрутить колесо въ обратную сторону...

При этомъ мечтательность этихъ машинистовъ была далеко не идеалистической и не идеологической, какъ у корифеевъ славянофильства, а зиждилась на грубомъ матеріализмѣ и сословной жадности, съ примѣсью зоологическаго націонализма.

Они вытащили старое знамя идеалистовъ, славянофиловъ, на которомъ было начертано когда-то „самодержавіе, православіе и народность“ и стали имъ прикрывать, какъ фиговымъ листомъ, свою гражданскую срамоту...

И, конечно, своей гражданской срамотой и алчностью они помогали разрушать и самодержавіе, и православіе, и народность...

И можемъ-ли мы сожалѣть объ этомъ, когда „самодержавіе“ превратилось въ олигархію придворной дворянской камарильи, возглавляемую ея лакеемъ Плеве? Когда „православіе“, вдохновляемое Побѣдоносцевымъ, превращено въ чиновничій департаментъ, обслуживающій министерство внутреннихъ дѣлъ? Когда „народность“ превращена въ зоологическій націонализмъ, травящій иноплеменныхъ согражданъ?... Нѣтъ!

Мы — люди разныхъ взглядовъ и убѣжденій, но я глубоко увѣренъ, что каждый изъ насъ ненавидитъ одинаково прогнившій русскій самодержавный строй. Эта ниточка непрочная. Спасибо услужливымъ дуракамъ самодержавія, что они такъ старательно помогаютъ намъ оторвать эту вторую ниточку!

Снова дружный взрывъ криковъ, женскихъ визговъ, снова протянутыя руки съ бокалами, рукопожатія и поцѣлуи...

Настоящая революціонная истерика!

Да оно и понятно: цѣлый годъ люди жили въ политической лихорадкѣ. Сперва — шумный политическій скандалъ около „Особаго совѣщанія“, неожиданно перешедшаго въ шумную антиправительственную демонстрацію; не успѣли успокоиться, какъ — воскресшій политическій терроръ: убійство министра Сипягина, покушеніе на Харьковскаго губернатора Оболенскаго, прославившагося жестокой поркою крестьянъ подъ собственнымъ наблюденіемъ и награжденнаго потомъ диктаторомъ Плеве назначеніемъ на мѣсто Финляндскаго генералъ-губернатора; не успѣли успокоиться, какъ новое только на дняхъ совершенное убійство Уфимскаго губернатора Богдановича, отличившагося разстрѣломъ безоружныхъ рабочихъ въ Златоустѣ...

Конечно, всѣ сердца революціонеровъ пылали благодарностью къ оратору, а сердца иноплеменниковъ вспыхивали еще и свирѣпой ненавистью къ самодержавію. Немудрено, что отвѣтная рѣчь армянина, съ жгучими воловьими глазами, склоннаго вообще разрѣшать всѣ Гордіевы узлы политики съ помощью кинжала, произвела на Леночку потрясающее впечатлѣніе: она пожималась отъ ужаса и непонятнаго тяготѣнія къ армянской мужской свирѣпости, въ чемъ потомъ и призналась своему Малявочкѣ...

Таковъ былъ характеръ „буржуазныхъ пироговъ“ Павла Николаевича.

Случались и свои, Архангельскія событія: пріѣзжала, напримѣръ, „бабушка революціи“, Брешко-Брешковская, въ Вологду и Архангельскъ собирать и пополнять рать своихъ революціонныхъ „внуковъ“ и „внучекъ“ и сманила изъ Вологды ссыльнаго Савинкова. Надо было архангельцамъ устраивать побѣгъ этому новообращенному „бабушкой революціи“ въ эсерство юношѣ, укрывать его и устраивать на пароходъ.

Павелъ Николаевичъ имѣлъ тайное свиданіе съ этой „бабушкой Катериной“, похожей своей хитроватой

простотою на сектанскую начетчицу, и имѣлъ бесѣду о предполагаемой въ Парижѣ конференціи всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій Россійскаго государства, куда должны были примкнуть: земскій „Союзъ освобожденія“, партія эсеровъ, Финляндская партія активнаго сопротивленія, Польская національная лига, Польская соціалистическая партія, Грузинская партія эсеровъ, Армянская революціонная организація Дашнякцутюнъ и Латышская соціалъ-демократическая партія...

И Павелъ Николаевичъ и „бабушка революціи“ были взаимно очарованы другъ другомъ!..

Отъ „бабушки революціи“ Павелъ Николаевичъ получилъ тайную вѣсточку о своемъ братѣ, Дмитріѣ Николаевичѣ: онъ — въ Россіи, на нелегальномъ положеніи.

— Я говорю тебѣ объ этомъ, какъ брату Дмитрія. Для всѣхъ прочихъ это — секретъ!

„Бабушка“ со всѣми говорила на „ты“ и это никого не оскорбляло. Такъ говорятъ цари и мужики русскіе, а она съ одной стороны — революціонная царица, а съ другой — старая народница, искренно считающая всѣхъ людей братьями и сестрами. Стало быть, какія же церемоніи? И это бабушкино „ты“ сразу создавало атмосферу простоты, прямоты, искренности и близости. Можетъ быть, именно этимъ „бабушка“ и побѣждала такъ быстро сердца молодежи. Она брала душу не умствованіемъ отъ программы или книги, а логикой сердца. Не одну сотню прекрасныхъ молодыхъ душъ она толкнула въ революцію, а нѣкоторыхъ изъ нихъ и подъ висѣлицу. Балмашевъ, напримѣръ, убившій Сипягина, былъ ея любимымъ ученикомъ, Покотиловъ, разорванный приготовляемой имъ бомбою, Каляевъ, будущій убійца великаго князя Сергѣя Александровича. Да, видимо такъ, что и Дмитрій-то Николаевичъ Кудышевъ подвергся ея воздѣйствію, такъ-же какъ это случилось теперь съ ссыльнымъ юношею Борисомъ Савинковымъ...

Впрочемъ, не мало помогалъ бабушкѣ въ этихъ дѣлахъ и огненный мститель, еврей Гершуни, заправлявшій всѣми послѣдними террористическими актами партіи и только недавно арестованный въ Кіевѣ, послѣ убійства Уфимскаго губернатора. Бабушка искала подходящаго замѣстителя и обрѣла его въ лицѣ Савинкова... Но ему перебилъ дорогу инженеръ Азефъ, который возглавилъ „Боевую организацію“ партіи...

XVIII.

Немало послужила „бабушка революціи“ и мужицкимъ бунтамъ въ Поволожьи, особенно въ Саратовской губерніи, гдѣ и до сей поры еще власти работали, не покладая рукъ, надъ усмиреніями взбаламученнаго населенія.

Въ Поволжьи работали по большей части многочисленные „бабушкины внуки“, учащаяся молодежъ, земскіе фельдшера, учителя, бывшіе и настоящіе студенты, земскія акушерки. Агитаціонныя прокламаціи и брошюры о землѣ и волѣ разбрасывали по ярмаркамъ и базарамъ, совали въ телѣги крестьянскихъ обозовъ, въ котомки мужиковъ на постоялыхъ дворахъ, въ окошки опустѣвшихъ въ лѣтнюю страду крестьянскихъ избъ. Прямо сѣяли. Шла организація „Крестьянскаго союза“ и особыхъ революціонныхъ крестьянскихъ „Братствъ“. Сѣмя падало въ плодородную почву, прекрасно воздѣланную властями съ помощью разстрѣловъ, порокъ и тюремъ. Крестьяне, если и не выступали съ открытыми массовыми бунтами послѣ усмиреній, то отказывались платить подати, бросали работу въ помѣщичьихъ экономіяхъ, поджигали амбары съ хлѣбомъ, рубили барскій лѣсъ... Мы уже знаемъ, что и въ Симбирской губерніи было далеко неспокойно. Открытыхъ бунтовъ пока не было, но всякія непріятности для помѣщиковъ не прекращались.

Пока исключительно неблагополучнымъ мѣстомъ въ губерніи была Замураевка. Читатели помнятъ, что здѣсь была попытка освободить изъ-подъ ареста схваченныхъ становымъ выборныхъ отъ общества для подачи сочиненнаго Моисеемъ Абрамовичемъ прошенія въ Алатырскій комитетъ „Особаго совѣщанія". Прошло немного времени, какъ новая непріятность: озлившаяся баба проколола вилами брюхо свирѣпому черкесу, охранявшему личность и имущество генерала Замураева. Опять — становой, допросъ, аресты и глухой ропотъ и угрозы. А генералъ храбрый: кто грозилъ? И снова — арестъ и слѣдствіе...

Генералу усердно помогалъ сынокъ, земскій начальникъ, который теперь съ такой-же страстью охотился на агитаторовъ, разбрасывателей прокламацій и распространителей зловредныхъ слуховъ по деревнямъ, съ какой онъ охотился зимой на лисицъ и зайцевъ.

Въ Никудышевкѣ было тихо, даже какъ-то особенно тихо, но тишина эта была похожа на человѣка, который притаился, спрятался и ждетъ чего-то...

Исторія съ прошеніемъ замураевцевъ въ „царскій комитетъ", окончившаяся арестомъ выборныхъ и послѣдовавшее вскорѣ за тѣмъ устраненіе съ должности и высылка Павла Николаевича на край свѣта, получили неожиданное и фантастическое толкованіе среди никудышевцевъ:

— Оба они, и енералъ и нашъ баринъ, Павелъ Миколаичъ, были въ царскомъ комитетѣ поставлены дѣла разбирать. Вотъ какъ замуравскіе мужики подали жалобу-то на енерала, они оба и завертѣлись! Что имъ теперь дѣлать? Какъ правду-то спрятать и царя опять обмануть? Вотъ и говоритъ енералъ свому зятюшкѣ, барину нашему то есть, — „ты крестьянскую жалобу укради, а я допытаю, кто написалъ да расправлюсь, чтобы впередъ молчали!" Ну, а жалоба была въ книгу записана. Пріѣхалъ отъ царя уполномоченный началь-

никъ, видитъ въ книгѣ, что жалоба подана. а жалобы то нѣтъ! Сталъ разбирать и вышло, что нашъ баринъ ту жалобу забралъ и изничтожилъ. Вотъ его, голубчика, и увезли въ заточеніе...

— Они другъ за дружку держатся!

— И всѣ власти за нихъ! И становые, и земскіе, и всякіе разные господа почтенные.

Такъ потихоньку, собравшись въ сумеркахъ на бревнышкахъ или завалинкахъ около избъ, бесѣдовали никудышевцы между собою, затихая всякій разъ, когда въ тишинѣ слышались чьи-нибудь шаги.

— А! Это ты, Митричъ! А я подумалъ,—съ барскаго двора кто...

— О чемъ бесѣду ведете?

— Садись-ка! Все о томъ-же, какъ насъ господа баре на кривой объѣзжаютъ...

И разговоръ возобновлялся.

— Кабы царь всю правду-то узналъ, такъ онъ всѣхъ бы ихъ къ чертовой матери подъ хвостъ!

Митричъ сомнѣвается:

— А какъ-же такъ земскій документъ читалъ, что царь приказалъ про землю не баить, что никакой земли намъ не будетъ и что, дескать, повинуйтесь господамъ земскимъ начальникамъ?

— А ты думаешь, что они правильные документы читаютъ? Эхъ, ты!

— Ну, а какъ-же, когда написано?

— Написано одно, а они читаютъ другое, по своему!

— А и то можетъ быть: взяли, да сами написали замѣсто царя-то. Есть время царю бумаги писать? Приказалъ написать одно, а они написали по своему...

— А вотъ, мужички, какую гумажку мнѣ на базарѣ въ телѣгу сунули. Который изъ васъ грамотный, чтобы разобрать. Мы съ Гришей читали-читали, а непонятно.

— За эти гумажки, сказываютъ, можно въ острогъ

угодить... потому въ нихъ правда настоящая пишется...

Темно читать. Уходятъ въ избу, зажигаютъ маленькую коптящую лампочку надъ столомъ, и грамотѣй начинаетъ читать.

А въ бумажкѣ вотъ что написано:

— Братья крестьяне! Вы все ждете, когда царь-батюшка дастъ вамъ землю и волю, а нашъ царь — первый помѣщикъ въ государствѣ и поэтому всегда будетъ стоять за баръ и помѣщиковъ. Слыхали, какъ царь черезъ своихъ губернаторовъ, земскихъ начальниковъ и становыхъ съ мужиками-то расправился въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ? Вмѣсто земли-то нагайки да порка! Ничего вы не дождетесь отъ царя. Пора за свой умъ браться. Никто вамъ земли и воли не дастъ, если сами ихъ себѣ не отвоюете! Земля полита вашимъ потомъ и кровью. Вы надъ землей изъ вѣка въ вѣкъ трудились, свои косточки на войнѣ за русскую землю складывали, а владѣютъ ей дворяне-помѣщики и дворянскій царь Николай II. Теперь во многихъ губерніяхъ крестьяне уже порѣшили сами за свою правду встать: идти всѣмъ міромъ къ помѣщикамъ, съ подводами, и отбирать у нихъ землю, скотъ, хлѣбъ, чтобы раздѣлитъ все между собою по справедливости. Не чужое, возмете, а только возвратите себѣ свое, потомъ и кровью добытое и присвоенное помѣщиками!

Поднимайтесь всѣ, какъ одинъ человѣкъ, за правду Божію! На міру и смерть красна.

Крестьянское Братство.

Печать партіи
соціалистовъ-революціонеровъ.

Прочитали. Помолчали въ сосредоточенной задумчивости, „уставя брады своя въ землю“. Бабенка, стоявшая у косяка двери, со скрещенными и запиханными подъ пазуху руками, вздохнула и сказала:

— Кто теперь эту гумагу написалъ?

— Печать поставлена, значитъ — тоже документальная...

— Хм!

— Не рукой писана, а по печатному!

И снова тяжелая задумчивость и вздохи. Такъ-бы оно все правильно написано, а вотъ касательно царя — въ душахъ большое смятеніе:

— Да неужели царь все знаетъ и свое согласье даетъ?.. А что и солдатъ посылаютъ, и порятъ мужиковъ — это вѣрно. Этимъ слухомъ вся земля полнится...

Начинаются разсказы о томъ, кто что слышалъ про крестьянскіе бунты. Народная фантазія творитъ уже легенды:

— Въ Пензенской, стало быть, губерніи — одинъ мужичекъ разсказывалъ — всю барскую землю подѣлили и помѣщиковъ не обидѣли: на каждую душу по семи десятинъ нарѣзали... и господамъ тоже по семи десятинъ на душу. Трудись во славу Божію, какъ весь крестьянскій міръ! Кто пашетъ, тотъ и жнетъ, а не то чтобы самъ не трудись, а только аренду взыскивай!

— Разя весь крестьянскій народъ перепорешь? Въ три года не перепорешь, а опять и то сказать, — всѣхъ мужиковъ пороть, такъ кто-же пахать-то будетъ?

— Можетъ, царскій манифестъ насчетъ земли вышелъ; въ Пензѣ объявили, а у насъ спрятали, не объявляютъ господа народу-то? Жалобу-то вотъ спрятали-же...

— И то можетъ быть!

— Не проворонить-бы намъ, мужички! Надо ужъ дѣлать, какъ весь народъ...

— А какъ узнашь? Можетъ, эта гумага и объявлятъ, что подниматься надо... По печатному она и печать казенная положена... По всей формѣ. Попу, что-ли, ее показать?

— Ни Боже мой! Отъ попа къ уряднику попадетъ, отъ урядника — къ становому... Окромя того, что вы-

порятъ да въ острогъ посадятъ, ничего не выйдетъ... Али не слыхалъ, что тутъ про царя написано? Помѣщикъ, дескать, царь-то!

— Такъ, вѣдь, царю вся Рассея принадлежитъ! Оно и выходитъ, что помѣщикъ...

— Знамо, всей Рассеи владѣлецъ!

Сорокъ лѣтъ расшатывали въ народномъ міровоззрѣніи мистическій ореолъ царской власти — сперва революціонеры, а потомъ само правительство вмѣстѣ съ революціонерами, а вотъ все еще этотъ ореолъ не потухъ. Потускнѣлъ, но не погасъ. Еще въ 1902 году крестьянскіе бунты въ Полтавской губерніи творились съ помощью царскаго манифеста, какъ это было въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія! Сперва въ Полтавскомъ населеніи пошелъ слухъ, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ отъ самого царя и объявилъ народу манифестъ, написанный золотыми буквами. Потомъ начались волненія и бунты. Однако этотъ мистическій ореолъ уже замѣтно падалъ съ каждымъ годомъ, чему помогали не только революціонеры и мужики, побывавшіе на фабрикахъ и тамъ распропагандированные, но и само правительство своей усмирительной политикой именемъ государя-императора, явно направленной только къ благополучію земельнаго дворянства.

Вотъ и теперь, при чтеніи агитаціонной прокламаціи, мужики искали относительно царя иного смысла, чѣмъ имѣли въ виду агитаторы. Однако сомнѣнія зарождались въ темныхъ головахъ. Все остальное, написанное въ этой бумагѣ за казенной печатью, воспринималось легко и ложилось на душу мужика озлобленіемъ на помѣщиковъ и мѣстныхъ властей. Отъ нихъ начинали ныть старыя историческія раны, донесенныя въ воспоминаніяхъ цѣлаго ряда поколѣній. Мужики начинали припоминать всѣ обиды, когда-то полученныя ими отъ господъ.

И теперь никудышевцы высчитывали и записывали

въ кредитъ своимъ господамъ всѣ далекія и близкія грѣхи ихъ: когда волю давали, обманули дарственными надѣлами, а потомъ замазали ротъ подаркомъ въ сто десятинъ; когда голодъ былъ и всѣхъ приказано было кормить, они деньги получали на всѣхъ, а кормили только маленькихъ ребятишекъ, которые много не съѣдятъ; когда холера была и народъ морили, изъ-за нихъ сколько народу въ Сибирь да по тюрьмамъ угнали; а вотъ теперь жалобу замураевскихъ мужиковъ на енерала спрятали, а енералъ ихъ тоже обманулъ, какъ воля вышла: раньше, при неволѣ, по четыре съ половиной десятины на душу земли было, а послѣ воли по три осталось, — сколько десятинъ украдено? Посчитайте-ка!

— А правды не добьешься! Выпорятъ да въ острогъ!

— Выжигаютъ ихъ теперь въ другихъ мѣстахъ, какъ вшей изъ рубахи!

— Они ни въ огнѣ не горятъ, ни въ водѣ не тонутъ. У нихъ въ большую сумму все застраховано. Спалятъ, опять выстроятся да еще получше прежняго!

Высчитали все. Помолчали. Грамотѣй свернулъ прокламацію и подумалъ вслухъ:

— Разя къ Григорію Миколаичу сходить, показать эту гумагу и посовѣтоваться?

Не одобрили. И тутъ сомнѣніе:

— Человѣкъ онъ хорошій, правильный... Это вѣрно! По Божьи живетъ. А только какъ сказать? Свой своему поневолѣ братъ — говорится пословица. Когда мы просили его жалобу на старую барыню подать, — все-таки отказался. Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!

— Да, вѣдь, какъ сказать? Чти отца и мать твою! — сказано... А тутъ надо-бы руку на родную мать поднять... Самъ онъ земли барской взялъ себѣ только восемь десятинъ и работаетъ. Значитъ, никому необидно, правильно... Такъ-бы оно и пришлось по восьми десятинъ на душу, если-бы всю барскую землю подѣлить обществу нашему...

— Поболѣ еще, пожалуй вышло-бы!

Начинали высчитывать. Дѣло трудное. Путались и спорили, дѣля воображаеиую землю на души. Сколько душъ? Кому не стоитъ давать? Какъ быть съ лугами за рѣкой: правильно-ли на эти луга замураевскіе мужики свою претензію имѣютъ?

Столько жгучихъ вопросовъ поднимается, что и сейчасъ готовы уже подраться.

— А вы, дураки, не орите! Неравенъ часъ кто мимо изъ начальства пройдетъ! И земли еще не получили, а словно пьяные орете! Вотъ поѣдетъ мимо урядникъ, онъ покажетъ вамъ землю!

— Ты, Митричъ, эту гумагу изорви и брось! Оно спокойнѣе...

Такъ разсуждали степенные мужики солиднаго возраста, изъ той породы, которую революціонеры называли „несознательной".

Но теперь почти въ каждомъ селѣ имѣлось по нѣскольку экземпляровъ „сознательныхъ": это — ребята, побывавшіе на стеклянныхъ и суконныхъ фабрикахъ, на зимнихъ заработкахъ въ городѣ, успѣвшіе тамъ набраться отъ пропагандистовъ азбучныхъ истинъ революціонной премудрости и всякихъ хлесткихъ демагогическихъ лозунговъ. Такіе распѣвали уже „Вставай, подымайся, рабочій народъ!" и сочиняли частушки на злобы деревенской жизни:

Отъ царя пришолъ приказъ
Безъ разбору драть всѣхъ насъ.

Деревенски мужики
Вы сымайте-ка портки,

Получайте свою долю
И за землю и за волю!..

Степенные мужики называли такихъ „хулиганами",

„озорниками". Нарождался новый типъ полумужика-полурабочаго, оторвавшагося отъ земли, но еще не проглоченнаго городомъ и фабрикой. Этотъ типъ входилъ въ мужицкую жизнь клиномъ, который вбивался жестокимъ закономъ экономическаго разложенія мужицкаго хозяйства. Вмѣстѣ съ нимъ уходила изъ крестьянскаго міровоззрѣнія легенда о томъ, что до царя правда не доходитъ, а какъ только дойдетъ, то все въ крестьянской жизни перемѣнится, правда восторжествуетъ и зло будетъ наказано царемъ-помазанникомъ Божіимъ...

КНИГА ПЯТАЯ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Бабушка съ Наташей собирались уже выѣхать изъ Алатыря въ Никудышевку, когда, совершенно неожиданно, пріѣхалъ старшій внукъ, Наташинъ братъ, Петръ Павловичъ Кудышевъ.

Больше двухъ лѣтъ онъ уже не появлялся въ родныхъ палестинахъ. Онъ вообще какъ-то отщепился отъ родной семьи. Писать лѣнился, на письма не отвѣчалъ и никакого притяженія къ отчему дому не обнаруживалъ...

И вдругъ, когда о немъ отвыкли и думать, прикатилъ.

Не узнали его.

Подъѣхалъ къ крыльцу извощикъ: въ пролеткѣ — высокій и статный господинъ въ военной формѣ. Удивленно разсматриваетъ домъ, точно не узнаетъ или ищетъ. Старикъ Ѳома Алексѣевичъ увидалъ это въ окно и пошелъ доложить бабушкѣ:

— Ваше сіятельство! Къ намъ прибыли въ родѣ, какъ офицеръ.

— Ну, поди встрѣть! Спроси, что ему угодно. Наташа! Къ намъ кто-то пріѣхалъ.

Звонокъ. Тихій разговоръ съ Ѳомой Алексѣичемъ въ передней. Наташа выглянула туда чрезъ щелочку пріоткрытой двери: не узнала! Какой-то молодой, кра-

сивый, въ военной фдрмѣ... Посмотрѣлась въ зеркало, поправила прическу и вышла:

— Вамъ кого угодно? — смущенно спросила Наташа, краснѣя подъ нахальнымъ взглядомъ молодого офицера.

— Наталію Павловну Пенхержевскую!

— Петя?!

— Ну, да! Я!

Наташа даже не поцѣловалась съ братомъ, а радостно смѣясь, закричала въ дверь:

— Бабуся! Петръ... Петя пріѣхалъ!... Почему ты въ военной формѣ? Тебя положительно не узнаешь!

Наташа не безъ смущенія поцѣловалась съ братомъ. Точно и не братъ съ сестрой, а просто хорошіе знакомые. Какъ откормленная утка, выплыла бабушка и вытаращала глаза:

— Что такое?!

Бабушка, какъ мы знаемъ, не долюбливала этого внука, называвшаго ее когда-то и „бегемотомъ“ и „крокодиломъ“. Но тутъ все было позабыто и прощено. Бабушка даже заплакала отъ волненія.

Конечно, отъѣздъ былъ временно отмѣненъ по случаю этого исключительнаго событія.

— Вы меня не узнали, а я нашъ домъ не узналъ. Что вы какую чучелу гороховую сдѣлали?

— Почему — чучелу? — обиженно спросила бабушка.

— Да ужъ очень дико раскрасили...

— Ты лучше объясни, почему ты въ военной формѣ? — спрашивали бабушка и Наташа, разглядывая военнаго красавца.

— Къ тебѣ очень идетъ военная форма... Но почему?

— Я бросилъ университетъ. Сейчасъ отбываю воинскую повинность, а затѣмъ буду служить царю и отечеству: въ военную академію хочу...

Одѣтъ франтовато. Все на немъ въ обтяжку, блеститъ, скрипитъ, бренчитъ. Голова острижена бобрикомъ. Усики стрѣлками. Позваниваютъ шпоры на лаковыхъ сапогахъ:

— Я въ конной артиллеріи...

И бабушка и Наташа не наглядятся на родовитаго красавца, съ такимъ румянцемъ загара на щекахъ, что лицо кажется сдѣланнымъ изъ старой слоновой кости.

— Знаешь, Петя, на кого ты похожъ?.. На Вронскаго изъ „Анны Карениной"!

Петръ Павловичъ пріятно ухмыльнулся и подтвердилъ:

— Представь: тоже самое мнѣ говорили уже три дѣвицы... А кстати: Людочка Тыркина замужемъ, конечно?

— Нѣтъ. Почему ты этимъ интересуешься?

Петръ Павловичъ не отвѣтилъ. Только всталъ и, ходя, началъ напѣвать:

Любви всѣ возрасты покорны...

Оборвалъ и вспомнилъ объ отцѣ съ матерью:

— Ну, а что слышно о милыхъ родителяхъ? Папа все революціонно воркуетъ?

Дали ему письмо Леночки. Показали фотографіи, присланныя изъ Архангельска.

Прочиталъ письмо и произнесъ:

— Десять тысячъ тяпнули! Это недурственно!..

Бабушка съ Наташей не догадались, что это восклицаніе Петра Павловича относилось къ тому мѣсту письма, гдѣ сообщалось о продажѣ портрета одного изъ предковъ, а можетъ быть, не придали этому никакого значенія, между тѣмъ въ тонѣ восклицанія весьма явственно слышалась и зависть и рожденіе внезапнаго озаренія:

— Это не-дур-ственно...

Въ тотъ-же вечеръ потащилъ Наташу къ Тырки-

нымъ. Тамъ появленіе военнаго красавца произвело потрясающее впечатлѣніе. Когда-то Людочка была влюблена въ Петра Павловича, да и онъ какъ будто-бы таялъ отъ ея прелестей. Эти прелести теперь были въ полномъ расцвѣтѣ. Не то Кустодіевская купчиха, не то Малявинская баба!... Оба съ восхищеннымъ изумленіемъ поглядывали другъ на друга, Людочка вспыхивала зарницами и пышная грудь ея напоминала землетрясеніе...

Да и немудрено: конный артиллеристъ прямо прострѣливалъ бѣдную Людочку своими упорными взглядами въ одну, а вѣрнѣе сказать — въ двѣ точки, отчего Людочка испытывала такое чувство, словно качалась на качеляхъ, и даже покрывалась сыростью отъ трепетной взволнованности. На лицо имѣлись всѣ признаки „роковой встрѣчи“...

Что касается купца Тыркина и его законной супруги, Степаниды Герасимовны, такъ сразу было видно, что съ ихъ стороны никакихъ препятствій не имѣется, а совсѣмъ напротивъ.

— Вотъ вы, Наталья Павловна, свое счастье въ жизни нашли, а наша Людочка все еще ищетъ...

— Ну, ужъ это оставьте пожалуйста! Ничего я не ищу. И счастье не ищутъ. Оно само приходитъ...

И тутъ томный взоръ на гостя... А тотъ вполнѣ согласенъ и киваетъ головою.

— Именно само приходитъ! Бываютъ удивительные случаи въ жизни...

— Принеси-ка, мать, винца французскаго!... Мы по случаю встрѣчи съ Петромъ Павлычемъ выпьемъ! Да тамъ, никакъ, и финь-шампань есть... Тоже прихвати! Такъ, такъ... Такъ хочешь царю и отечеству послужить? Одобряю. Ты изъ себя очень видный, представительный, — тебѣ-бы въ гусары или въ какую кавалергардію опредѣлиться...

— Тамъ денегъ надо много...

— Ну, что деньги? Деньги дѣло наживное... Женишься, въ приданное получишь...

Людочка сердится на прямодушнаго отца: невоспитанный человѣкъ, такъ грубо бросаетъ свои намеки, что стыдно дѣлается.

— У васъ все деньги! Сперва надо полюбить, встрѣтить такую душу, а есть у ней деньги или нѣтъ, — въ настоящей любви не имѣетъ никакого значенія...

А гость напѣваетъ:

Любовь это — сонъ упоительный...

Людочка была побѣждена вторично и молніеносно. Она была въ восторгѣ отъ предложенія Наташи поѣхать всѣмъ вмѣстѣ въ Никудышевку и вспомнить былое милое время, когда и т. д.

Есть русская пословица: яблочко отъ яблони недалеко падаетъ. Вотъ ужъ нельзя было сказать этого относительно Петра Павловича. Ужъ какъ, бывало, отецъ старался воспитать сынка въ гражданскомъ духѣ, по своему образу и подобію! Но не только не добился желаннаго, а совсѣмъ напротивъ: сотворилъ собственнаго отрицателя. Петръ Павловичъ въ гражданскомъ отношеніи былъ полной противоположностью родителю. Всякія „передовыя идеи“ своего отца Петръ дѣлалъ мишенью своего остроумія, своего дядю Дмитрія Николаевича называлъ „Донъ-Кихотомъ Никудышевскимъ“, а Григорія Николаевича — „во Христѣ юродствующимъ“. Очень неглупый, начитанный, остроумный, отъ природы талантливый человѣкъ, онъ дерзко разбивалъ всѣ кумиры передовой интеллигенціи, но самъ никакого кумира не имѣлъ. Никакихъ обязанностей! Ни передъ кѣмъ: ни передъ Богомъ, ни передъ отечествомъ, ни даже передъ своей совѣстью. „Жизнь для жизни намъ дана“ и никакихъ разсужденій. Ни къ чему вся эта глупая философія. Въ концѣ концовъ человѣкъ — рабъ желудка и полового инстинкта. Никакой свободной воли не существуетъ. Ты — просто усовершенствованная обезьяна, среди обезь-

янъ-же, именуемыхъ въ зоологіи „homo sapiens"... Конечно, тутъ еще нѣтъ никакого равенства, ибо и обезьянье царство отличается большимъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ и достиженій въ разныхъ качествахъ и способностяхъ. Богъ — красивая выдумка. Дураки пусть вѣрятъ, это выгоднѣе умнымъ. Совѣсть — дѣло условное: это просто извѣстный кодексъ приличій, обязательныхъ для твоего общества, и всѣ, признавая этотъ кодексъ лицемѣрно, стараются обойти его сторонкой въ собственныхъ интересахъ. Дураки пускай поступаютъ по совѣсти, — это выгоднѣе умнымъ.

Изъ Петра Павловича вышелъ человѣкъ съ опустошенной душою, моральный и соціальный нигилистъ, эгоистъ высшей пробы, стремящійся къ одному: урвать изъ лапъ жизни какъ можно больше всякихъ личныхъ благъ и наслажденій. У Петра Павловича было много всякихъ талантовъ: не зная нотъ, отлично игралъ по слуху на рояли, пѣлъ цѣлыя аріи изъ оперъ по памяти, пописывалъ недурныя стишки и даже изрѣдка печаталъ ихъ въ различныхъ иллюстрированныхъ журнальчикахъ, очень недурно игралъ въ любительскихъ спектакляхъ, выступая въ роляхъ первыхъ любовниковъ и благородныхъ героевъ, божественно танцевалъ. Но у него не было ничего особенно любимаго, что онъ предпочиталъ-бы всему другому... Не увлекался ничѣмъ, кромѣ женщинъ. Женщина, въ концѣ концовъ, и была основной причиною во всѣхъ побужденіяхъ этого нигилиста...

Былъ онъ похожъ на актера, который способенъ на самыя разнообразныя роли. Никогда онъ не былъ прямымъ и искреннимъ, всегда надѣвалъ на лицо маску, наиболѣе подходящую для даннаго момента, и игралъ болѣе или менѣе успѣшно задуманную роль, вводя въ заблужденіе окружающихъ. Онъ ухитрялся всѣмъ нравиться, а о женщинахъ и говорить нечего...

Побывалъ онъ съ соборѣ за обѣдней, сдѣлалъ визиты отцу Варсонофію, исправнику, жандармскому рот-

мистру, воинскому начальнику, нѣкоторымъ старымъ знакомымъ и всѣхъ очаровалъ, каждаго по своему. Отецъ Варсонофій нашелъ въ немъ человѣка вѣрующаго, исправникъ — истиннаго дворянина, жандармскій ротмистръ — врага революціи, а всѣ женщины — обворожительнаго красавца!

Въ срединѣ мая поѣхали въ Никудышевку. Бабушка съ Наташей — на своихъ лошадяхъ подъ управленіемъ Ерофеича, а Петръ Павловичъ съ Людочкой — на почтовыхъ. Тыркинъ предлагалъ свою тройку, но Петръ Павловичъ отказался отъ этой любезности подъ какимъ-то предлогомъ... Ему не хотѣлось имѣть на козлахъ, въ качествѣ наблюдателя, Тыркинскаго нахала-кучера, большого любителя поболтать о своихъ наблюденіяхъ надъ сѣдоками.

Петръ Павловичъ не любилъ зря тратить время и намѣревался воспользоваться этою поѣздкою въ своихъ любовныхъ планахъ.

Надо сказать, что въ послѣднее время Петръ Павловичъ увлекался „евгеникой". Онъ пришелъ къ убѣжденію, что родъ дворянъ Кудышевыхъ съ быстротою вырождается. Былая породистость родового типа исчезаетъ. Своихъ дядей, Дмитрія и Григорія, онъ считалъ яркими примѣрами вырожденія. Необходимо обновленіе кровей. Григорій, очевидно, инстинктомъ самой природы приведенъ въ объятія Ларисы, но поздно: онъ оказался безплодной смоковницей. Димитрій — полная жертва вырожденія: достаточно посмотрѣть на рожденную имъ отъ якутки обезьяну! Необходимо обновить родъ примѣсью здоровой и сильной крови своего племени, чтобы рождались не мягкотѣлые неврастеники и политическіе психопаты, а нормальные люди, съ крѣпкими зубами и мускулами, съ животнымъ аппетитомъ къ жизни, съ хорошимъ кулакомъ для самозащиты въ борьбѣ за утвержденіе своего рода и вида. Посматривая на себя въ зеркало, Петръ Павловичъ убѣждался, что онъ — един-

ственный изъ рода Кудышевыхъ, сохранившій былую породистость типа, и потому именно ему надо произвести разумный евгеническій опытъ.

Теперь, при первой-же встрѣчѣ съ цвѣтущей здоровьемъ, радостью и избыткомъ скопленной энергіей Людочкой, въ головѣ Петра Павловича сверкнула озареніемъ мысль: это именно то, что требуется! Какъ земля въ полномъ весеннемъ расцвѣтѣ! Прикоснувшись къ ней, можно сдѣлаться Антеемъ, поднявшимъ къ новой жизни вырождающійся родъ потомственныхъ дворянъ Кудышевыхъ!

Лучшаго и придумать невозможно: и красива красотой русской женщины, и здорова, и сильна тѣломъ и духомъ, и жизнерадостна, какъ сама природа, какъ молодой незнающій смерти звѣрь, съ такимъ могучимъ зарядомъ полового электричества, что при каждомъ соприкосновеніи искра рождается...

И, конечно, — невѣста съ солиднымъ приложеніемъ!

Конечно, не въ деньгахъ только счастье, но деньги — необходимое орудіе при разработкѣ нѣдръ счастія...

И вотъ „мчится тройка удалая вдоль по дорожкѣ столбовой“. Ерофеичъ съ бабушкой и Наташей — впереди, а Петръ съ Людочкой — позади. Такъ оно удобнѣе для влюбленныхъ. То ширь полей, то сумракъ лѣса, то сводъ небесъ, то крыша сосенъ... То лугъ зеленый, какъ коверъ, цвѣтами расшитый, и рѣчка съ мостикомъ, то роща изъ березъ, съ бѣлыми бархатными стволами. Пахнетъ земляничнымъ листомъ, медвянкой, липой, хвоей, грибами... Цѣлая гамма ароматовъ! Птичій хоръ...

Такъ много радости и счастья разлито въ природѣ, разбросано по пути въ Никудышевку!

А тутъ еще толчки отъ дорожныхъ рытвинъ и переползающихъ лѣсныя дороги древесныхъ корней. Такъ и подталкиваютъ въ объятія другъ друга...

— Иэхъ, голубчики!

Охъ какъ сладко во младости любовное томленіе!

Этотъ непрестанный электрическій токъ, пронизывающій и душу и тѣло при каждомъ нечаянномъ соприкосновеніи другъ къ другу!

И вотъ нечаянные соприкосновенія переходятъ въ преднамѣренныя. Начинаются взаимныя обманы: поди разбери, почему Людочка толкнулась на Петра, а Петръ на Людочку!

А глаза прикрыты. Посоловѣлыя глаза. Вотъ рука — на рукѣ. Встрѣча посоловѣлыми взорами, глуповатыя улыбочки на устахъ... Головка Людочки на плечѣ у сосѣда: головка закружилась...

— Бѣдная... милая...

И не замѣчаетъ, какъ онъ сперва осторожно, потомъ покрѣпче, касается губами щечки, шейки... Поцѣлуй тоже точно случайный, отъ толчковъ.

— Да? Люда, да?

— Не спрашивай! видишь, вѣдь...

Тутъ такой толчекъ, словно разрядился конденсаторъ значительнаго вмѣщенія. Можно лопнуть отъ томленія...

— Останови лошадей! Ноги отсидѣли... Мы пройдемся, а ты потихоньку подымайся на гору... Догонимъ...

— Можно, баринъ! Тутъ лѣсочкомъ-то прохладно...

Ползетъ въ гору тройка. Лѣниво позваниваютъ колокольчики... Вотъ и не видать ея за деревьями...

Обнялись и застыли... Переплелись, какъ двѣ березы изъ одного корня.

И нашъ Антей, прикоснувшись къ землѣ, сдѣлался такимъ страшнымъ, что Людочка вырвалась и поскорѣй — на дорогу!

— Люда! Люда!..

— Я тебя боюсь...

Уходитъ Люда. Антей постоялъ и потянулся слѣдомъ за ней.

— Размяли ножки-то? — встрѣчаетъ ямщикъ съ улыбочкой...

Усаживаются, смущенно улыбаются другъ другу...

— Пошелъ! Прокати какъ слѣдуетъ, — на чай получишь!..

— Иэхъ, голубчики! соколики мои!

Зазвенѣли колокольчики и помчалась отставшая тройка догонять пару Ерофеича, съ бабушкой и Наташей, пребывающихъ въ лирической грусти...

Такія родныя, съ дѣтства знакомыя, мѣста! Точно верстовые столбы на дорогѣ жизни — пробуждаемыя ими воспоминанія...

Вотъ сосновый боръ, въ которомъ дѣдушка объяснился въ любви бабушкѣ: они пріѣхали сюда изъ Алатыря на пикникъ, и молодая парочка отправилась поискать бѣлыхъ грибовъ. Влюбленный дѣдушка, тогда еще поручикъ гвардіи, нашелъ грибъ — двойняшку и при помощи его приступилъ къ объясненію въ любви прекрасной Аннэтъ:

— Подобенъ грибъ сей прекрасному сліянію двухъ сердецъ, связанныхъ законнымъ бракомъ!

Прекрасная Аннэтъ сразу поняла, покраснѣла и потупилась, а кавалеръ продолжалъ:

— Не знаменіе-ли сія находка для насъ съ вами, прекрасная Аннэтъ?

Въ этомъ сосновомъ бору есть, на перекресткѣ дорогъ, родникъ и часовенка съ иконкой Богоматери. А у часовенки — лавочка для проходящихъ усталыхъ путниковъ. Памятная для бабушки скамеечка!

— Остановись-ка, Ерофеичъ! Ноги маленько промять... — приказала бабушка и пошла къ часовенкѣ помолиться за упокой души покойнаго дѣдушки. Вернулась и поѣхали дальше...

А вотъ знаменитый оврагъ, съ крутымъ спускомъ. Тутъ всегда бабушка и Наташа слѣзали и шли боковой тропинкой: такъ безопаснѣе. И теперь слѣзли и поползли пѣшкомъ...

А вотъ луга, рѣчка и мостикъ. Здѣсь всегда ям-

щики поятъ лошадей. Тутъ былъ ужасный случай съ бабушкой. Стыдно и сейчасъ вспомнить! Ѣхали они съ супругомъ въ Никудышевку, а день былъ жаркій-прежаркій. Іюльскій. Какъ увидали воду, обоимъ захотѣлось освѣжиться, выкупаться. Поговорили потихоньку и вылѣзли, а ямщику приказали ѣхать впередъ и не оглядываться. Раздѣлись и бултыхъ въ воду!.. Молодые и рѣзвые были. Заигрались въ водѣ-то и не замѣтили, какъ вдругъ пара съ колокольчиками подъ горку къ мосту катится...

— Срамъ-то, Коля, какой! Вѣдь, лошади-то князя Барятинскаго!

Что дѣлать? Присѣли въ водѣ, повернулись спинами. А князь Барятискій, должно быть, тоже по лошадямъ и ямщику, котораго встрѣтилъ, узналъ, кто въ водѣ притаился:

— Мое нижайшее почтеніе!

И вотъ бабушка вспомнила все это и засмѣялась...

— Ты что, бабуся?

— Такъ... вспомнилось кое-что...

Такъ они ѣдутъ, а воспоминанія бѣгутъ слѣдомъ то трогательныя, то смѣшныя, то грустныя, то радостныя... Оглянулись: тройки съ Петромъ и Людочкой не видно... Но вотъ и Никудышевка!

Точно заброшенный монастырь въ лѣсу — старый барскій домъ выглядываетъ изъ огромнаго рослаго парка. Ворота заперты. Черезъ ограду виденъ огромный безлюдный дворъ, поросшій травкой. Флигеля похожи на монастырскія кельи.

Тихо-тихо. Долго звонили, дергая за проволоку. Выбѣжала взлохмаченная дворовая дѣвка, всплеснула руками и убѣжала. Потомъ появилась вмѣстѣ съ тетей Машей... И тетя Маша похожа на монашку, настоятельницу монастыря...

— Мы васъ къ Пасхѣ ждали... и ждать-то ужъ перестали...

— Что вы и днемъ на запорѣ?

— Боимся. Мы съ Агашей однѣ въ домѣ. Иванъ-то Степанычъ по дѣламъ уѣхалъ... Кучеръ съ нимъ уѣхалъ, вотъ мы и остались вдвоемъ. Никакого сладу съ дворней нѣтъ! Хорошій человѣкъ не идетъ служить, а хулигановъ разогнали...

Поцѣлуи, объятія. Самоваръ. Безконечныя новости...

Старушки о хозяйственныхъ непріятностяхъ говорятъ, о скверныхъ временахъ.

Скучно Наташѣ слушать эти жалобы и нытье по давно прошедшимъ временамъ.

Пошла въ паркъ...

Такой тихій-тихій и ласковый вечеръ. Въ полномъ цвѣту садъ бѣлорозовый. Буйно разросся молодятникъ, сирень, бузина. Трава выше пояса. Лопухи въ ней — какъ зонтики. Одуряющій ароматъ цвѣтущихъ яблонь, грушъ и вишень. Пискъ и гомонъ птицъ и насѣкомыхъ... И все-таки—похоже на старое заброшенное кладбище.

Кукушка плачетъ на старой березѣ... Верещатъ лягушки... Каркаетъ ворона...

Все, все по старому, а въ душѣ Наташи все по новому... Тамъ цѣлая буря...

Такъ всегда бываетъ, когда одна любовь уходитъ, а другая приходитъ...

Ночью пріѣхали Петръ съ Людочкой...

II.

„Авантюристы патріотизма", взявшіе въ монопольную эксплоатацію девизъ „Самодержавіе, православіе и народность", помогали дворянской камарильи обманывать царя, утверждая его въ мысли, что народъ по прежнему обожаетъ своего монарха и что всю „революцію у насъ дѣлаютъ жиды" и смущаемая или купленная ими интеллигенція. Эту идею горячо поддерживалъ великій князь Сергѣй Александровичъ и, конечно, новый

министръ Плеве, сочинитель всякихъ антиеврейскихъ проектовъ и административныхъ мѣръ, вплоть до искусственныхъ погромовъ...

Въ результатѣ ни одна изъ національностей не давала Россіи столько пламеныхъ революціонеровъ, какъ еврейская.

Трудно отрицать, что еврейская интеллигенція всѣми силами и способами помогала ускоренію русской революціи, но нельзя отвергать и того, что само правительство толкало ее въ революцію...

Значитъ, — помогали другъ другу!

Погромы, обращенные въ орудіе внутренней политики, являли собой дьявольское издѣвательство надъ законами человѣческими и Божескими. Кто сѣетъ вѣтеръ, — пожнетъ бурю. На еврейскихъ слезахъ и крови долженъ былъ вырости „Дьяволъ Мести“...

И такой выросъ въ лицѣ моральнаго и физическаго чудовища, какимъ явился инженеръ Азефъ въ русской революціи. Маленькій мѣщанинъ въ своей личной и семейной жизни, онъ силами мести и ненависти, вспоенной и вскормленной самимъ правительствомъ, сдѣлался Іудою вдвойнѣ: поцѣлуемъ направо онъ предавалъ царя русскаго и слугъ его, а поцѣлуемъ налѣво предавалъ своихъ сотоварищей по революціи. Убійству первыхъ онъ помогалъ предательствомъ вторыхъ, не жалѣя вообще русской крови. Онъ лишь взвѣшивалъ, кого и въ какую минуту удобнѣе предать, чтобы продолжать свое дьявольское дѣло мести... Въ душѣ онъ издѣвался надъ обѣими сторонами,..

Потомъ стали ломать голову надъ психологической загадкою этого революціонера-предателя, а разгадка такъ проста: это былъ не идейный революціонеръ и не идейный предатель, а просто еврей-мститель, торговавшій русской кровью, какъ квасомъ... Конечно, чувство мести сильнѣе удовлетворялось при убійствѣ враговъ наиболѣе сильныхъ и значительныхъ, но дьявольская преду-

смотрительность заставляла его постоянно приносить жертвы, употребляя матеріаломъ менѣе полезныхъ для своего дѣла. Тутъ простой расчетъ лавочника... въ мясной лавкѣ.

Азефъ влѣзъ въ самое сердце революціонной партіи и, когда погибъ пламенный Гершуни, сдѣлался террористическимъ министромъ въ боевой организаціи и началъ играть съ дьявольской хитростью двуликаго Іуду...

Дмитрій Кудышевъ, въ оцѣнкѣ Азефа, не представлялъ особенно значительной величины: неврастениченъ и потому не такъ легко поддается революціонному гипнозу и безпрекословной дисциплинѣ. Слишкомъ много разсуждаетъ, взвѣшиваетъ, противорѣчитъ. Такіе не только малополезны, но часто просто опасны своей особенной чуткостью. Цѣнны слѣпые фанатики, готовые идти на смерть безъ всякихъ колебаній и разсужденій.

И поэтому, вѣроятно, Азефъ уклонился поставить Дмитрія Кудышева на крупный террористическій актъ, а въ видѣ испытанія послалъ на второстепенное дѣло организаціи террористическихъ летучихъ бригадъ въ деревню, въ Приволжскія губерніи...

И нѣтъ ничего невѣроятнаго, если самъ-же Азефъ и предалъ его въ скоромъ времени...

Райономъ работы Дмитрія Николаевича были Саратовская, Самарская и Симбирская губерніи.

Саратовъ былъ давно уже центромъ революціонной работы въ Поволжьи. Тамъ уже дѣйствовали и „Крестьянскій союзъ“ и „Братства“, организуя подходящій крестьянскій элементъ въ тайные кружки. Эти кружки расползались по всему Поволжью и во множествѣ разбрасывали прокламаціи и воззванія, приглашавшія крестьянъ къ выступленію противъ помѣщиковъ. Почва была уже вспахана и засѣяна, оставалось только подталкивать лѣнивыхъ и робкихъ. Такъ какъ усмиренія съ помощью казаковъ и порки, рождая злобу, все-же лишали мужи-

ковъ смѣлости, то иниціативу этихъ выступленій должны были взять на себя „летучіе боевые отряды"...

Такіе отряды уже дѣйствовали и въ Саратовской, и въ Пензенской губерніи, но они были недолговѣчны, ибо при усмиреніи и покаяніи мужики и бабы часто предавали своихъ „благодѣтелей" въ руки властей, спасая этимъ свою шкуру...

Въ Симбирской губерніи такихъ летучихъ бригадъ еще не было и туда былъ направленъ Дмитрій Николаевичъ Кудышевъ, съ двумя опытными пропагандистами изъ крестьянъ.

Городъ Алатырь, какъ крупный центръ перевалочной торговли, съ пароходными пристанями на Нижній-Новгородъ и съ желѣзнодорожнымъ узломъ, соединявшимъ Поволжье съ Москвою, Казанью и Симбирскомъ, притягивалъ къ себѣ народъ со всей губерніи. Онъ и былъ избранъ осѣдлымъ пунктомъ летучей организаціи.

Такъ Дмитрій Николаевичъ Кудышевъ очутился въ родныхъ палестинахъ.

За пятнадцать лѣтъ и городокъ и самъ Дмитрій Николаевичъ такъ измѣнились, что, конечно, не могли узнать другъ друга. Кто и зналъ когда-то Дмитрія въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, перестали думать о его существованіи. По паспорту мѣщанинъ Казанской губерніи, изъ города Лаишева, по образованію — окончившій уѣздное училище, холостой, 37 лѣтъ отъ роду, Иванъ Коробейниковъ, Дмитрій Николаевичъ поступилъ конторщикомъ въ пароходство купца Тыркина и усердно исполнялъ свое дѣло, отличаясь покорностью и смиреніемъ...

Могло-ли кому-нибудь прійти въ голову, что это не мѣщанинъ Коробейниковъ, а потомственный дворянинъ Дмитрій Николаевичъ Кудышевъ?

А помощники его, природные мужички, путешествовали на развѣдкахъ по уѣзду: одинъ въ образѣ странника по святымъ мѣстамъ, другой коробейника, съ сит-

цами, бусами, гребешками, наперсточками и иголками, нитками, лентами, вообще всякими бабьими приманками. Ходили по базарамъ, ярмаркамъ, постоялымъ дворамъ, осторожненько нащупывали почву, знакомились, выбирали подходящихъ для дѣла мужичковъ...

Одинъ разсказами о святыхъ мѣстахъ и чудесахъ Божьихъ угодниковъ, другой бабьими приманками — трогали простые сердца людей земли и дѣлались желанными гостями въ избахъ. Незамѣтно переводили бесѣды на нужду, землю и волю, и простые люди довѣрчиво раскрывали передъ ними свои души и секреты. Завязывалась дружба, скрѣпляемая водочкой и наливочкой. Кто образокъ кипарисовый съ Аѳона получитъ отъ странника, кто — ленту алую отъ коробейника въ подарочекъ...

Время отъ времени странникъ и коробейникъ и въ Алатырѣ появляются, да иногда и паренька какого-то съ собой приводятъ.

Медленно и туго подвигается дѣло. Урывочками. Да и конторская служба, съ напускнымъ смиреніемъ и кротостью — тяжела, изнурительна. Темпераментъ у Дмитрія горячій, дѣйственный, требующій непрестаннаго движенія, а тутъ точно игра въ прятки, которую и въ дѣтствѣ такъ не любилъ Дмитрій. Невыносимо скучно!.. Нападала временами хандра, апатія, развинченность, раздумье. И какъ-то обидно казалось порою: да неужели онъ, Дмитрій Кудышевъ, рожденъ для того, чтобы воевать со становыми, земскими начальниками и прочей мелочью? Начиналась неврастенія...

О томъ-ли мечталъ въ юности?

Вспоминалась юность, съ ея грандіозными планами и проектами осчастливить человѣчество. Позади такъ ярко, красочно. А кончилось тѣмъ, что поставляешь для губернаторовъ матеріалъ для порки и усмиреній!

Особенно томила тоска въ немногіе часы отдыха отъ конторской работы... Онъ уже не разъ бродилъ

около стараго бабушкинаго дома, сгорая желаніемъ увидать мать или кого-нибудь изъ родныхъ, но никакой жизни ни въ домѣ, ни на дворѣ, куда онъ заглядывалъ, не замѣчалось. Такъ хотѣлось зайти въ этотъ домъ, побывать въ знакомыхъ комнатахъ, въ саду. Но покрашенный домъ — смотрѣлъ на него недружелюбно. Какъ на чужого и враждебнаго. Дмитрій вздыхалъ и вспоминалъ героя изъ „Живого трупа“ Льва Толстого...

И ему было ужасно жалко самого себя...

Потомъ, изъ разговоровъ въ конторѣ, онъ узналъ, что братъ Павелъ — въ ссылкѣ, а старая Кудышиха уѣхала въ деревню. Такъ хотѣлось разспросить подробнѣе о томъ, что случилось со всѣми, съ кѣмъ дѣлилъ свою молодость, но понятная предосторожность мѣшала этому...

И часто, въ безсонныя ночи, приходила въ голову мысль: побывать въ Никудышевкѣ хотя еще одинъ, послѣдній, разъ въ жизни!..

По вечерамъ, когда субботній колоколъ собора призывалъ жителей ко всенощной, Дмитрій грустилъ и вспоминалъ:

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ...
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ...

Волною вливались воспоминанія въ душѣ Димитрія и не хотѣли уходить оттуда. Онъ гналъ ихъ прочь, — не уходили и тихой сладкой грустью томили душу.

Всего сильнѣе бередило душу дѣтство... и мать въ образѣ молодой еще женщины. И было странно и страшно, что онъ уже начинаетъ сѣдѣть и что мать его — старуха, доживающая свой вѣкъ...

Неужели ему не суждено уже увидать свою маму? Вѣдь, это такъ просто...

Однажды вернулся коробейникъ изъ своего путешествія по уѣзду и привелъ съ собой „вѣрнаго человѣка“, стараго отставного солдата, богоискателя и правдоискателя Синева.

— Со стажемъ онъ: два разъ ужъ въ тюрьмѣ сидѣлъ!

Оно и видно: сразу этотъ человѣкъ мѣщанина Коробейникова „товарищемъ“ началъ называть.

— Откуда ты, товарищъ?

— Я изъ Замураевки... Енералъ у насъ бариномъ-то...

Дмитрій даже вздрогнулъ. Началъ выспрашивать о всякихъ подробностяхъ.

— Теперь ежели дѣло зачинать, такъ прямо съ Замураевки! — говорилъ таинственно солдатикъ — отъ энтого енерала народъ давно волкомъ воетъ... Только что смѣлость не беретъ, а ежели найдутся люди мужиковъ поднять, — прямо пустое дѣло. Ни суда, ни управы на него! А сынъ-то енеральскій земскимъ начальникомъ у насъ. Такъ прямо, ежели что, растерзаютъ. Вотъ до чего народъ довели... У нихъ былъ нанятъ для охраны муханеданинъ, — такъ его бабы вилами прикололи... сдохъ!

— Тамъ у васъ еще Никудышевка какая-то есть? Какъ тамъ?

— Тамъ потише, а всетаки народъ очень недоволенъ...

— Кто-же тамъ, въ Никудышевкѣ?

Все разсказалъ Синевъ про Никудышевку.

— Старуха тамъ, барыня самая, съ дочерью, и еще двое живутъ, недавно прибыли.

Узналъ Димитрій и про брата Григорія!

— Григорій-то Миколаичъ даже очень хорошій ласковый человѣкъ, но для такого дѣла не годится. Онъ искатель однѣхъ божественныхъ, стало быть, путей, а жена у него, Лариса Петровна, въ Духѣ ходитъ, въ родѣ какъ богородица у нихъ, что-ли. Григорій-то Ми-

колаичъ въ душевномъ смиреніи, Толстовскаго толку... Отъ его, конечно, намъ никакого зла не будетъ, но я такъ полагаю, что и помоцци тоже ожидать нельзя... А я такъ полагаю, что ежели народъ въ Замураевкѣ встанетъ, такъ и кругомъ начнутъ... Мужикъ — мірской человѣкъ: за обчествомъ потянется. Лиха бѣда начать, а тамъ пойдетъ какъ по маслу!.. Литературы давайте поболѣ! Все разсуемъ...

Много мудрыхъ совѣтовъ Синевъ надавалъ. Человѣкъ опытный, хорошо мужицкую душу знаетъ. Надо на двухъ либо трехъ подводахъ ѣхать и звать народъ къ господамъ за хлѣбомъ и скотиной, — человѣкъ десять пристанутъ, а остальнымъ завидно станетъ и тоже пристанутъ! А еще енералъ очень ужъ деревенскую скотину загоняетъ и штрафы за потраву! У него всегда въ загонѣ головъ пять-шесть коровъ либо лошадей крестьянскихъ выкупа ждутъ. Объявить, чтобы шли свою скотину отбирать... А ужъ, какъ объявимъ — грабь свое добро! — всѣ разожгутся... Ну, только какой-нибудь начальникъ при этомъ дѣлѣ нуженъ, въ родѣ какъ командеръ... Безъ начальника тоже не пойдутъ... Поди, самъ ты, товарищъ, команду-то примешь? Кричи только громче и больше никакого разговору! Повелѣвай, значитъ! Говорить много не давай... Я на это дѣло человѣкъ десять хоть сейчасъ поставлю.

— У меня не меньше найдется охотниковъ-то! — замѣтилъ странникъ.

Какъ будто все налаживалось. Оставалось только добыть три подводы. Ихъ, видно, закупить придется. Все обсуждено. Только въ деньгахъ нехватка. Подождать придется, когда изъ Саратова вышлютъ...

— Торопиться некуда! Оно и лучше помедлить маленько: народъ разжечь сперва, а потомъ ужъ разомъ и поднять... Все въ свое время надо: оно-бы лучше осенью, послѣ страды, когда народъ по хозяйству управится. А то мужикъ такой человѣкъ, что и смерть от-

кладываетъ до уборки... Бунтуютъ либо съ весны, либо подъ осень... когда съ земли освобожденіе выходитъ... Человѣкъ хозяйственный!

Дмитрій Николаевичъ точно обрадовался этому благоразумному совѣту Синева. Ухватился за него. Надо отложить до осени!

— Правильно, товарищъ! Тутъ, какъ говорится, семь разовъ примѣрь, а потомъ отрѣжь. Зря выскакивать — опасно. Только удовольствіе врагу сдѣлаешь!

Согласились отложить выступленіе до осени...

И вотъ снова потянулись скучные томительные дни полнаго душевнаго одиночества среди маленькихъ людей, съ ихъ все-же живыми радостями и горестями незамѣтныхъ тружениковъ. Одному прибавили десять рублей въ мѣсяцъ жалованья, другой собирается жениться и не наглядится на свою глуповатую курносенькую мѣщаночку, похожую на бѣленькую курочку, третій ищетъ сочувствія окружающихъ: у него умеръ ребеночекъ, четвертый безумно счастливъ: вчера выигралъ въ карты три съ полтиной!

И все-таки у нихъ есть какая то личная жизнь... И Дмитрій, всегда ощущавшій себя значительнымъ человѣкомъ, предназначеннымъ къ исполинскимъ дѣламъ, начинаетъ уже испытывать нестерпимую пустоту... У него нѣтъ не только большихъ радостей и печалей, а просто никакихъ!

Только тихая тягучая тоска, въ родѣ несильной зубной боли. Невыносимо тяжело съ ранняго утра до вечера сидѣть въ конторѣ и ломать покорнаго и смиреннаго дурака...

И вотъ не выдержалъ своей роли: однажды, когда завѣдывающій конторою господинъ съ геммороемъ сталъ начальственно кричать на смиреннаго конторщика Коробейникова, тотъ совершенно неожиданно поразилъ его неумѣстной дерзостью:

— Прошу не кричать, а говорить по человѣчески!

Тотъ, геммороидальный, даже опѣшилъ вдругъ, но потомъ оправился и началъ снова кричать. Назвалъ „нахаломъ“...

— Ты самъ идіотъ! — крикнулъ конторщикъ Коробейниковъ.

Вся контора притихла. Стало такъ тихо, что слышно было, какъ скулила муха, попавшая въ тенета паука. Всѣ служащіе въ конторѣ застыли въ радостномъ испугѣ и въ тайномъ почтеніи къ сотоварищу, который, наконецъ-то, достойно отвѣтилъ за всѣхъ молчальниковъ...

— Получи расчетъ и съ Богомъ!..

Глупо, конечно, все это вышло. Сгоряча. Нервы. А все-таки пріятно какъ-то разрядить свое долготерпѣніе такимъ выстрѣломъ!

Конторщикъ безъ мѣста. Пошелъ шляться по городу, вышелъ на Суру, побывалъ около родного бабушкинаго дома...

Ни одной близкой души!

И вдругъ снова толкнулась въ душу мысль: а что если побывать въ Никудышевкѣ? А пришла ночь, — безсонница въ лунную свѣтлую ночь. И снова точно смотритъ на весь пройденный путь жизни. Все—одни призраки... Ничего не осталось, вотъ только мама... Лучше, если-бы мама бросила деревню и жила въ своемъ Алатырскомъ домѣ... Какая злая насмѣшка жизни: устраивай погромъ родной матери!

Бѣдная старуха. Не дадутъ умереть спокойно...

Не подвигъ, а... ремесло!

III.

Нѣсколько дней Дмитрій Николаевичъ слонялся въ городкѣ какъ бездомная собака.

Нечего дѣлать!

Некуда пойти!

Никому ненуженъ...

Бродилъ по набережной Суры. Посиживалъ въ трактирахъ за бутылкой пива. Заходилъ въ соборъ, гдѣ служилась всенощная...

На рѣкѣ, въ трактирахъ, на улицахъ, въ церкви, всюду трепещетъ и бьется жизнь человѣческая, сливаясь въ единый шумливый красочный потокъ. Всѣ проявленія этой жизни, въ ихъ пестромъ разнообразіи формъ, связаны мистической логикой бытія. И звонъ церковнаго колокола, и плывущій по рѣкѣ пароходъ, и грохочущая по мостовой телѣга съ ржавымъ желѣзомъ, и плачущій ребенокъ, и драка около трактира, и наигрываемыя гдѣ-то и кѣмъ-то на рояли ритмическія гаммы, и будочникъ на углу, и барышня съ собачкой, словомъ — все, что видятъ глаза и слышатъ уши, все это отъ вѣка вѣковъ, все нужно и все слито во-едино, въ какую-то сложную непрестанно работающую, какъ наше сердце, машину...

Но онъ, Дмитрій, внѣ этой жизни. Онъ какъ будто-бы совершенно ничѣмъ съ ней не связанъ. Какой-то посторонній ненужный жизни и чужой ей человѣкъ или даже — предметъ!

Вотъ точно такое-же гнетущее чувство Дмитрій испытывалъ, когда, бѣжавъ изъ Сибири, очутился въ Парижѣ безъ языка, безъ знакомыхъ и безъ денегъ...

Ни однимъ краешкомъ души не прицѣпишься къ бѣгущей мимо жизни!..

Вотъ въ эти дни блужданій по улицамъ и трактирамъ, за бутылкой пива, въ его омраченную пустотой и одиночествомъ душу и постучалась впервые мысль о самоубійствѣ...

И какъ только пришла эта мысль, сразу рухнулъ построенный когда-то въ юности, ея пылкой фантазіей, „храмъ революціи"...

Онъ долго и тяжело смотрѣлъ въ одну точку и вдругъ произнесъ, неожиданно для самого себя, одно только слово:

— Ерунда!

И точно проснулся отъ собственнаго глухого голоса и подозрительно оглядѣлся по сторонамъ... Въ дальнемъ углу, въ полусумракѣ, онъ увидалъ жандарма и какого-то человѣчка, которые, сидя за пивомъ, тихо разговаривали, склоняясь другъ къ другу.

Дмитрій ощупалъ карманъ (онъ всегда ходилъ съ револьверомъ), расплатился и, докуривъ папиросу, медленно и независимо вышелъ изъ трактира.

Подозрительно!

Дмитрій умышленно колесилъ, какъ заяцъ, заметающій свои слѣды, по улицамъ и проулочкамъ и незамѣтно для себя очутился на краю города, вблизи бабушкинаго дома. Подходя сюда, Дмитрій думалъ о томъ, что надо поскорѣе покинуть Алатырь, а когда поднялъ глаза отъ земли и увидалъ родной домъ, то домъ этотъ и подсказалъ ему, что надо пойти къ матери, уговорить ее бросить деревню, простится съ ней и...

— И кончено!

Тихо насвистывая механически вырвавшуюся студенческую пѣсенку, Дмитрій пошелъ дальше...

Всю ночь не спалъ. Рвалъ и жегъ какія-то письма и бумажки. Ходилъ по комнатѣ и курилъ папиросу за папиросой, смотрѣлъ въ лунную ночь, слушалъ грустные гудки пароходовъ и отбивающій часы колоколъ на соборной колокольнѣ. Рано утромъ, разсчитавшись съ прислугой за номеръ, взялъ свой ручной чемоданчикъ и альпійскую палку, вывезенную изъ-за границы, и пошелъ въ отчій домъ... По пути подсаживался на мужицкія телѣги. Если не было попутчиковъ шелъ пѣшкомъ...

Долго сидѣлъ въ сосновомъ бору, около родника и часовенки, на той самой лавочкѣ, на которой не такъ давно сидѣла его мать, проѣздомъ въ Никудышевку, и вспоминалъ свое дѣтство... Былъ тутъ когда-то образъ Божьей Матери, но теперь — дощечка, на которой чуть-

чуть замѣтны линіи исчезнувшаго рисунка... Слушалъ кукушку и самъ удивился, почувствовавши скатившуюся на щеку горячую слезинку...

Развѣ нужны такіе сентиментальные неврастеники революціи? А развѣ Азефъ ошибся, взвѣсивъ на своихъ вѣсахъ Іуды его малую цѣнность для своихъ цѣлей мести?

Дмитрій годился только, какъ агнецъ, приносимый въ жертву департаменту полиціи для укрѣпленія тамъ довѣрія къ собственной персонѣ. Въ числѣ такихъ агнцевъ онъ и оказался. Департаментъ полиціи и всѣ охранныя отдѣленія уже знали, что эмигрантъ Дмитрій Кудышевъ, подъ именемъ мѣщанина Ивана Коробейникова, пребываетъ въ Россіи и занимается организаціей летучихъ боевыхъ отрядовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Фотографіи этого политическаго преступника были уже разосланы во всѣ жандармскія управленія и всѣмъ чинамъ полиціи включительно до становыхъ. О Дмитріѣ шла уже конфиденціальная переписка по всѣмъ Приволжскимъ губерніямъ, но его спасало то обстоятельство, что на фотографіяхъ временъ давнихъ этотъ преступникъ выглядѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ...

Для мѣстныхъ властей Алатырскаго уѣзда эти розыски Дмитрія Кудышева представлялись исключительно сенсаціонной тайной, а помимо того власти чувствовали еще исключительную отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ: преступникъ — изъ подвѣдомственнаго ихъ наблюденію района. Власти отдаленныхъ губерній навѣрняка могутъ отписаться, что по произведеннымъ розыскамъ означеннаго лица въ губерніи или уѣздѣ не оказалось. Ну, а тутъ много возможностей, что преступникъ побываетъ и въ Никудышевкѣ. А потому нуженъ зоркій глазъ, а не отписка.

Еще до появленія здѣсь Дмитрія, власти приняли уже мѣры. Заѣзжалъ какъ-бы въ гости къ Аннѣ Михайловнѣ

исправникъ, побывалъ и становой. Секрета не открыли, но исправникъ осторожненько наводилъ разговоръ на дѣтокъ почтенной Анны Михайловны, а въ ихъ числѣ и Дмитрія...

— А гдѣ нынѣ пребываетъ вашъ сынокъ, Дмитрій Николаевичъ?

— Богъ его знаетъ...

Старуха отираетъ слезу...

— Вѣдь, какое положеніе матери! По закону отвѣчаютъ всѣ укрыватели. Даже родная мать обязана донести, если знаетъ его мѣстопребываніе...

Особенно-же былъ озабоченъ жандармскій ротмистръ въ Алатырѣ. Онъ еще не успѣлъ пережить оскорбленія, нанесеннаго ему высланнымъ Павломъ Николаевичемъ Кудышевымъ, а тутъ новый Кудышевъ, родной братецъ!

Ротмистръ отрядилъ въ распоряженіе станового опытнаго въ дѣлѣ розысковъ унтеръ-офицера, переряженнаго, конечно, въ штатское платье, и тотъ долженъ былъ наладитъ непрестанное наблюденіе за всѣми неизвѣстными лицами, появляющимися въ Никудышевкѣ и особенно въ барскомъ домѣ...

Жандармскій унтеръ, какъ и прочіе непосредственные охотники за преступникомъ, и сами не знали, что ловятъ сына Анны Михайловны: имъ данъ наказъ потребовать отъ неизвѣстнаго документъ и, если въ паспортѣ будетъ значиться — мѣщанинъ Иванъ Коробейниковъ, то немедленно арестовать и, подъ строгимъ конвоемъ, привезти въ г. Алатырь.

Такъ Дмитрій Николаевичъ попалъ уже въ приготовленную для него ловушку.

Послѣдніе двѣнадцать верстъ до Никудышевки Дмитрій шелъ пѣшкомъ и умышленно подогналъ время такъ, чтобы прійти туда, когда стемнѣетъ.

Лунной ночью онъ приближался къ отчему дому.

Нелегальное положеніе пріучаетъ человѣка къ инстинктивной осторожности. Надо сперва пройти мимо...

У воротъ, на лавочкѣ, сидѣлъ Ерофеичъ съ дворовой дѣвкой и щекоталъ ее.

Свѣтились огни въ окнахъ. Изъ раскрытыхъ оконъ доносились гармоничные взрывы рояля. Изрѣдка мелькали въ глубинѣ оконъ человѣческія фигурки.

Такимъ теплымъ роднымъ уютомъ, лаской семьи и родного дома пахнуло въ душу усталаго и печальнаго бродяги, Дмитрія! Съ изумительной яркостью воскресло вдругъ и дѣтство, и мама съ папой, и деревянный конь, обтянутый телячьей кожей, на колесикахъ, и кровать съ рѣшеткой!.. Онъ уже легъ спать, а ему не спится... Мамочка играетъ на фортепіано, тамъ гдѣ-то пьютъ чай и стучатъ посудой. Захотѣлось кушать... Натянулъ на плечи одѣяло, вылѣзъ и босикомъ побѣжалъ въ столовую...

Точно все это было только вчера!

Дмитрій зналъ о томъ, что братъ его, Григорій, живетъ рядомъ гдѣ-то, на хуторѣ. Онъ пошелъ искать этотъ хуторъ: всего лучше попасть сперва къ брату...

Обошелъ дворъ дома. По забору, гдѣ разросся репейникъ и лопушники, вышелъ къ концу парка. На хуторѣ залаяла чуткая собака. Дмитрій присѣлъ и ждалъ, когда собака успокоится. И тутъ онъ замѣтилъ лазейку въ прогнившемъ заборѣ: стоило только толкнуть одну изъ досокъ и образовалась пробоина, въ которую было легко пролѣзть въ паркъ. Это и измѣнило всѣ его планы.

Очутился въ старомъ заброшенномъ паркѣ. Въ полной безопасности. Густыя заросли, огромныя березы и липы, трава въ человѣческій ростъ. Все это подъ луннымъ сіяніемъ, въ рѣзкихъ свѣтотѣняхъ, напоминало глухой лѣсъ. Старался припомнить, въ какой части парка онъ очутился, но не то отъ волненія, не то отъ страшной усталости, въ головѣ все спуталось, какъ только онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ глубь парка. Пріоста-

новился, вслушивался въ различные звуки теплой ночи вверху и подъ ногами: стрекотали кузнечики, басили майскіе жуки, вскрикивали хищные птицы и гдѣ-то далеко-далеко и чуть слышно плавали на крыльяхъ вѣтерка обрывки струнныхъ вздоховъ... Дмитрій пытался ловить эти струнные вздохи и вскрики, но они точно мѣняли свое мѣсто.

И, пройдя нѣсколько шаговъ, Дмитрій останавливался въ полной растерянности. Въ лѣсу нерѣдко человѣкъ теряетъ способность оріентаціи. Такъ случилось въ родномъ паркѣ съ Дмитріемъ.

А въ отчемъ домѣ происходило слѣдующее:

Бабушка съ тетей Машей попивали чай въ столовой. Наташа грустила за роялемъ, изливая томленіе души въ Шопеновскихъ ноктюрнахъ. Петръ Павлычъ ворковалъ на старинномъ диванѣ съ Людочкой въ полутьмѣ пустыннаго зала, за спиной увлекавшейся своимъ настроеніемъ Наташи... Здѣсь, на диванѣ, любовное электрическое напряженіе отъ соприкосновеній и томныхъ взоровъ, требовало разряженія. Людочка вздыхала какъ паровозъ, только что остановившійся около станціи, и грозила пальчикомъ разшалившемуся жениху. Наташа могла, вѣдь, обернуться!

А тотъ не унимался. Людочка притворно разсердилась и, поднявшись и вырвавъ свою руку отъ удерживающаго ее кавалера, тихо пошла къ террасѣ. Конечно, въ ея планы входилъ расчетъ, что Петръ двинется слѣдомъ за ней и они очутятся наединѣ, въ паркѣ. Но этому помѣшала Наташа: она заговорила съ братомъ и задержала его поисками какихъ-то нотъ...

Людочка въ любовномъ томленіи медленно шла по аллеѣ, вполнѣ увѣренная въ томъ, что вотъ сейчасъ заскрипятъ по песочку шаги возлюбленнаго и они сплетутся въ трепетномъ объятіи и руками и губами... Лучше, если это случится подальше отъ терассы и дома, во

мракѣ зарослей, а не на широкой освѣщаемой яркимъ луннымъ свѣтомъ аллеѣ...

И вотъ она свернула въ сторону и тихо такъ, маленькими шажками-петельками, двигалась, пріостанавливалась и прислушивалась: не идетъ-ли? Услыхала въ тишинѣ подозрительный звукъ, похожій на хрустъ и шелковый шелестъ древесной листвы, когда человѣкъ пробирается кустами зарослей. Но странно, что Петя опередилъ ее. Пусть-ка теперь помучается, поищетъ!

Притаилась, въ огненномъ пыланіи любовной лихорадки, въ сиреняхъ...

И вдругъ, (о ужасъ!) — видитъ вынырнувшую изъ-подъ крыши старой сосны — фигуру робко крадущагося человѣка, во всемъ обликѣ своемъ таившаго какія-то злыя намѣренія...

Людочка испустила крикъ ужаса и шарахнулась въ сторону, къ дому. Дмитрій растерялся и не зналъ, какъ ему поступить. Между тѣмъ въ домѣ уже шла паническая суматоха: несомнѣнно, это грабитель или поджигатель! Бабушка съ тетей Машей подняла на ноги все наличное населеніе барскаго двора. Иванъ Степановичъ послалъ кухоннаго мальчишку къ стражнику. Петръ Павловичъ зарядилъ револьверъ и заявилъ, что онъ справится одинъ, но Людочка и Наташа его не пускали... Людочка прибѣгла къ обмороку, какъ послѣднему средству удержать храбраго жениха отъ рискованнаго поступка. Иванъ Степановичъ заперъ всѣ двери и окна, забаррикадировалъ стеклянную дверь на терассу и предложилъ не соваться безъ толку. На пунктѣ, въ Никудышевкѣ, есть охрана и ей уже дано знать.

Петръ Павловичъ все-таки не выдержалъ и, раскрывъ окно въ садъ, трижды выстрѣлилъ въ небо, на смерть перепугавъ бабушку съ тетей Машей. Теперь бабушка впала въ обморочное состояніе...

У Дмитрія была мысль — идти въ домъ и раскрыть свою тайну, но раздавшіеся выстрѣлы со стороны те-

рассы остановили его намѣреніе. Можетъ быть, лучше скрыться на ночь въ глуши парка, а утромъ подойти къ окнамъ и закричать:

— Мама! Это — я твой сынъ, Дмитрій!

Сохранилось въ памяти воспоминаніе объ Аленкиномъ пруду и развалинахъ на его полуостровѣ. Вотъ тамъ онъ и переночуетъ...

Вышелъ на липовую аллею и точно пелена свалилась съ глазъ его: понялъ, гдѣ онъ стоитъ и какъ идти на Аленкинъ прудъ. Вокругъ все стихло и не было никакихъ признаковъ переполоха. Полаяла осипшимъ голосомъ дряхлая собака и перестала. Гдѣ-то запѣлъ соловей...

Продравшись чрезъ заросли, Дмитрій примѣтилъ сверкнувшую на лунномъ свѣтѣ воду. Вотъ онъ, Аленкинъ прудъ! Испугали запрыгавшіе съ берега въ воду лягушки, взорвавшійся изъ-подъ ногъ бекасъ... Промочилъ ноги, исцарапалъ въ кровь лицо, продираясь чрезъ колючій шиповникъ,..

Ну, вотъ и развалины каменной бесѣдки. Здѣсь онъ и проведетъ ночь...

Прошло не болѣе получаса, какъ на дворѣ барскаго дома появился цѣлый отрядъ изъ мужиковъ съ палками, во главѣ съ жандармскимъ унтеромъ и стражникомъ въ полной формѣ и полномъ вооруженіи. Выскочилъ Петръ Павловичъ съ револьверомъ въ рукѣ и, какъ начальникъ, началъ дѣлать распоряженія: по всѣмъ угламъ и заборамъ поставить засаду. Остальнымъ идти цѣпью чрезъ весь паркъ. Сколько вооруженныхъ? У всѣхъ три револьвера. Вотъ еще охотничій дробовикъ, онъ заряженъ крупной дробью.

— Вилы-бы намъ, что-ли, ваше благородіе, дали! Гдѣ свѣтло, а гдѣ темно, щупать надо...

Людочка съ Наташей въ лихорадочно-возбужденномъ состояніи. Людочка въ десятый разъ и все по новому разсказываетъ пережитый ужасъ. Теперь ей уже

помнится, что разбойникъ сперва побѣжалъ за ней, а потомъ отсталъ...

Глядя со стороны, можно было подумать, что люди шли на медвѣдя по крайней мѣрѣ...

Бабушку привели уже въ чувство и успокоили: теперь нѣтъ уже никакой опасности, грабитель окруженъ со всѣхъ сторонъ и, если онъ еще не успѣлъ скрыться изъ парка, то будетъ пойманъ...

Отрядъ двинулся въ походъ въ глубокомъ молчаніи разсыпной цѣпью.

Обошли весь паркъ, — никого не нашли.

— Можетъ, на прудахъ гдѣ спрятался?

Тихо посовѣщались и рѣшили обыскать пруды...

Дмитрій, утомленный и физически и душевно, сквозь охватившую его уже дрему услыхалъ всплески воды подъ шагами людей по болоту и, приподнявшись, увидалъ прежде всего освѣщеннаго луннымъ свѣтомъ жандарма. Потомъ прозвучалъ выстрѣлъ.

— Здѣся!

Рѣзкій полицейскій свистокъ прорѣзалъ тишину ночи, потомъ голоса:

— Тутъ онъ! Стрѣляетъ, сволочь... Обходи съ лѣвой стороны!

— Сдавайся безъ разговору!

Отвѣта не было.

— Вылазь, а то пристрѣлю, какъ собаку!

Отвѣта не было...

Всѣ боялись идти дальше.

Стражникъ перекрестился, взялъ на изготовку револьверъ и полѣзъ камышами къ развалинамъ.

— Ну, чего стоите! Впередъ! Столько народу — одного испугались!

Полѣзли напроломъ бегемотами...

Стражникъ первымъ увидалъ лежавшаго съ навзничь раскинутыми руками человѣка въ камняхъ, проросшихъ кустарникомъ...

— Никакъ мертвый онъ...

— Самъ въ себя, значитъ, онъ выпалилъ давеча...

Такъ Дмитрій Кудышевъ и не повидался со своей матерью. На Аленкиномъ пруду лежало „мертвое тѣло". По найденному паспорту это былъ мѣщанинъ Казанской губерніи, Иванъ Коробейниковъ, и пока никто въ отчемъ домѣ не зналъ еще, что это блудный сынъ бабушки, которая въ послѣднее время такъ часто вспоминала о немъ и такъ хотѣла хотя одинъ разокъ передъ своей смертью повидаться съ нимъ...

Составили протоколъ и перетащили мертвое тѣло въ заброшенную баню въ паркѣ до вскрытія. Поставили къ банѣ стражу. Страшно стало въ паркѣ по ночамъ. Властямъ было необходимо установить подлинную личность самоубійцы. Пріѣхавшій исправникъ, знавшій уже тайну Ивана Коробейникова, посвятилъ въ нее Ивана Степановича, тотъ всѣхъ остальныхъ, кромѣ бабушки. Но жандармскій ротмистръ былъ безжалостенъ и, выполняя долгъ службы, потребовалъ, чтобы и Анна Михайловна, какъ мать, признала въ трупѣ самоубійцы своего сына, Дмитрія Николаевича.

По долгу службы онъ счелъ необходимымъ допросить по настоящему дѣлу Анну Михайловну и, предъявивъ ей трупъ самоубійцы, спросить, признаетъ-ли она въ немъ сына.

Допросъ онъ сдѣлалъ, но предъявить матери трупъ сына не удалось: несчастная старуха стала проявлять всѣ признаки тихаго помѣшательства...

Наташа вызвала телеграммой доктора-психіатра изъ Симбирска, и онѣ съ тетей Машей увезли несчастную бабушку въ Симбирскъ.

Людочка и Петръ Павловичъ вспорхнули и уѣхали въ Алатырь. Петръ ночью, предъ отъѣздомъ, вырѣзалъ изъ рамъ трехъ своихъ предковъ изъ бабушкиной галлереи и увезъ изъ отчаго дома...

По просьбѣ Ивана Степановича Дмитрія разрѣшили

похоронить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ найденъ мертвымъ.

IV.

Страшная исторія въ барскомъ паркѣ, полная такой загадочной таинственности, привела въ необычайное смятеніе умы и души темнаго деревенскаго люда...

Соціальная легенда и соціальная мистика, замѣнявшія у русскаго крестьянина правовое сознаніе, порождали невѣроятный хаосъ всякихъ слуховъ и догадокъ, направленныхъ къ раскрытію „господской тайны".

Одни говорили, что поймали и убили не грабителя, а человѣка, который привезъ подлинный царскій манифестъ о землѣ и волѣ; господа заманили его къ себѣ въ гости, чтобы манифестъ этотъ отнять, а онъ не далъ и изъ дому господскаго въ садъ побѣжалъ; они — за нимъ, а у него — револьверъ: вотъ они и послали за начальниками: грабитель, дескать!

Другіе поправляли: родного братальника Павла Миколаевича, стало быть — сына родного нашей старой барыни, прикончили! Онъ, сказываютъ, не соглашался обманъ прикрывать насчетъ земли-то. Я, говоритъ, не желаю, чтобы намъ неправильно крестьянской землей владать и стою на томъ, чтобы по полторы десятины на душу, которыя незаконно у насъ отобрали, когда воля намъ вышла, возвратить нашему обчеству. Я, говоритъ, не хочу, чтобы и меня, какъ старшаго брата, за этотъ обманъ въ заточеніе опредѣлили. Вотъ они испугались и рѣшили его прикончить... Грабителемъ и объявили! А потомъ задарили начальниковъ, они въ документѣ и написали, что самъ, дескать, себя прикончилъ, а не убили...

— Вѣрно! А когда дохторъ сталъ взрѣзывать, такъ и обнаружилось, что не самъ себя прикончилъ, а убили... Почему они всѣ вдругъ съ мѣста снялись и разъѣхались? Открылась правда-то, вотъ они и побѣжали во всѣ стороны... Кто — куда!

Отчій домъ дѣйствительно опустѣлъ вдругъ: тетя Маша съ Наташей повезли бабушку въ Симбирскъ и тамъ задержались; Петръ Павловичъ съ Людочкой сорвались и умчались на тройкѣ въ Алатырь, а Ивана Степановича вызвалъ на допросъ жандармскій ротмистръ. Во всей усадьбѣ только въ людской кухнѣ люди остались: кухарка, двѣ дѣвки, да кухонный мальчишка, онъже и пастухъ, да глухой и дряхлый камердинеръ, Фома Алексѣичъ — въ лѣвомъ флигелѣ.

Главный домъ на запорахъ, и ставни закрыты...

Это опустѣніе барскаго дома тоже казалось таинственнымъ и знаменательнымъ. Можетъ быть, господа и не вернутся больше? Все можетъ быть...

А тутъ въ послѣдніе дни опять коробейникъ ходитъ по избамъ и разное по секрету про господъ разсказываетъ. Конецъ, дескать, имъ приходитъ. И документъ за печатью читаетъ...

— А зерна у нихъ много накоплено! Сами не жрутъ и другимъ не даютъ...

Никому неизвѣстно, когда, кто и гдѣ сговаривались никудышевцы, но однажды вечеромъ, словно по сигналу, вся Никудышевка, какъ при пожарѣ, загалдѣла и заскрипѣла колесами. Вереницами мужики, парни и бабы на телѣгахъ къ барскому дому поѣхали, а впереди всѣхъ „коробейникъ" съ Синевымъ...

Не меньше двадцати подводъ разомъ! Потомъ добавочно скачутъ то въ одиночку, то кучками въ двѣтри подводы. Это запоздалые торопятся... Лошадей нещадно хлещатъ, кричатъ осипшими голосами; есть пьяные, — пѣсни поютъ. Свистъ, гулъ, ругань...

— Отворяй ворота! Примай гостей!

— Не бойся! Пальцемъ не тронемъ! За хлѣбомъ! Ключи выдай, а не выдашь, все одно двери расшибемъ!..

— У насъ нѣтъ ключей! Они у Ивана Степаныча...

Начали въ злобномъ изступленіи рубить топорами двери амбаровъ.

Надежды не оправдались: въ амбарахъ и зерна и муки оказалось не такъ много, какъ ожидали. И пяти подводъ хватило-бы! Немолоченная прошлогодняя рожь на гумнѣ въ копнѣ стояла. Начали копну разбирать. Разгоралась мужицкая хозяйственная жадность, хищничество. Ругались, попрекали другъ друга. Если-бы не боялись время зря тратить, и подрались-бы. Да некогда! Пока будешь драться, другіе все уволокутъ. Кипитъ работа! Едва-ли мужики и бабы когда-нибудь работали съ такимъ ожесточеніемъ, нещадя силъ своихъ, какъ это было теперь!..

Появился стражникъ, попробовалъ постращать, но ему отвѣтили такимъ дикимъ ревомъ и такими жестами рукъ съ топорами, что онъ вздохнулъ и пошелъ прочь.

— Задержать его надо, а то донесетъ!

— Ну-ка, ребята, попридержи его, сукина сына!

Погнались за стражникомъ съ вилами, — тотъ сдался; отняли револьверъ и шашку, приволокли на барскій дворъ и заперли со свиньями.

Позднѣе всѣхъ пріѣхалъ на телѣгѣ Микита Шалый, котораго мы съ вами, читатель, знали еще мальчуганомъ. Это былъ тотъ самый мальчикъ Микитка, который имѣлъ въ дѣтствѣ непреоборимое тяготѣніе къ барской музыкѣ, тайно забирался подъ окна и часами слушалъ, какъ играетъ барышня. Теперь онъ былъ бородатымъ и женатымъ мужикомъ солиднаго возраста, но страсть къ музыкѣ его не покидала. Онъ и женатымъ мужикомъ нерѣдко забывалъ о всѣхъ дѣлахъ своихъ, остановившись у барской ограды и слушая вырывавшуюся изъ раскрытыхъ оконъ музыку. Маленько былъ онъ, по выраженію бабъ, съ придурью: любилъ говорить сказки, пѣть въ церкви на клиросѣ, звонить въ колокола на Пасхѣ, играть божественное на гармоніи и подпѣвать, вознося голубые глаза къ небесамъ. И, какъ хозяинъ, былъ лѣнивъ, ротозѣйничалъ и очень почесывался въ неподобающихъ мѣстахъ. Вотъ и смѣялись надъ нимъ мужики,

а бабы, хотя и ругали лѣнтяемъ, а какъ заиграетъ на гармоніи, такъ и таютъ: божественное заиграетъ, — плакать охота, веселую начнетъ, — плясать хочется... Жена донимала Микитку за эту музыку. Сколько недосмотру и убытку было въ домѣ отъ нея!

— Ротозѣй! Пьяный-не пьяный, дуракъ-не дуракъ, чертъ тебя разберетъ, кто ты такой!

И тутъ опоздалъ Микитка. Прокопался около лошади. Неохота была ему ѣхать-то, да боялся „міра" и жены. Разъ міръ порѣшилъ ѣхать, ничего не сдѣлаешь...

— Что ты — какъ поповъ работникъ?

Подбѣжала, стала помогать мужу впрягать кобылу старую. Помогаетъ и ругается.

Вотъ и опоздалъ Микита Шалый. Пріѣхалъ, когда все добро погружено на телѣги было.

Мѣшокъ зерна все-таки насыпалъ, наскребъ...

Покончили съ амбарами и гумномъ. Все-таки не того ждали. Не иначе какъ гдѣ-нибудь спрятано.

— Поискать, робята, надо!

Начали поиски по всѣмъ службамъ. Много всякаго добра сложено въ каретникахъ и чуланахъ разныхъ: и всякая сбруя, и инструментъ, и гвозди, и тарантасы, и колеса. Всякая всячина. Въ каретникѣ-же подъ брезентомъ, обнаружили старое фортепіано, то самое, на которомъ когда-то пробовалъ играть маленькій Микитка. Хоромъ засмѣялись мужики:

— Микита! Вотъ она, штука-то, музыка-то барская! Тебѣ-бы? А? Грузи на телѣгу!

Вотъ тутъ чертъ и попуталъ Микиту Шалаго:

— Она имъ ненужна! У нихъ новая мащина куплена...

Хохотъ стоитъ. А Микита разгорѣлся. Подошелъ, потыкалъ пальцами...

— Его и хлѣбомъ не корми, а только на музыкѣ поиграть...

— Грузи ему, робята, на телѣгу!

— Коли міръ отдаетъ, — почему не взять? — радостно произнесъ Микита Шалый.

— Бери, робята! Разомъ!

Покачнулась и поднялась тяжелая ноша, а Микита Шалый, стоя на своей телѣгѣ, гонитъ лошадь къ каретнику.

— Вали, вали! Поперекъ лучше поставить! Повертывай!

Стало на мѣсто фортепіано и вздохнуло гармоничнымъ аккордомъ.

— Вишь! Сама заиграла!

Подбивалъ кто-то въ главный барскій домъ идти, — отказались. Сомнѣвались. Покуда обождать надо. Тамъ видать будетъ. Домъ всегда на мѣстѣ останется. Торопиться некуда...

Заскрипѣли телѣги, поползли съ барскаго двора. Веселый гомонъ, смѣхъ, шутки. И все больше надъ Микитой Шалымъ и его музыкой.

— Вотъ баба-то твоя обрадуется!

— Какъ она тебя ругать, — сядешь и веселую ей: она и запляшетъ!

Ѣдутъ не торопясь, точно возвращаются съ ярмарки, съ гостинцами и покупками...

Деревенская улица кишитъ народомъ. Бабы визжатъ, хохочутъ. Ребятишки, какъ собаченки мечутся. Скрипятъ и колеса, и ворота. Добро по своимъ дворамъ разбираютъ. А на многихъ дворахъ уже ссоры бабьи между сосѣдками.

Недовольные передѣла требуютъ: у кого больше, а у кого меньше, а у которыхъ и совсѣмъ ничего нѣтъ!

На всю деревню визжитъ баба Микиты Шалаго:

— Люди хлѣба привезли, а ты, дуракъ, музыку! Песъ-ли въ ней, въ твоей музыкѣ?

Хотѣли въ избу внести, — повернуть нельзя. Ни такъ, ни этакъ! Гремитъ, а не влазитъ...

— Эхъ, ты грѣхъ какой!

Поставили, покуда что, въ хлѣвъ, къ коровѣ. Пологомъ накрыли, а то птица нагадитъ...

— Ну, вотъ... коровы, что-ли въ твою музыку играть будутъ?

До самой ночи пилила баба своего дурня. А на свѣту обняла все-таки... Смирный больно. Даже жалко стало. Другой-бы избилъ да и все тутъ, а этотъ только почесывается да вздыхаетъ...

А на другой день утромъ тревога по деревнѣ: вернулся управитель, Иванъ Степановичъ. Стражника освободили и онъ верхомъ куда-то поѣхалъ на барской лошади. Надо начальства ждать. Пойдутъ обыски да аресты; пороть, сказываютъ, будутъ, засудятъ...

— Что теперь дѣлать-то будемъ? Мать, пресвятая Богородица...

Хлѣбъ и зерно можно спрятать. На нихъ никакой замѣтки нѣтъ: барская она, или крестьянская. А вотъ куда дѣть музыку?

— А чертъ тебѣ велѣлъ приволочь ее домой? Куда съ ней дѣнешься?!

Некуда спрятать.

— Въ овинъ ее, что-ли?.. А то на сѣнницу... сѣномъ завалить.

— Куда хошь дѣвай, хоть сожги, а только — чтобы не было ея, проклятой!

Стоитъ Микита Шалый въ коровникѣ и вздыхаетъ, глядя на музыку. Разя можно сжечь такую машину? И подумать-то жалко.

— Ахъ, ты, Боже милостивый! Отвезти куда-нибудь да спрятать покуда...

Придумалъ.

Когда стемнѣло, впрягъ свою кобылу, погрузилъ на телѣгу, прикрылъ соломой и выѣхалъ со двора.

Старики у избъ на завалинкахъ сумерничали. Все сговаривались, какъ быть, если допросы и обыски пріѣдетъ начальство дѣлать. Завтра, сказываютъ, становой

пріѣдетъ... Напуганы всѣ, а увидали Микиту съ музыкой, — смѣяться начали.

— Поигралъ да и обратно? Теперь друга музыка пойдетъ... Выдерутъ такъ, что и играть на музыкѣ заречешься...

Жизнь причудливо сплетала драму съ комедіей...

Шалый пугливо посматривалъ по сторонамъ и торопилъ свою костлявую кобылу. Синяя темень надвигалась по горизонтамъ и уже потухла послѣдняя полоска зари надъ контуромъ темнѣвшаго впереди лѣса. Перекликались во ржахъ перепела и гдѣ-то жалобно плакалъ чибисъ... Тихо въ поляхъ и спокойно.

Пересталъ безпокоиться и Микита Шалый.

— Богъ не безъ милости! И лѣсъ недалеко...

Ну, вотъ и лѣсъ! Теперь никакой опасности. По этой дорогѣ начальство не ѣздитъ. Трудная дорога: вся корнями ползучими оплетена. Подпрыгиваетъ на нихъ телѣга и позваниваетъ жалобно музыка. Идетъ мужикъ и поглядываетъ по сторонамъ: мѣста подходящаго ищетъ, гдѣ-бы спрятать поудобнѣе. Можетъ, потомъ, со временемъ, можно будетъ опять домой взять.

Совсѣмъ въ лѣсу темно. Дорога около оврага тянется. Вотъ оно, самое подходящее мѣсто. Стянуть въ оврагъ пониже, въ орѣшникъ, — самъ чертъ не найдетъ!

— Тпру!

Постоялъ надъ оврагомъ, почесался и началъ стягивать съ телѣги музыку.

— Тяга-то какая!

Отдохнулъ маленько и началъ спихивать фортепіано въ оврагъ. Хотѣлъ, чтобы ползкомъ съѣхала эта тяга, а ножка обломилась и музыка пошла кувыркомъ и начала такъ играть струнами, что весь лѣсъ испугался. На обрывъ наскочилъ Микита Шалый.

Докатилось фортепіано до самаго дна и послѣдній разъ простонало гармоничнымъ стономъ струнъ. Въ

ночной тишинѣ этотъ стонъ долго и медленно замиралъ... И вдругъ гдѣ-то запѣлъ соловушекъ!

Постоялъ Микита Шалый съ опущенной головой надъ оврагомъ, почмокалъ губами. Потомъ разсердился на свою кобылу и заворачивая телѣгу, началъ хлестать ее возжами по мордѣ...

Выправилъ на дорогу и поѣхалъ шажкомъ, напѣвая грустную пѣсенку...

А на другой день пріѣхалъ становой, урядникъ, стражники. Потомъ земскій начальникъ съ генераломъ изъ Замураевки. Начался скорый судъ и расправа... Никудышевцы стояли на колѣнахъ, плакали, каялись, выдавали другъ друга...

— Какъ самъ хочешь: либо подъ судъ, либо двадцать пять плетей?

— Знамо, ужъ лучше порите!

— Скидавай портки!

Выдали и Микиту Шалаго. Сперва отпирался, а потомъ покаялся и все разсказалъ чистосердечно.

— Простите Христа ради, господа начальники! Чертъ попуталъ...

— Барской музыки захотѣлъ? Любитель какой!

И тоже предложили на выборъ: подъ судъ или 35 плетей?

— Что-же это, ваши благородія, почему другимъ по 25, а мнѣ больше?

— За барскую музыку дороже! А то какъ хочешь...

Микита Шалый почесывался, но за него крикнула жена:

— Чаво думашь, дуракъ? Порите его!

— Да ужъ... Согласенъ!

Микиту Шалаго пороли, а жена смотрѣла и ругала издали:

— Такъ тебѣ, дураку и надо! Вотъ тѣ и музыка!

Крикуновъ и зачинщиковъ выдѣлили и арестовали, въ число ихъ попалъ и Синевъ. „Коробейникъ“ исчезъ.

Началось слѣдствіе по дѣлу о разбойномъ нападеніи на усадьбу помѣщицы Анны Михайловной Кудышевой, о кражѣ со взломомъ, сопротивленіи власти, разоруженіи стражника и произведенномъ надъ нимъ насиліи...

Вскорѣ на постой въ Никудышевку и Замураевку прибыла полусотня казаковъ, и крестьяне стали тише воды и ниже травы...

Вернулась изъ Симбирска тетя Маша, съ опухшими отъ слезъ глазами. Наташа осталась въ Симбирскѣ около бабушки. Иванъ Степановичъ сразу постарѣлъ на десять лѣтъ. Алатырскій жандармскій ротмистръ привлекъ его къ дѣлу объ оскорбленіи его словами при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Ротмистръ мстилъ всему отчему дому. Вызвавши на допросъ Ивана Степановича, онъ сдѣлалъ попытку превратить старика изъ свидѣтелей въ обвиняемые:

— По моимъ свѣдѣніямъ, вы знали, кто явился къ вамъ подъ именемъ мѣщанина Ивана Коробейникова и, содѣйствуя укрывательству государственнаго преступника, провели его въ паркъ... Такъ что васъ слѣдовало-бы вызвать не въ качествѣ свидѣтеля, а...

Это было такъ нелѣпо и такъ нахально, что Иванъ Степановичъ пришелъ въ нервное состояніе и началъ кричать на ротмистра, называя его „молодымъ человѣкомъ“. Тотъ тоже началъ кричать, утверждая, что онъ не молодой человѣкъ, а жандармскій ротмистръ, призванный охранять священную особу государя-императора.

— Отъ кого защищать? Отъ меня, статскаго совѣтника Алякринскаго? Да вы даже не молодой человѣкъ, а ребенокъ, не умѣющій отличать правую руку отъ лѣвой! Я удивляюсь, что такія важныя государственныя порученія даются, даются такимъ... такимъ... вотъ такимъ субъектамъ! Я могу привлечь васъ къ суду за недобросовѣстное обвиненіе... за клевету на мое доброе имя...

Ротмистръ составилъ протокомъ и продержалъ свидѣтеля въ Алатырѣ трое сутокъ...

Иванъ Степановичъ вовсе не испугался протокола, но онъ былъ потрясенъ возмущеніемъ до такой степени, что у него и сейчасъ продолжали трястись руки и странно дергаться лицевой мускулъ.

— Я больше не могу, неспособенъ вести дѣло. Я отказываюсь!

— Что-же ты на меня-то кричишь? — спрашивала тетя Маша, готовая и сама расплакаться. — Я и сама, Ваня, такъ измучалась, что чуть ноги ношу...

Написали письмо въ Архангельскъ, Павлу Николаевичу. Написали обо всемъ, что случилось въ отчемъ домѣ, и просили указать, кому передать управленіе имѣніемъ. Пришла телеграмма: „Прошу временно передать всѣ дѣла брату Григорію...“

Григорій отказывался, но когда Алякринскіе заявили, что они уѣзжаютъ, онъ согласился до осени присмотрѣть за хозяйствомъ.

Такъ Лариса очутилась въ хозяйкахъ отчаго дома... Сдѣлалась полной барыней въ заброшенномъ имѣніи дворянъ Кудышевыхъ...

„Труба Іерихонская“ загремѣла весело и бодро и въ домѣ, и въ паркѣ, и на широкомъ барскомъ дворѣ.

— Не баба, а просто губернаторъ!—говорили мужики и ни въ чемъ ей не перечили.

Поругаетъ, такъ всегда за дѣло. Хотя и строга, а зря никого не обидитъ. Съ каждымъ дѣломъ не хуже мужика справляется.

А Григорій при ней въ родѣ, какъ прикащикъ. Всѣмъ сама ворочаетъ. Отъ ея остраго глаза ничто не скроется. Ну, и пошутить да посмѣяться за грѣхъ не ставитъ рабочему человѣку.

V.

Вглядитесь въ портреты русскихъ царей: Але-

ксандра I, Николая I, Александра II и Александра III!

Это подлинные лики русскаго самодержавія.

Сравните ихъ съ лучшимъ портретомъ Николая II, написаннаго художникомъ Сѣровымъ!

Тамъ мало „царственнаго“. Оно подавлено „человѣческимъ“, слишкомъ человѣческимъ. И въ лицѣ и въ фигурѣ.

Художникъ не нашелъ въ своей модели ни одной черточки для воплощенія идеи самодержавнаго повелителя огромной имперіи, занявшей одну шестую часть земного шара, со сто пятидесятью милліонами народа...

Простота, доброта, скромность, застѣнчивость, неувѣренность въ самомъ себѣ, какъ повелителѣ...

Лѣтомъ 1903 года царь пріѣзжалъ на открытіе мощей Серафима Саровскаго.

Тысячи крестьянскаго люда, собравшіяся помолиться Божьему угоднику, рвались, хоть разъ въ жизни, увидать своего земного бога.

Тѣ счастливцы, которые могли-бы черезъ всѣ преграды на пути проѣзда царя увидать его,—не увидѣли, а лучше сказать, видѣли, да не признали. Въ царской свитѣ было столько величественныхъ генераловъ и каждый изъ нихъ казался мужикамъ и бабамъ болѣе похожимъ на царя, чѣмъ подлинный царь!

— Гдѣ онъ? Который?

Проѣхали!

Такъ оно было и въ дѣйствительности.

Не только великіе князья, но даже придворные генералы и сановники, генералъ-губернаторы и многіе губернаторы отражали идею самодержавія съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ самъ императоръ.

Временами казалось, что надъ великой страной носятся призраки Удѣльной Руси, съ враждой и междоусобицами придворныхъ партій, поочередно завоевывавшихъ вниманіе и милости царя, по добротѣ и безволію,

поступавшаго вопреки собственному желанію и постоянно мѣнявшаго свои рѣшенія.

А придворная камарилья торопилась ловить рыбу въ мутной водѣ придворныхъ интригъ и вліяній.

Царь былъ миролюбивъ и боялся войнъ, между тѣмъ „авантюристы патріотизма и самодержавія“ неуклонно втягивали Россію въ рискованныя предпріятія завоевательнаго характера, чему усердно помогали Англія и Германія... Обѣимъ было выгодно вовлечь Россію въ авантюры на Дальнемъ Востокѣ.

Витте, въ бытность свою министромъ финансовъ, понимая всю опасность этихъ ненужныхъ Россіи приключеній, особенно при внутреннихъ осложненіяхъ, грозившихъ революціей, старался удерживать отъ нихъ царя и, какъ министръ финансовъ, не давалъ кредитовъ на эти предпріятія.

Авантюристы самодержавія устранили съ своей дороги это препятствіе: Витте былъ назначенъ на постъ безвреднаго имъ предсѣдателя Комитета министровъ. Тоже случилось съ военнымъ министромъ Куропаткинымъ. Онъ тоже боялся войны и вотъ что писалъ царю, когда въ концѣ 1903 года, царь попалъ въ плѣнъ къ шайкѣ воинственныхъ авантюристовъ:

— Всемилостивѣйшій государь! Мы переживаемъ тяжелое время: врагъ внутренній пытается внести отраву даже въ ряды русской арміи. Недовольство и броженіе охватываетъ значительныя группы населенія. Безпорядки разнаго вида учащаются. Случаи вызова войскъ для подавленія этихъ безпорядковъ увеличиваются... Противоправительственныя подпольныя изданія находятъ даже въ казармахъ... Несомнѣнно, что если-бы на Россію было сдѣлано нападеніе извнѣ, то русскій народъ далъ-бы должный отпоръ врагамъ. Но, если война начнется изъ-за неясныхъ народу цѣлей и потребуетъ тяжелыхъ жертвъ отъ него, то нельзя скрывать, что вожаки противоправительственныхъ партій воспользуются

этимъ, дабы усилить смуту. Съ этимъ фактомъ надо считаться, рѣшая вопросъ о войнѣ“.

Министръ военный рекомендовалъ политику уступокъ и мирнаго разрѣшенія обостренныхъ отношеній съ Японіей. Такой министръ былъ, конечно, тоже вреденъ авантюристамъ дальневосточныхъ похожденій.

Царь колебался, не зналъ, кого послушаться... Съ одной стороны пугали, съ другой сулили легкую побѣду и славу...

Авантюристъ Безобразовъ успѣлъ уже очаровать государя и сдѣлался статсъ-секретаремъ Его Величества. Онъ убѣждалъ царя, что Россія могуча и непобѣдима и что „макаки“ — какъ презрительно называли тогда японцевъ — никогда не отважутся на войну съ ней, а потому нечего съ этими макаками церемониться.

Зная о близости Безобразова къ государю, начальникъ Дальневосточной области „сухопутный адмиралъ“ Алексѣевъ, сдѣлавшій карьеру чрезъ великаго князя Алексѣя Александровича, поддерживалъ идею Безобразова — завоевать путемъ лѣсныхъ концессій Корею и расширить предѣлы Россійской имперіи...

А что касается внутренней опасности, то тутъ большую роль сыгралъ полицейскій диктаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве.

Возможно, что легкая побѣда надъ „крамолой“ около Виттевскаго „Особаго совѣщанія“ и побѣда на фронтѣ съ бунтующимъ мужикомъ внушали ему увѣренность въ собственной полицейской непобѣдимости.

Фонъ-Плеве тоже презиралъ „макаковъ“, вѣрилъ въ непобѣдимость Россіи и даже желалъ войны:

— Чтобы окончательно подавить революціонную смуту, намъ нужна маленькая побѣдоносная война! — говорилъ онъ.

Такъ авантюристы самодержавія получили сперва широкій доступъ къ государственному карману, а потомъ толкнули слабовольнаго царя на войну, нужную

только внѣшнимъ врагамъ Россіи и врагамъ самодержавія внутри страны...

А послѣднихъ съ усердіемъ плодили и продолжали плодить неразумные защитники самодержавія, воюя безъ разбора со всѣми классами и сословіями, начиная съ прогрессивной и лояльной интеллигенціи и кончая мужикомъ, не желая считаться съ тѣмъ, что не народъ существуетъ для правительства, а правительство — для народа...

И вотъ жребій брошенъ: морякъ, адмиралъ Алексѣевъ, который боялся сѣсть верхомъ на лошадь, сдѣланъ главнокомандующимъ сухопутныхъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ, а военный министръ Куропаткинъ убранъ съ поста и назначенъ командующимъ. Никто не обиженъ, кромѣ Россіи...

Война!

Какая радость для внѣшнихъ враговъ Россіи! Какой просторъ для всяческихъ враговъ внутреннихъ!

Ихъ такъ много и такъ они единодушны въ своей ненависти къ правительству! Послушайте, что незадолго до войны писалъ органъ умѣренныхъ конституціоналистовъ „Освобожденіе“:

— Всѣ слои общества должны понять, что русское самодержавіе вступаетъ въ тотъ послѣдній ликвидаціонный фазисъ своего развитія, когда оно можетъ только злобно и безчеловѣчно отрицать всѣ необходимыя реформы висѣлицей, тюрьмой, кнутомъ и пролитіемъ народной крови. Правительство нигилистично въ подлинномъ смыслѣ этого слова Какъ-бы кто не относился къ соціалистическимъ идеямъ, пріемамъ и тактикѣ революціонныхъ партій, разновременно ведшихъ и теперь ведущихъ борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ, — уже за одно то, что онѣ боролись и продолжаютъ бороться съ насиліемъ и произволомъ, ихъ *долженъ уважать* всякій поборникъ *свободы*!“

Здѣсь такъ ярко вскрылось воспитанное самимъ

правительствомъ ослѣпленіе интеллигенціи, выразившееся въ полномъ смѣшеніи понятій о правительствѣ и государствѣ (поравненіе слова „антиправительственный“ съ „антигосударственнымъ“) при помощи любимаго словца „свобода“.

Представьте себѣ, какъ хихикалъ Ленинъ, перечитывая это мѣсто на страницахъ буржуазнаго органа!

— Пусть уважаютъ, но мы будемъ ихъ бить черезъ голову самодержавія. И пусть они помогаютъ и служатъ намъ эти попутчики до первой станціи!..

Съ какой-то загадочной обреченностью Россія неслась въ пропасть революціи...

Слѣпые были такъ увѣрены, что Японія не осмѣлится воевать съ Россіей, что, когда Японскій флотъ, не ожидая формальнаго объявленія войны, первымъ выступилъ и нанесъ чувствительный ударъ нашему Портъ-Артурскому флоту, дремавшему въ бухтѣ во всемъ своемъ величіи, — это удивило наше правительство, какъ громъ съ небеси въ зимнее время! Потомъ послѣдовали неудача за неудачей: погибъ броненосецъ Петропавловскъ съ нашимъ лучшимъ адмираломъ Макаровымъ, несчастный Тюренческій бой, такой-же морской бой у Портъ-Артура, въ которомъ мы потеряли нѣсколько лучшихъ судовъ... Нашъ флотъ былъ обреченъ на полное бездѣйствіе...

И каждый ударъ, наносимый Японіей русскому государственному флоту и государственной арміи, одинаково радовалъ какъ внѣшнихъ враговъ, такъ всѣхъ внутреннихъ, отъ революціонеровъ до послѣдняго мало-мальски культурнаго жителя, почему либо недовольнаго порядками внутренняго полицейскаго управленія страной.

Воевало правительство, а не Россія, отъ которой правительство какъ-бы изолировалось. Правительство съ каждой новой неудачею впадало въ панику, а управляе-

мый имъ житель Россіи, какъ Иванушка-дурачекъ, радовался:

— Такъ имъ и надо!

„Пораженчество“, какъ эпидемія, охватывало русскіе умы и души...

Привыкли думать: когда поколотятъ правительство, то намъ-же будетъ легче и лучше!

Мужикъ кое-гдѣ роптал, не понимая, за что его гонятъ воевать, никакого боевого пафоса и національнаго подъема не проявлялъ. Только стоны и слезы бабъ и ребятишекъ да угрюмый взглядъ изъ-подъ лобья...

Кому нужна эта война?

На этотъ вопросъ торопились отвѣтить революціонеры и при томъ весьма просто и убѣдительно даже для темной мужицкой головы, не говоря уже о рабочихъ...

Помирай, а за что неизвѣстно. „За родину, царя и отечество“. Но никто ихъ не трогалъ, а полѣзли сами.

— Своего не дадимъ, а чужого намъ не надо!

Революціонеры работали съ неутомимой энергіей.

Сперва во главѣ террора стояли: за границей Гоцъ и дома Гершуни съ бабушкой революціи. Когда Гершуни былъ схваченъ, его мѣсто занялъ рожденный богомъ мести двуликій іуда, инженеръ Евно Азефъ.

И пятнадцатаго іюля 1904 года диктаторъ внутреннихъ дѣлъ, министръ Плеве, не смотря на усиленную охрану его особы, былъ убитъ на улицѣ Петербурга брошенной въ его карету бомбой...

Громъ отъ этого взрыва всколыхнулъ всю Россію и напугалъ царя и правительство...

Великое торжество было во всѣхъ претерпѣвшихъ и злобствующихъ душахъ...

Въ городѣ Архангельскѣ очередной четвергъ, съ его „буржуазными пирогами“, прошелъ исключительно торжественно, съ рѣчами, объятіями и поцѣлуями: въ

этотъ день какъ разъ до Архангельска долетѣла вѣсть о совершенной надъ ненавистнымъ министромъ казни...

Ликовали всѣ, безъ различія партій, пола и возраста, а нѣкоторые въ особенности. Къ такимъ относились потерпѣвшіе отъ Плеве высланные сюда прогрессивные земцы и въ ихъ числѣ, конечно, самъ устроитель „буржуазныхъ пироговъ“, Павелъ Николаевичъ Кудышевъ, съ семействомъ.

У этихъ была надежда на скорое возвращеніе домой.

Послѣ возбужденныхъ воинственныхъ рѣчей, пѣли хоромъ революціонныя пѣсни.

И самъ Павелъ Николаевичъ вздумалъ запѣвать „Дубинушку“:

Но то время придетъ, — нашъ проснется народъ
И, встряхнувъ роковую кручину,
Онъ въ родимыхъ лѣсахъ на враговъ подберетъ
Здоровѣе и толще ду-би-нууу!

А хоръ, махая руками и стуча ногами, подхватывалъ воинственно:

Эхъ, дубинушка ухнемъ!
Эхъ, зеленая сама пойдетъ, сама пойдетъ,
Да ухнемъ!

И надежды потерпѣвшихъ оправдались.

Послѣ убійства Плеве царь растерялся. Надо было выбрать новаго министра, а онъ положительно не зналъ, кого взять. При дворѣ работало нѣсколько партій и каждая подсовывала своего кандидата. Въ концѣ-концовъ, царь не взялъ ни одного изъ этихъ кандидатовъ и послушался мадамъ Милашевичъ, по первому мужу — Шереметьевой, а по рожденію графини Строгановой: назначилъ министромъ князя Святополкъ-Мирскаго.

Вотъ какую бесѣду велъ царь съ княземъ передъ его назначеніемъ.

— Я, Ваше Величество, имѣю свои политическіе взгляды и всегда поступаю такъ, какъ приказываетъ мнѣ совѣсть. Правительство и общество нынѣ представляютъ два воинствующихъ лагеря. Такое положеніе установилось уже давно, а несчастная война довела эту борьбу до крайности. Такое положеніе невозможно. Правительство должно примириться съ обществомъ, а это возможно лишь путемъ удовлетворенія назрѣвшихъ и справедливыхъ желаній общественныхъ круговъ, а равно и удовлетвореніемъ справедливыхъ желаній населяющихъ Россію иноплеменныхъ народовъ!

Государь потрогалъ усъ и тихо сказалъ:

— Я самъ того-же мнѣнія...

А въ результатѣ Павелъ Николаевичъ съ семействомъ вскорѣ устраивалъ послѣдній четвергъ съ буржуазными пирогами, послѣ котораго какъ-бы побѣдителемъ отъѣзжалъ изъ Архангельска въ свой отчій домъ.

Это было въ концѣ августа, когда въ Архангельскѣ было получено извѣстіе о проигранномъ нами великомъ боѣ подъ Ляояномъ, поэтому проводы Павла Николаевича носили исключительный характеръ.

Впервые на Архангельскомъ вокзалѣ мѣстный полицейскій приставъ услыхалъ публичный призывъ въ публичномъ мѣстѣ:

— Долой самодержавіе!

Приставъ былъ настроенъ тоже оппозиціонно: его только что понизили за взятки переводомъ изъ доходнаго участка въ пригородную часть. „Сами воруютъ тысячами, а тутъ „сучекъ видятъ въ глазу брата своего!“ Недовольный существующимъ порядкомъ приставъ рѣшилъ притвориться, что онъ ничего не слыхалъ. Вся колонія ссыльныхъ провожала Кудышевыхъ. Павелъ Николаевичъ на радостяхъ потребовалъ шампанскаго, которое еще сильнѣе подняло воинственное настроеніе.

— Кого это провожаютъ? — недоумѣнно спрашивали другъ друга окружающіе.

— Надо быть, актеры какіе! — догадывались простодушные жители...

— Зачѣмъ актеры! Политики это! Поправлялъ слѣдующій человѣкъ.

Можете-ли себѣ представить волненіе душъ и умовъ, когда Павелъ Николаевичъ съ семействомъ вернулся, съ побѣдоноснымъ видомъ, въ городокъ Алатырь и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, водворился въ бабушкиномъ домѣ?

Можете-ли себѣ представить происшедшее, въ связи съ этимъ происшествіемъ, смущеніе мѣстныхъ властей и подъемъ оппозиціоннаго настроенія въ средѣ мѣстной интеллигенціи, побывавшей на первомъ буржуазномъ пирогѣ, устроенномъ Кудышевыми для старыхъ вѣрныхъ друзей и поклонниковъ, которые совсѣмъ, было, присмирѣли послѣ крутой расправы съ ихъ „вождемъ"?

И можете-ли, наконецъ, представить себѣ угнетенное состояніе всѣхъ бывшихъ чиновныхъ и сословныхъ враговъ, когда новый министръ. князь Святополкъ-Мирскій, особымъ довѣрительнымъ письмомъ на имя Симбирскаго губернатора, предложилъ не чинить впредь препятствій къ возстановленію служебныхъ правъ Павла Николаевича на случай, если-бы онъ пожелалъ вернуться къ общественной работѣ на земской нивѣ?

Всѣ почувствовали, что гдѣ-то тамъ, на верхахъ, случилось нѣчто тайное, знаменующее крутой поворотъ въ политической жизни государства.

Развѣ могъ кто-нибудь подумать, что всему причиной была мадамъ Милашевичъ, по первому мужу графиня Шереметьева, а по рожденію графиня Строганова?

Мѣстный исправникъ на всякій случай сдѣлалъ визитъ и выразилъ Павлу Николаевичу свое удовольствіе

по случаю его возвращенія. Его примѣру послѣдовалъ и жандармскій ротмистръ. Перваго Павелъ Николаевичъ принялъ нельзя сказать, чтобы дружественно, но во всякомъ случаѣ достаточно миролюбиво. Ротмистръ же долженъ былъ ограничиться визитной карточкой. Вышедшая на звонокъ прислуга, сказала ему.

— Они больны и принять не могутъ!

Кудышевы уже знали изъ писемъ Наташи, какую роль сыгралъ этотъ человѣкъ въ судьбѣ бабушки и брата Дмитрія...

Павелъ Николаевичъ зналъ такъ-же, что Наташа разошлась съ мужемъ и что теперь тетя Маша замѣнила ее въ Симбирскѣ, а сама Наташа служитъ въ одной изъ студій Московскаго Художественнаго театра. Хотя его сильно озабачивало положеніе хозяйственныхъ дѣлъ въ Никудышевкѣ, но онъ прежде всего поѣхалъ въ Симбирскъ, къ матери. Отыскалъ тетю Машу, которая жила по близости отъ психіатрической больницы и навѣщала бабушку въ установленные дни.

Сперва посердился на Алякринскихъ, бросившихъ на произволъ Григорія имѣніе, но узнавши, что Иванъ Степановичъ положительно неспособенъ къ труду и живетъ пока на попеченіи своей дочери, Гавриловой, смягчился и началъ разспрашивать про мать.

— Ну, а какъ мама? Въ какомъ она положеніи?

Тетя Маша махнула рукой и стала отирать слезу.

— Плоха?

Павелъ Николаевичъ любовно похлопалъ тетю Машу по плечу и, вздохнувши, произнесъ:

— Слезами не поможешь.

Павелъ Николаевичъ никогда не былъ особенно чувствительнымъ и жалостливымъ. Онъ былъ уже въ томъ возрастѣ, когда люди отходятъ душою отъ своихъ родителей и легко примиряются съ фактами, неустранимыми силой и волей человѣческой. Лишь по формальному долгу сына онъ заставилъ себя повидать впав-

шую въ идіотизмъ старуху. Она никого не узнавала, была неопрятна и вообще производила непріятное впечатлѣніе тѣмъ „звѣринымъ“, что смѣнило въ ней все человѣческое.

Побылъ минутъ десять, поговорилъ съ врачемъ и обрадовался, очутившись на чистомъ воздухѣ, въ суетѣ обыденной городской улицы. А вотъ тетя Маша не могла примириться:

— Взять-бы ее домой, въ Никудышевку! Докторъ говоритъ, что вполнѣ это безопасно. А кто знаетъ? Можетъ быть, дома-то бы и поправилась...

— Я ничего не имѣю противъ, только... кто будетъ съ ней возиться? Ей-то, собственно говоря, все равно. Тутъ обманъ нашихъ чувствъ: вы не ее, а себя жалѣете. Всего лучше, если-бы она...

— Такъ ужъ всетаки лучше, если умретъ дома, среди родныхъ. У ней и могила для себя приготовлена...

— Не все-ли равно, Марья Михайловна, гдѣ мы будемъ гнить послѣ смерти? А вотъ гдѣ всѣ документы, которые потребуются, если мама умретъ?

Павелъ Николаевичъ замѣтно встревожился.

На другой день утромъ онъ уже выѣхалъ на почтовой парѣ въ Никудышевку.

VI.

Стоялъ Сентябрь. Уходившее лѣто, казалось, пріостановилось, оглянулось и посылало грустныя и ласковыя улыбки землѣ, похожей на задремавшую въ пріятной истомѣ послѣ родовыхъ мукъ роженицу...

Наступила пора, которую въ деревнѣ называютъ „бабьимъ лѣтомъ“.

Безоблачна небесная синева. Вся природа въ блеклыхъ пастельныхъ краскахъ. Воздухъ прозраченъ и звонокъ. Всѣ линіи рисуются тонко и отчетливо. Необыкновенная тишина, кротость, привѣтливость льются въ

душу какимъ-то чудеснымъ бальзамомъ умиротворенности, тихой радости и неосознанной благодарности Господу Богу за то, что ты живешь въ невѣдомой слiянности со всѣмъ, что видитъ глазъ и слышитъ ухо...

Хорошо! И на душѣ, и въ тѣлесномъ самоощущенiи... Такъ хочется чему-то посмѣяться отъ радости, безпричинной радости бытiя! Приливъ мускульной силы напоминаетъ далекiе дни младости и рождаетъ туманные грѣховные помыслы, отъ которыхъ Павлу Николаевичу хочется сладко потянуться...

— Ну-ка, попридержи лошадей! Пройтись надо, ноги расправить...

Вылѣзъ, снялъ шляпу и пошелъ по тропинкѣ придорожной, къ лѣсу въ золотисто-зеленыхъ кружевахъ осенней листвы.

Хорошо въ лѣсу осенью! Позваниваютъ такъ музыкально колокольчики почтовой пары. Вдали перекликаются бабьи и дѣвичьи голоса: грибы собираютъ. Вспомнилось далекое-далекое, грѣховное: охотился однажды съ ружьемъ и собакой въ своемъ лѣсу и наткнулся на молоденькую бабенку, кажется, — Лукерьей звали... Бойкая игривая такая бабенка! А въ лѣсу такая встрѣча въ юности всегда ко грѣху клонитъ. Прiостановился, разговорился и увязался... Тары-бары. „Не трожь!“ да „отцѣпись!“, а сама хитровато по сторонамъ оглядывается... А сэттэръ Арманъ поварчиваетъ. Можетъ, еще какого человѣка чуетъ?

— Вотъ увидятъ, срамъ-то какой!

Развѣ, когда закипитъ молодая кровь, можно охладить ее какими-нибудь словесными страхами?

Обнялъ и уронилъ на мягкiй бархатный мохъ. Но тутъ вышло смѣшное: сэттэръ Арманъ вообразилъ, что его хозяина обижаютъ, и бросился, съ злобнымъ намѣренiемъ впиться зубами въ обидчицу. Рветъ и мечетъ. Лай на весь лѣсъ...

Бабенка хохочетъ, смотря, какъ баринъ лупитъ

свою собаку. Побѣжала въ кусты. Собака за ней. Задыхаясь отъ волненія и злобы, Паня — (такъ тогда назывался Павелъ Николаевичъ!) — приложился и выстрѣлилъ въ своего Армана. Покружился онъ кольцомъ и растянулся въ судорогахъ...

Догналъ Паня бабенку. Теперь некому было помѣшать...

А потомъ, когда все кончилось, вернулся къ убитой собакѣ и долго сидѣлъ около нея, отирая непрошенныя слезы...

А было все это не меньше тридцати пяти лѣтъ тому назадъ!

Теперь уже и собаки не жалко. Хохотъ разбираетъ. А лѣсъ точно колдуетъ: вотъ точно такое-же мѣстечко показываетъ онъ Павлу Николаевичу въ глубинѣ своей, какъ и то, гдѣ все это случилось! Тропочка въ кусты частаго орѣшника, а тамъ точно шатеръ подъ золотой крышей и просвѣтъ въ солнечность, какъ окошко...

Крякнулъ Павелъ Николаевичъ и сладко потянулся, ощущая проснувшееся вожделѣніе...

Пріѣхалъ домой Павелъ Николаевичъ ночью. Для всѣхъ здѣсь его пріѣздъ оказался неожиданнымъ. Долго звонилъ, дергая за проволоку у воротъ. И опять сперва появилась дѣвка, а потомъ уже загорѣлся въ главномъ домѣ огонекъ. Ночь была безлунная, темная. Въ темнотѣ поплылъ звѣздочкой ручной фонарь и послышался переполохъ во дворѣ. Сипло залаялъ песъ. Сонная перекличка мужскихъ и женскихъ голосовъ. И вдругъ знакомый, когда-то такъ волновавшій Павла Николаевича, голосъ Ларисы:

— Спросите, кого надо!

Повелительный такой голосъ, хозяйскій.

— Лариса Петровна! Это я! Павелъ Николаичъ!

— Батюшки-матушки! Извините, я маленько пріодѣнусь хоть... Спать, было, улеглась... Радость-то намъ какая!.. Баринъ прибылъ! — пропѣла Лариса и смолкла.

Впустили, наконецъ, Павла Николаевича въ ворота и вотъ онъ дома...

Въ комнатахъ бѣготня, шопотъ, что-то перетаскиваютъ. Точно заговорщики. А онъ сидитъ гостемъ или просителемъ, приглядывается и прислушивается. Въ пріотворенную дверь глазъ схватываетъ мимолетныя видѣнія и, среди нихъ, мелькаетъ Лариса въ знакомомъ-знакомомъ мохнатомъ купальномъ халатикѣ, на распашку. Халатикъ узокъ и не вмѣщаетъ рвущихся на волю женскихъ прелестей. Ба! Да, вѣдь, это Леночкинъ халатикъ! То-то будто стараго знакомца увидалъ. На головѣ повязка изъ малиноваго шелковаго платочка, — и тоже знакомая...

— Я васъ, Павелъ Миколаичъ, и покормлю, и чайкомъ попою, а только маленько повремените... Сею минутою кабинетъ вашъ въ порядокъ приведемъ... — мимолетно бросаетъ Лариса въ пріоткрытую дверь и снова исчезаетъ.

— Я къ Гришѣ на хуторъ лучше пойду! — слышится гдѣ-то мужской грубоватый шепотъ.

Павелъ Николаевичъ поморщился, но, прислушавшись, догадался: это Ларисинъ отецъ!

Слышно было, какъ гдѣ-то переставляли мебель, позванивали тарелками и стаканами.

— На погребицу за сливками сбѣгай, Ариша!

Около часа просидѣлъ Павелъ Николаевичъ въ одиночествѣ, а потомъ дверь открылась и:

— Добраго здоровья, Павелъ Миколаичъ! Съ пріѣздомъ васъ! Вы ужъ меня извините: наскоро я пріодѣлась. Не обезсудьте! Мы люди — простые, деревенскіе, по ночамъ-то спимъ. Вотъ и задержали васъ тутъ. Пожалуйте-ка въ столовую...

Чертъ, а не баба! Сразу почувствовалъ то-же самое, что въ тѣ дни, когда впервые увидалъ эту женщину. Всѣ росточки неудовольствія на безцеремонное хозяйничанье въ главномъ домѣ этой бабы сразу за-

вяли подъ ея лукавыми глазами и пѣвучимъ, густымъ какъ сладковатая брага, голосомъ... Сразу точно хмѣль забродилъ и въ головѣ, и во всемъ тѣлѣ. А, вѣдь, Павлу Николаевичу шестой десятокъ идетъ!

Оглядывается по сторонамъ, думаетъ, что вотъ сейчасъ выглянетъ братъ Григорій. Только растрепанная и заспанная дѣвка носится, подавая всякую всячину. На столѣ — скатерть, самоваръ, булочки, яичница-глазунья, графинчикъ пузатый и рюмочка тонконогая.

— Иди съ Богомъ спать! Теперя сами управимся...

Исчезла и дѣвка...

— А гдѣ братъ?

— Гришенька на хуторѣ. Тамъ, вѣдь, тоже хозяйство. Вотъ и разрываемся. И здѣсь страшно безъ человѣка домъ бросить, да и тамъ доглядка нужна. Очень много всякого озорства въ народѣ развелось! Когда одна, а когда съ папашенькой своимъ здѣся ночуемъ. А то Ваньку беру. Одной-то въ такомъ дому́ тоже какъ-то боязно. Во флигеляхъ-то я боюсь: тамъ кто-то ночью по подволокамъ ходитъ. Въ одномъ-то Никиту доктора́ рѣзали. А другой замѣсто амбара сдѣлала. Разворотили у насъ амбары-то. И сейчасъ безъ дверей стоятъ...

Начались разсказы о разныхъ пережитыхъ ужасахъ: какъ мужики имѣнье грабили, какъ ихъ драли потомъ, какъ убили въ паркѣ... ужъ неизвѣстно—кого...

— Теперь и въ сады боюсь, какъ стемнѣетъ, ходить. На хуторъ кругомъ бѣгаю... По ночамъ, сказываютъ, убитый-то господинъ по дорожкамъ ходитъ...

— Э, сказки все это, Лариса Петровна!

— Ужъ не знаю... А только я по ночамъ пугливая. Дай мнѣ тысячу рублей, чтобы сейчасъ на Аленкинъ прудъ сбѣгать, — не соглашусь! А вы кушайте, поди съ дороги-то хочется...

Подливаетъ въ тонконогую рюмку водочки.

— Выкушайте-ка на доброе здоровье!

— Я уже выпилъ двѣ...

— Безъ Троицы домъ не строится!

— Одному скучно. Не съ кѣмъ чекнуться... Если выпьете со мной, тогда...

— Непьющая я. Да ужъ ладно! Со свиданьицемъ можно одну...

Начала, было, Лариса Петровна о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ говорить, но Павелъ Николаевичъ сказалъ:

— Потомъ объ этомъ поговоримъ. Не хочется сейчасъ... Лучше еще по рюмочкѣ выпьемъ! Безъ четырехъ угловъ домъ не строится...

— Я вамъ, Павелъ Миколаичъ, въ кабинетѣ постель-то приготовила.

— А гдѣ вы... расположились?

— Когда ночую, такъ въ спальной...

И тутъ у Павла Николаевича зашевелилась въ душѣ странная смѣсь ощущенiй: оскорбленiе семейнаго святилища, ревнивая подозрительность и грѣховная мысль о нѣкоторыхъ возможностяхъ...

Въ ихъ спальной — двѣ кровати. Съ кѣмъ она тамъ?.. Нарядилась подъ Леночку послѣ купанья, спитъ въ ея постели, разыгрываетъ „барыню" и неизвѣстно, кто тамъ по ночамъ играетъ роль „барина"...

— А почему-же братъ Григорiй не живетъ здѣсь... съ вами? Хотя-бы ночевать-то могъ-бы приходить... чтобы вамъ не страшно было... Да и повеселѣе-бы вдвоемъ-то было...

— Да, вѣдь, какъ говорится, Павелъ Миколаичъ, хотя врозь-то и скучно, да вмѣстѣ-то тѣсно!.. Тоже и хуторъ безъ надзора бросать невозможно.

— Ну, тѣсно! Тамъ двѣ кровати...

— Да я не про то... Просто сказать, — оно спокойнѣе, врозь-то...

Разговоръ принялъ игривой оттѣнокъ. Выпитая обоими водочка помогала этому.

— А я вотъ не люблю одинъ спать...

— Что-же супругу-то не взяли? Пріѣдетъ она къ вамъ или... какъ будетъ?

— Нѣтъ. Поздно ужъ, къ зимѣ дѣло идетъ. Некому здѣсь, кромѣ васъ, Лариса Петровна, обо мнѣ позаботиться...

— Что-же, я готова для васъ постараться... Одному мужчинѣ безъ женщины, конечно, трудно. Безъ хозяйки, какъ говорится, и домъ — сирота...

Павелъ Николаевичъ настраивался все болѣе игриво и блудливо:

— Эхъ, Лариса! Кабы мы съ вами такъ годковъ на двадцать пораньше встрѣтились!

— А что тогда было-бы? — спросила не безъ кокетства Лариса, сверкнувъ масляными взоромъ и зубами въ хитроватой улыбочкѣ, шевельнувшей красныя губы.

— Что было-бы?... А вотъ что со мной случилось однажды во дни молодости...

— Что вамъ о молодости-то плакать? Вы въ полномъ, можно сказать расцвѣтѣ...

Павелъ Николаевичъ разсказалъ про Лукерью и про убитаго имъ сэттэра Армана. Лариса Петровна выслушала разсказъ съ опущенными глазами, очень серьезно и, вздохнувши, тихо сказала:

— Бываетъ всяко, Павелъ Миколаичъ... Случается, что и человѣкъ въ родѣ какъ собакой дѣлается... Силенъ въ насъ грѣхъ-то прародительскій!

И тутъ Лариса призадумалась и неожиданно перешла на дѣловой тонъ:

— Вотъ что, Павелъ Николаичъ... Непріятность у насъ большая. Посовѣтоваться съ вами хочу...

Но тутъ часы пробили 12 и Лариса оборвала:

— Завтра ужъ видно поговоримъ. Поздно ужъ. Полночь. Обоимъ намъ спать пора..

Она встала.

— Посидимъ еще маленько, Лариса! Выпьемъ еще по рюмочкѣ!..

— Не могу, Павелъ Николаичъ, увольте!.. Я пойду ужъ... Вамъ все тамъ, въ кабинетѣ, приготовлено: и постелька, и свѣчка поставлена, все какъ слѣдуетъ...

— Скучно мнѣ что-то, Лариса Петровна, въ сиротствѣ-то моемъ...

— Что дѣлать, Павелъ Николаичъ?.. Терпѣть надо.

Протянула руку. Павелъ Николаевичъ не выпускаетъ ея руку и тянетъ къ себѣ. Вырвала руку и ушла...

Посидѣлъ, съ досады хлопнулъ еще двѣ рюмки, и бѣсъ похоти окончательно осѣдлалъ посѣдѣвшаго уже человѣка. Обманывая самаго себя, Павелъ Николаевичъ взялъ свѣчу и пошелъ осматривать комнаты. Конечно, подъ этимъ осмотромъ таилась задняя мысль — какъ-нибудь очутиться въ спальной комнатѣ. Въ щелку двери изъ спальни льется свѣтъ. Не спитъ еще. Заглянулъ однимъ глазомъ: сидитъ въ креслѣ и плететъ косы. Купальный халатикъ совершенно распахнулся и богатырская грудь выглядываетъ, приподнимая рубаху съ кружевцами.

— Кто тамъ ходитъ?

— Вы не легли еще?

— Собираюсь ужъ, Павелъ Николаичъ. А вамъ что угодно? Надо что-нибудь, что-ли?

— Вы хотѣли посовѣтываться со мной о какомъ-то дѣлѣ?

И, не дождавшись отвѣта, онъ растворилъ дверь.

Былъ моментъ смущенія съ обѣихъ сторонъ, но они потушили его дѣловымъ тономъ.

— Завтра своими дѣлами придется заняться, а сейчасъ могу выслушать и...

Запахнувши халатикъ, Лариса вздохнула и сказала:

- Что-же, коли пришли, такъ присядьте... Стыдно

мнѣ васъ своими непріятностями безпокоить, да что сдѣлаешь?

Павелъ Николаевичъ быстро обвелъ взоромъ комнату. Постель, на которой спала его Леночка, приготовлена для спанья: взбиты подушки, отворочено одѣяло. Его постель въ полномъ порядкѣ, нетронута. Все тутъ такъ знакомо, близко... И въ добавокъ — весьма знакомый халатикъ. Такъ и потянуло въ свою кровать! Раздѣлся и легъ-бы!

— Такъ въ чемъ дѣло, Ларисочка? Я радъ вамъ помочь, если сумѣю. Вы вѣдь, знаете, что я всегда былъ къ вамъ расположенъ...

— Очень вамъ благодарны. И я скажу вамъ, что изо всего дома этого вы для меня самый пріятный человѣкъ... А дѣло у меня очень непріятное...

Стала разсказывать.

Попалъ въ ихъ „корабль" (общину) одинъ человѣкъ, писарь при волостномъ правленіи, въ довѣріе влѣзъ. Да воспылалъ грѣховной страстью къ Ларисѣ и началъ грѣха добиваться. А та воспротивилась. Тогда писарь сталъ грозить, что все начальству раскроетъ.

— Что-же, говорю, Іудой будешь?

Возненавидѣлъ онъ Ларису и сдѣлалъ доносъ, будто она и кощунствуетъ, и развратничаетъ, мужчинъ своими тѣлесами одурманиваетъ и тѣ деньги ей несутъ и подарки разные...

— А нашъ попъ и радъ. Онъ давно зубы на насъ точитъ... Сказываютъ, что и доносъ-то вмѣстѣ писали. И чего только въ этомъ доносѣ нѣтъ!

— Сядемъ рядкомъ и поговоримъ ладкомъ!

Павелъ Николаевичъ подсѣлъ къ Ларисѣ.

— Вы ужъ, голубушка, будьте со мной вполнѣ откровенны. Говорите мнѣ, какъ духовнику на исповѣди, и повѣрьте, что весь этотъ разговоръ останется между нами... Вотъ, напримѣръ, относительно одурманиванія

мужчинъ. Что дѣйствительно правда и что ложь въ этомъ доносѣ? Иначе и совѣтъ трудно дать...

Лариса смущенно опустила голову, щеки ея зарумянились, на губахъ стала шевелиться странная улыбочка.

— Что Господь сотворилъ Адама и Еву, — я непричинна. Я вамъ ужъ говорила, что любовь въ Духѣ мы за грѣхъ не считаемъ. А если такъ, какъ всѣ звѣри дѣлаютъ, отъ этого отвергаемся. Надо, Павелъ Николаичъ правду сказать: мужчинѣ труднѣе отъ звѣринаго-то отстать, чѣмъ женщинѣ. Я вотъ во всѣхъ мужчинахъ братцевъ вижу, а не всякій братецъ можетъ себя отъ звѣринаго освободить. Сперва-то каждый женской плоти рабствуетъ. Пріучить надо такого, чтобы звѣрь-то въ немъ замолчалъ. Вотъ такого и приходится испытывать, да учить. Это не развратство, а искушеніе. Испытаніе дѣлается: братъ онъ своей сестрицѣ, женщинѣ, или женщину выше чувствуетъ?

Лариса смущенно замолкла. Она искренно выворачивала свою душу передъ Павломъ Николаевичемъ, а тотъ искусно разыгралъ того іезуитскаго жирнаго монаха, который, сгорая отъ похотливаго любопытства, выспрашиваетъ молодую женщину о всѣхъ подробностяхъ свершеннаго ею грѣхопаденія. Однако свершаемая пакость искусно и незамѣтно для самого Павла Николаевича прикрывалась нейтральною хламидою юридическаго анализа...

— Скажите мнѣ прямо: съ тѣмъ человѣкомъ, писаремъ, который донесъ на васъ, вы жили, какъ женщина съ мужчиной?

— Нѣтъ. Онъ былъ еще на испытаніи и въ Духѣ не ходилъ... Не я, а самъ себя онъ одурманивалъ... Раза три былъ онъ у меня на испытаніи и завсегда въ немъ звѣриное обнаруживалось.

— Ну, а въ чемъ-жс заключались эти испытанія?..

Лариса тяжело такъ вздохнула:

— А вотъ мы съ вами теперь сидимъ во полунощи и нѣтъ чужихъ глазъ. Разя это не испытаніе? А вотъ, если-бы вы меня сейчасъ въ наготѣ зрили, развѣ это не испытаніе было-бы? Разныхъ степеней бываютъ испытанія.

— Скажу вамъ прямо, Лариса: я не выдержалъ-бы такого испытанія...

Похлопалъ ее по плечу.

— Трудно оно, сестрица!.. Если у писаря не было никакихъ свидѣтелей, то лучше на допросѣ отрицать эти испытанія...

— Какіе-же свидѣтели! Дѣйствительно, сто цѣлковыхъ онъ внесъ въ нашъ корабль. Такъ мы-бы ему теперь и пять сотенъ отдали, только-бы отъ грязи этой ослобониться... Я думаю такъ, что человѣкъ этотъ подкупленный... начальство его подослало съ попомъ...

— Есть у меня такой адвокатъ, Ларисса, который вамъ полезенъ будетъ. Я съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Съ нимъ надо поговорить...

Опять тронулъ горячее плечо Ларисы:

— Ну, вотъ и искушеніе...

Подхватилъ подъ руку, нагнулся и притянулъ къ себѣ.

— Что съ вами?.. Не надо...

Откинулъ голову Ларисы и сталъ цѣловать въ губы.

Она не противилась ни поцѣлуямъ, ни грубымъ касаніямъ. Только взволнованно дышала...

— Звѣрь ты, звѣрь.... шептала, закрывъ глаза... Опомнись!

Но Павелъ Николаевичъ былъ уже въ полной власти звѣря. Онъ потушилъ обѣ свѣчи и заперъ дверь.

Ночь такая темная, что и Ларисы не найдешь Спряталась.

— Все равно... Я тебя не выпущу...

— — — — — — — — — — — — — —

Потомъ Павелъ Николаевичъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ кабинета, полный самыхъ противорѣчивыхъ переживаній. Чувство побѣдителя, свойственное въ такихъ случаяхъ мужчинѣ, смѣнялось трусостью наблудившаго школьника и боязнью какихъ-то еще неосознанныхъ послѣдствій. Другая баба сама поняла-бы, что надо молчать, а эта... какая-то изступленная, бѣсноватая, страшная въ своемъ грѣхѣ...

— Эхъ чертъ меня дернулъ!..

Легъ и не могъ заснуть... Прикинулась святошей, а на дѣлѣ...

— Укусила, вѣдь... Самый подлинный звѣрюга!..

То смѣялся, то трусливо затихалъ, мысленно спрашивая кого-то, что теперь дѣлать? Не уѣхать-ли завтра утромъ?

VII.

По мѣрѣ все новыхъ и новыхъ неудачъ на войнѣ развивалось броженіе въ умахъ и душахъ всѣхъ сословій и классовъ населенія.

Политическая авантюра придворной камарильи, потребовавшая огромныхъ кровавыхъ жертвоприношеній со стороны народа, вмѣсто ожидаемыхъ лавровъ царю и отечеству, несла позоръ для Россіи, быстро роняя престижъ великаго и могущественнаго государства, оказавшагося вдругъ „великаномъ на глиняныхъ ногахъ".

Всю отвѣтственность за эту ненужную и позорную войну должны были принять на себя царь и правительство:

— Вы способны воевать только со своимъ народомъ!

Общее негодованіе смѣшивалось съ злорадствомъ. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!" — дѣлалось общимъ лозунгомъ. На улицѣ революціи чувствовался радостный праздникъ: тамъ тоже выкинули „пораженческій флагъ", съ надписью:

— Пораженіе нашей арміи и флота — самый лучшій и желательный выходъ изъ войны. Бросайте фронтъ и обращайте оружіе противъ самодержавнаго правительства, безнаказанно проливающаго народную кровь и раззоряющаго населеніе!

„Пораженчество“, какъ эпидемія, охватывало озлобленныя души.

Надо сказать, что оно имѣло свою логику. Ничто иное, какъ неудачи на войнѣ, дали на мѣсто жестокаго усмирителя и полицейскаго диктатора Плеве, князя Святополкъ-Мирскаго, который не только пересталъ усмирять, а началъ искать сближенія съ возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, рѣшилъ призвать къ дѣлу государственнаго управленія лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, что уже само по себѣ являлось осужденіемъ всей прежней политики.

Развѣ это не побѣда на внутренней войнѣ народа со своимъ правительствомъ?

А вотъ и еще одна побѣда: разрѣшено свыше устроить съѣздъ общественныхъ дѣятелей въ Петербургѣ! А давно-ли эти мечтатели о конституціи назывались зловредными крамольниками и подвергались всяческимъ гоненіямъ?

Какъ-же тутъ не радоваться собственнымъ пораженіямъ на войнѣ?

Въ воздухѣ запахло „политической весной“. Запѣли всѣ большія и малыя птицы: о свободѣ, братствѣ и равенствѣ...

Запѣли красногребенные пѣтухи, закудахтали курицы, засвистѣли соловушки, дрозды, застучали-задолбили дятлы и вознесся Горьковскій „Буревѣстникъ“, кружась надъ Россіей.

Этотъ весенній хмѣль кружилъ головы и пьянилъ души не только молодыя, но и старыя.

Павелъ Николаевичъ, напримѣръ, положительно переживалъ вторую молодость. Политическая весна вер-

нула его побѣдителемъ въ отчій домъ, гдѣ онъ, уже совершенно неожиданно для самого себя, одержалъ побѣду надъ Ларисой... Сперва испугался, но быстро освоился. Этому помогли тоже наши неудачи на позорной войнѣ и связанныя съ ними событія громадной общественной важности. Онѣ какъ-бы ставили крестъ надъ такими шалостями личнаго поведенія, какъ пикантный эпизодъ въ спальнѣ. Вѣдь, это — такой пустячекъ, о которомъ сейчасъ просто не стоитъ думать! И не все-ли равно: случится это только однажды или повторится нѣсколько разъ? Россія отъ этого не пострадаетъ. Вообще никакой трагедіи тутъ нѣтъ: это не изъ Шекспира, а изъ „Боккачіо"! Бѣсъ изгнанъ, значитъ,—можно и въ Петербургъ на съѣздъ конституціоналистовъ поѣхать!

На послѣднемъ сеансѣ въ спальной даже и этотъ пикантный анекдотъ получилъ политическій фундаментъ:

— Конечно, Лариса, все, что случилось, должно остаться между нами. А вы правы: мы мужчины, прежде всего звѣри!

Лариса облегченно вздохнула:

— Кромѣ Бога никто не узнаетъ. А Богъ проститъ, Павелъ Николаичъ. Вотъ теперь вы отъ власти-то плотской освободились, на мѣстѣ звѣринаго-то братское останется. Духовныя Очи открылись... Вы ужъ мнѣ помогите съ врагами-то ратоборствовать: съ попомъ да писаремъ-то! По братски-то...

— Непремѣнно.

Ларису безпокоилъ больше не этотъ случайный „грѣхъ не въ Духѣ", а доносъ Іуды.

Вотъ Павелъ Николаевичъ и успокоилъ женщину:

— Дѣло, Лариса, къ тому клонится, что Россія скоро освободится отъ всѣхъ угнетателей, политическихъ и религіозныхъ. И ни попъ, ни становой въ чу-

жую душу залѣзать не посмѣютъ. Вѣрь во что хочешь; молись, кому хочешь и какъ хочешь!

— Вотъ-бы хорошо! А то поглядите, что у насъ дѣлается. Вчерась про Серафима Саровскаго разговоръ у меня съ нашимъ дьячкомъ вышелъ. При народѣ было. Вотъ я и сказала, что у васъ, дескать, во святые-то его царь приказалъ произвести. А царь не Богъ, а и самъ грѣшный человѣкъ. А дьячекъ и говоритъ: какъ-же не святой, если по молитвѣ къ нему у насъ наслѣдникъ престолу родился? А я и посмѣйся! Во всѣ, говорю, дыры вы Бога-то суете! Съ дьяволомъ, говорю, Бога-то спутали. Отъ плотскаго грѣха, вѣдь, люди-то рождаются, отъ прародительскаго, а Бога подставляете, говорю. Вотъ тутъ дьячекъ и началъ кричать: за такія слова, говоритъ, тебѣ каторги мало... Донесу, говоритъ, на тебя, такъ вотъ и узнаешь, какъ нашего Бога и царя хулить! Прямо слова сказать нельзя...

— Мы отдѣлимъ церковь отъ государства. Всякъ сверчекъ знай свой шестокъ!

— И вотъ тоже про войну. Мы съ Григоріемъ Николаичемъ войну за грѣхъ почитаемъ и, коли человѣкъ спроситъ, не таимся. „Не убей!“ — значитъ, и воевать грѣхъ. А тутъ, въ Замураевкѣ, двое изъ нашихъ отказались на войну пойти, такъ ихъ арестовали, избили да еще судить будутъ.

— Это, конечно, насиліе надъ совѣстью человѣка! Это скоро кончится.

— Дай-то Богъ! А то столько этихъ гонителей-мучителей, что прямо и жить не даютъ...

— Скоро это кончится. Отвоюемъ свободу слова и совѣсти!

Приходилъ братъ Григорій съ отчетомъ, съ грудой всякахъ документовъ, росписокъ, тетрадочекъ. Голова Павла Николаевича была полна вопросами государственной важности, а тутъ надо было погружаться въ болото такихъ мелочей и дрязгъ, что становилось

тошно. Считай копѣйки, читай всякую ерунду, нацарапанную безграмотной корявой мужицкой рукой! Время ли заниматься такими пустяками?

— Бросимъ, Гриша! Не могу. Послѣ разберемся. Я вамъ вѣрю и... вообще не стоитъ тратить времени...

Получилъ отъ брата какія-то четыреста двадцать три рубля и восемьдесятъ девять копѣекъ, положилъ ихъ застѣнчиво въ боковой карманъ и сказалъ:

— По нашимъ временамъ я и этого не ожидалъ...

Пріѣзжали въ Никудышевку друзья и единомышленники, всегда радостные и возбужденные, съ самыми невѣроятными новостями, планами, надеждами, обсуждали, — что лучше: конституціонная монархія Англійскаго типа, или республика Американскаго, съ огромной властью президента?

Вѣдь, уже запахло конституціей: министръ Святополкъ-Мирскій подалъ царю докладъ съ проектомъ указа о различныхъ политическихъ вольностяхъ, о привлеченіи въ Государственный Совѣтъ выборныхъ представителей отъ народа, о дарованіи полной свободы вѣроисповѣданія!..

Прежде чѣмъ ѣхать въ „центры" для участія въ политической работѣ, необходимо было сорганизовать всѣ мѣстныя силы Симбирской губерніи, сговориться со всѣми насчетъ политической платформы.

Павелъ Николаевичъ, не распутавши запутанныхъ дѣлъ хозяйства, все бросилъ и сперва направился въ Алатырь, а оттуда въ Симбирскъ...

Только наканунѣ отъѣзда изъ отчаго дома онъ съ удивленіемъ увидалъ, что въ галлереѣ бабушкиныхъ предковъ неблагополучно: трехъ предковъ не хватаетъ! По разслѣдованію оказалось, что они похищены роднымъ сыномъ, любимцемъ Павла Николаевича, Петромъ...

— Однако! — произнесъ Павелъ Николаевичъ и, снявши со стѣны всѣхъ уцѣлѣвшихъ, заперъ ихъ въ своемъ кабинетѣ.

А дорогой, покачиваясь въ тарантасѣ, думалъ подъ звонъ колокольчиковъ о Петрѣ: талантливый шелопай! Чертъ его знаетъ, въ кого онъ уродился. Сдѣлалъ тутъ предложеніе дѣвицѣ Тыркиной и, не женившись, поѣхалъ добровольцемъ на войну, а предварительно укралъ три портрета. Получилъ Георгія и нынѣ, раненный, лежитъ въ великосвѣтскомъ госпиталѣ, въ Петербургѣ, и снова собирается жениться, на этотъ разъ на сестрѣ милосердія, дочери одного изъ царедворцевъ... Вмѣсто честнаго гражданина получился типичный авантюристъ! Полная неожиданность...

Павелъ Николаевичъ надолго скрылся съ Никудышевскихъ горизонтовъ...

Политическія событія держали Россію въ непрестанномъ возбужденіи. Шла война на двухъ фронтахъ, внѣшнемъ и внутреннемъ. На первомъ — съ явно клонившейся побѣдой на сторону японцевъ, на второмъ — на сторону враговъ самодержавія... Царь пребывалъ въ боязливомъ колебаніи, не рѣшаясь окончательно встать на ту или другую сторону, чтобы дѣйствовать быстро и рѣшительно. Онъ не могъ взвѣсить силы борющихся сторонъ. Гдѣ правда и гдѣ сила? Душа его трепетала въ смѣнѣ настроеній, рождаемыхъ совѣтами и угрозами обѣихъ сторонъ.

Въ ноябрѣ 1904 года онъ собралъ совѣщаніе министровъ и нѣкоторыхъ особо-приглашенныхъ высшихъ чиновниковъ для разсмотрѣнія доклада министра Святополкъ-Мирскаго съ проектомъ указа, отъ котораго пахло конституціей. Всего больше пугалъ царя въ этомъ докладѣ пунктъ, въ которомъ проектировались выборные люди, ихъ участіе въ законодательствѣ. Царь пожелалъ выслушать по этому вопросу... развѣнчаннаго имъ Витте!

Это указывало на полную растерянность государя.

Витте сказалъ откровенно: организованное участіе

выборныхъ отъ народа лицъ въ законодательствѣ есть несомнѣнный шагъ къ конституціи.

Большинство этого совѣщанія, уклоняясь отъ прямого отвѣта, все-таки поддерживало принципы доклада Святополкъ-Мирскаго о необходимости обновленія внутренней политики въ сторону соглашеній съ общественнымъ мнѣніемъ...

Царь искренно желалъ всякихъ реформъ только безъ конституціи!

И вотъ, нерѣшенный вопросъ, по желанію царя, очутился въ комитетѣ министровъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Витте. Мало того, царь поручилъ ему составить проектъ указа о реформахъ. Витте составилъ и подалъ государю этотъ указъ. Царь прочиталъ указъ и снова заговорилъ о страшномъ пунктѣ.

— Если, Ваше Величество, находите, что представительный образъ правленія для Васъ непріемлемъ, то, конечно, непріемлемъ и этотъ пунктъ, но если...

— Да я никогда и ни въ какомъ случаѣ, не соглашусь на представительный образъ правленія, ибо считаю его вреднымъ для ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа!

Страшный пунктъ былъ вычеркнутъ.

Все это происходило въ присутствіи великаго князя Сергѣя Александровича, экстренно прибывшаго изъ Москвы — спасать „самодержавіе, православіе и народность“ на помощь Побѣдносцеву. Вѣдь, выборные представители, возстановленіе какой-то попранной законности, новые законы въ пользу иновѣрцевъ и сектантовъ, проектируемая вѣротерпимость, все это почиталось ими за потрясеніе всѣхъ устоевъ государства.

И вотъ 12 декабря 1904 года появился, наконецъ, царскій указъ о грядущихъ реформахъ безъ пункта о выборныхъ отъ народа представителей и безъ упоминанія объ иноплеменникахъ.

Разочарованные конституціоналисты назвали этотъ указъ „конституціей безъ головы“... Враги всякихъ ли-

беральныхъ реформъ снова почувствовали себя именинниками.

Но прошло 10 дней и злорадо возликовала передовая интеллигенція: генералъ Стессель постыдно сдалъ крѣпость Портъ Артуръ японцамъ...

Политическія небеса нахмурились, со всѣхъ горизонтовъ поднимались грозовыя тучи.

И вотъ страшный громовый ударъ надъ столицей: „Кровавое Воскресенье 9 января".

Нельзя сказать, чтобы этотъ ударъ былъ въ Петербургѣ неожиданностью какъ для властей, такъ и для населенія, ибо еще наканунѣ по рукамъ и учрежденіямъ ходила копія письма рабочихъ къ царю:

> „Государь! Мы, рабочіе и жители Петербурга, наши жены, дѣти и престарѣлые родители, идемъ къ Тебѣ искать правды и защиты. Тутъ мы надѣемся найти послѣднее спасеніе. Не откажи-же въ помощи Своему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу! Разрушь стѣну, воздвигнутую между Тобой и Твоимъ народомъ! Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши нужды, онѣ направлены не ко злу, а къ добру какъ для насъ, такъ и для Тебя, Государь!"

Это письмо читали всѣ, кромѣ самого царя. И всѣмъ было извѣстно, что рабочіе пойдутъ съ иконами и хоругвями, чего, конечно, тоже не зналъ одинъ царь... Къ великому удивленію самихъ властей, это шествіе съ петиціей о передачѣ земли народу, о прекращеніи войны по волѣ народа, объ амнистіи по политическимъ и религіознымъ преступленіямъ, объ отвѣтственномъ министерствѣ и реформахъ въ рабочемъ законодательствѣ, исходило отъ тѣхъ самыхъ организацій, которыя, по плану субсидировавшаго ихъ правительства, должны были

служить департаменту полиціи, а не соціализму. Взлелѣяли, можно сказать, змѣю на груди своей!

И кто-же оказался во главѣ этого шествія? Священникъ Гапонъ, работавшій въ этихъ организаціяхъ по предложенію самой политической полиціи!..

Въ борьбѣ съ сектантами правительство давно уже пользовалось услугами служителей православной церкви. Покойный Плеве придумалъ употребить духовенство и на борьбу съ революціей. Для этой цѣли въ уставъ провокаторскихъ организацій полицейскаго соціализма Плеве ввелъ параграфъ, обязывающій принимать въ эти организаціи въ качествѣ членовъ-соревнователей полицейскихъ чиновъ и духовенство.

И вотъ священникъ Гапонъ, обслуживавшій религіозныя потребности рабочихъ Путиловскаго завода, попалъ въ члены-соревнователи.

Былъ-ли онъ подлиннымъ провокаторомъ, какъ напримѣръ, инженеръ Азефъ, самъ предложившій свои услуги департаменту полиціи?

Все поведеніе священника Гапона отрицаетъ это предположеніе. Скорѣе самъ онь былъ жертвой провокаціи съ одной стороны политической охраны, а съ другой — революціонеровъ.

Вѣрнѣе всего, — дѣло было такъ. Пригласили священника Гапона и предложили ему вступить въ организацію для религіозно-нравственнаго просвѣщенія рабочихъ. Что же, дѣло само по себѣ хорошее, и можетъ-ли священникъ отъ такого дѣла отказаться, особенно при той зависимости отъ гражданскихъ властей, въ которыхъ пребывало православное духовенство?

Не могъ отказаться.

Занявши роль просвѣтителя и проповѣдника христіанской морали, могъ-ли священникъ Гапонъ отрѣшиться отъ бесѣдъ о правдѣ и справедливости по отношенію къ труженику-рабочему? Если эта правда и справедливость принимала характеръ протеста, стихійный харак-

теръ, доносилъ-ли и выдавалъ-ли Гапонъ наиболѣе опасныхъ для правительства рабочихъ? Нѣтъ, не доносилъ. Революціонная волна подхватила самого Гапона и вынесла на свой гребень. Около Гапона появился сердечный другъ, революціонеръ Руттенбергъ, изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно имъ и была брошена въ рабочую среду мысль о демонстраціи и что при его помощи сочинена была петиція. Когда брошенная идея стихійно захватила рабочихъ, священникъ сдѣлалъ то, что онъ только и могъ сдѣлать: взялъ крестъ, иконы, хоругви и, придавъ демонстраціи смиреніе христіанскаго характера, самъ возглавилъ шествіе...

Только послѣ разстрѣла этого шествія съ крестомъ и иконами, священникъ Гапонъ и самъ превратился въ пламеннаго революціонера.

Вотъ какое письмо опубликовалъ Гапонъ послѣ „Кроваваго Воскресенія“.

„Съ наивной вѣрою въ тебя, какъ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего-же народа. Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей навсегда легла между тобой и народомъ. Нравственной связи со своимъ народомъ у тебя никогда уже не будетъ. Изъ-за тебя можетъ погибнуть Россія. Пойми это и запомни! Отрекись поскорѣе отъ престола, иначе вся кровь, которая прольется еще, падетъ на тебя и твоихъ присныхъ. Георгій Гапонъ.“

Большей услуги врагамъ самодержавія, чѣмъ это, устроенное властями „Кровавое Воскресеніе“, невозможно было и придумать,..

Собственноручно разстрѣляли и самодержавіе, и православіе.

Павелъ Николаевичъ Кудышевъ пережилъ это

страшное событіе въ Петербургѣ. Пережилъ и весь трепетъ его ожиданій, вмѣстѣ со своими единомышленниками. Среди нихъ были люди, которые метались въ безплодныхъ попыткахъ остановить ожидаемое шествіе рабочихъ ко дворцу. Волна уже поднялась и не могла не покатиться...

Еще наканунѣ вечеромъ, въ одномъ кружкѣ Павелъ Николаевичъ горячо спорилъ, предсказывая кровавый конецъ затѣи. Поссорился, между прочимъ, со своимъ пріятелемъ и бывшимъ секретаремъ, знакомымъ намъ Елевферіемъ Митрофановичемъ Крестовоздвиженскимъ, который былъ въ восторгѣ отъ плана идти къ царю съ крестомъ, иконами и хоругвями. Вѣдь, именно такой планъ онъ и самъ развивалъ когда-то во младости!

— Все духовенство должно подняться за Гапономъ, поднять хоругви и идти къ царю за поруганной правдой! Кто осмѣлится стрѣлять въ крестъ, иконы и служителей Христа на русской землѣ?

— Не принимая самъ участія въ этомъ шествіи, я считаю нечестнымъ толкать на это опасное предпріятіе рабочихъ! — попрекнулъ его сгоряча Павелъ Николаевичъ.

— Ну, вы не пойдете, а я пойду! — отвѣтилъ оскорбившійся Елевферій Митрофановичъ.

На другой день Елевферій Митрофановичъ вышелъ на улицу и болѣе уже не возвратился. Вѣроятно, былъ убитъ шальной пулей въ числѣ многихъ изъ любопытной публики, потому что, по справкамъ Павла Николаевича объ арестованныхъ, въ ихъ числѣ Крестовоздвиженскаго не оказалось...

Если-бы не упрекъ, брошенный Крестовоздвиженскому Павломъ Николаевичемъ, тотъ, вѣроятно, не пошелъ-бы и остался живъ.

Къ возмущенію, которымъ горѣла душа Павла Николаевича, примѣшалось огорченіе и безпокойство на

совѣсти. Но ни жалѣть, ни самоугрызаться было некогда: надо было экстренно ѣхать въ Симбирскъ, откуда пришла телеграмма о смерти матери. Надо было сообщить объ этомъ сыну Петру, который поправился и героемъ, съ орденомъ Георгія на груди, скакалъ на рысакѣ по улицамъ Петербурга.

Павелъ Николаевичъ имѣлъ съ нимъ объясненіе по поводу украденныхъ предковъ и поссорился. Онъ почувствовалъ въ сынѣ политическаго врага. Съ тѣхъ поръ они болѣе не встрѣчались. Не хотѣлось Павлу Николаевичу и теперь видѣться.

Онъ написалъ сыну коротенькое письмо:

„Петръ! Я получилъ телеграмму о смерти твоей бабушки. Считаю долгомъ сообщить объ этомъ на тотъ случай, если-бы ты пожелалъ лично отдать послѣдній долгъ умершей. П. Кудышевъ".

Наташѣ онъ послалъ телеграмму: „умерла бабушка. Немедля выѣзжай Никудышевку.

Твой отецъ".

VIII.

И Никудышевку и барскій домъ завалило снѣжными сугробами. По утрамъ и вечерамъ эти сугробы дѣлались нѣжно-розовыми, днемъ блистали ослѣпительной бѣлизной и разрисовывались вышивками голубыхъ и фіолетовыхъ тѣней, а ночью казались серебряной парчею, расшитой жемчугомъ и алмазами.

Стояли морозы. Отчій домъ казался сказочнымъ замкомъ изъ мрамора, а окружавшій его паркъ — чудомъ волшебнаго искусства: онъ весь былъ въ тонкихъ затѣйливыхъ кружевахъ, сплетенныхъ дѣдушкой Морозомъ, и развѣшанныхъ имъ на деревахъ по случаю кончины бабушки...

Бабушку уже привезли и она лежала въ часовнѣ надъ фамильнымъ склепомъ, гдѣ покоились предки,

ожидая въ запаянномъ свинцовомъ гробу послѣдней печальной „ассамблеи“, чтобы проститься съ родными и друзьями по земному странствованію и уйти на вѣчный покой, гдѣ нѣсть ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная.

Бабушку привезли изъ Симбирска тетя Маша съ Ваней Ананькинымъ и Зиночкой. Тетя Маша чуть волочила ноги отъ горя и хлопотъ, и Ваня опять очутился распорядителемъ. Хотя онъ и старался изображать печаль на кругломъ румяномъ лицѣ своемъ, но это ему не удавалось и моментами трудно было думать, что онъ не на свадьбѣ, а на похоронахъ...

Во всѣхъ случаяхъ онъ былъ находчивъ, энергиченъ и жизнерадостенъ и теперь, строя для приличія печальное лицо, повторялъ мысленно:

Жизнью пользуйся живущій,
Мертвый мирно въ гробѣ спи!

Пріѣхала опечаленная Наташа, вся въ черномъ, похожая на прекрасную клирошанку изъ женскаго монастыря, изъ тѣхъ, на которыхъ невольно заглядываются молящіеся мужского пола, мгновенно забывая о всемъ небесномъ. Увидя ее, Ваня не выдержалъ тона и шепнулъ ей:

— Ты рождена для траура...

На другой день гналъ лошадей въ Никудышевку Павелъ Николаевичъ. Впереди мчался крытый возокъ и не давалъ обогнать себя. Павелъ Николаевичъ сердился и ругалъ невидимаго пассажира:

— Куда его чертъ несетъ?

Страшно удивился, когда этотъ возокъ подъѣхалъ къ воротамъ отчаго дома, и еще болѣе удивился, когда изъ него вылѣзъ статный офицеръ въ мохнатой папахѣ, оказавшійся сыномъ Петромъ.

Кивнули другъ другу головой и обмѣнялись пустыми словами:

— Пріѣхалъ?

— Конечно.

— Я не думалъ...

— Почему это?

Вечеромъ пріѣхали генералъ Замураевъ съ сыномъ, земскимъ начальникомъ Коко. Утромъ въ день похоронъ прибылъ Алатырскій исправникъ съ княземъ Енгалычевымъ. Попозднѣе купецъ Яковъ Ивановичъ Ананькинъ...

Вотъ и всѣ, кто пожелалъ проститься съ бабушкой. Леночка не могла пріѣхать: заболѣлъ любимчикъ Женя, пріѣхавшій въ Алатырь на каникулы. Не могъ пріѣхать и Машинъ мужъ, которому врачъ совѣтовалъ избѣгать всякихъ волненій, какъ радостныхъ, такъ и печальныхъ, и заниматься исключительно діэтой. Къ общему удивленію всѣхъ пріѣзжихъ, въ отчемъ домѣ хозяйничала на правахъ барыни Лариса и держала себя такъ непринужденно, что это бросало тѣнь подозрительности на Павла Николаевича. Больная тетя Маша махнула рукой и стушевалась. Павелъ Николаевичъ былъ настроенъ прескверно: онъ чувствовалъ себя въ отчемъ домѣ не только одинокимъ, но еще и какимъ-то неумѣстнымъ, постороннимъ человѣкомъ. Оно такъ и было: одинъ во вражескомъ политическомъ лагерѣ! Въ центрѣ событія въ домѣ — генералъ Замураевъ, исправникъ, князь Енгалычевъ, точно не они къ нему, а онъ къ нимъ пріѣхалъ нежеланнымъ и непрошеннымъ гостемъ на похороны собственной матери!

Петръ Павловичъ держался тоже такъ, словно пріѣхалъ не къ отцу, а къ генералу Замураеву. Демонстративно дружилъ съ земскимъ начальникомъ, расшаркивался передъ генераломъ, шептался съ исправникомъ. Наташа скрывалась въ своей бывшей дѣвичьей комнатѣ, избѣгала встрѣчъ и разговоровъ даже съ отцомъ, либо часами молилась въ часовнѣ, у гроба бабушки. Зиночка

помогала Ларисѣ въ подготовкѣ поминальнаго обѣда, подъ общимъ руководствомъ Вани Ананькина. Зиночка съ давно испорченнымъ любопытствомъ, направленнымъ въ дурную сторону, старалась хитрыми вопросами опредѣлить тайну отношеній между Ларисой и Павломъ Николаевичемъ; въ сущности она давно уже унюхала, что тутъ дѣло нечисто, но ей хотѣлось провѣрить свою догадку. Однако, тутъ какъ говорится, нашла коса на камень: не такъ проста, какой казалась, была и Лариса. Эта игра увлекла Зиночку, какъ спортъ, и она, забывъ о похоронахъ, пребывала въ пикантномъ настроеніи...

Застоналъ погребальный колоколъ. Испугалъ на мгновеніе всѣхъ живыхъ, напомнивъ имъ о скоротечности жизни, и всѣ длинной вереницею потянулись бѣлоснѣжнымъ паркомъ, по узенькой щели въ сугробахъ, къ фамильному склепу...

Часовня была маленькая и въ ней такъ было тѣсно, что пришедшія изъ деревни старики и старухи, пожелавшіе помолиться за старую барыню, которая ихъ лѣчила когда-то, топтались въ снѣгу. Наташа стояла у самаго гроба: она пришла сюда давно уже, а вотъ Павла Николаевича оттерли и прижали къ стѣнѣ, откуда можно было видѣть только спины политическихъ враговъ...

Никто въ часовнѣ не плакалъ. А вотъ бабы около часовни хмыгали носами и отирали рукавомъ глаза и носы...

Когда бабушку зарыли, священникъ съ дьячкомъ перешли на могилу Дмитрія. Это Наташа попросила отслужить по немъ панихиду. На ней присутствовали только сама она, и братья покойнаго, Павелъ и Григорій. Не остался даже Петръ, который демонстративно ускореннымъ шагомъ пошелъ прочь. А за нимъ поплелись и всѣ прочіе. На могилѣ Дмитрія оба брата отирали слезы.

Поминальный обѣдъ, устроенный подъ руководствомъ знатока своего дѣла, Вани Ананькина, былъ обильный и вкусный, смоченный разнообразными спирт-

ными напитками, которые всегда путешествовали вмѣстѣ съ Ваней. У него было даже шампанское и онъ, позабывши, что дѣло происходитъ на похоронахъ, началъ, было, раскупорку бутылокъ. Хорошо, что это случайно увидалъ Петръ и предупредилъ о неумѣстности. Засмѣялся и, похлопавъ дружески по плечу Ваню, сказалъ:

— Эхъ, идіотъ-же ты, Ванька! Вздумалъ на похоронахъ пить шампанское! Припрячь до времени. Послѣ выпьемъ...

Павелъ Николаевичъ и Наташа за поминальнымъ столомъ не присутствовали: скрылись безъ объясненія причинъ, онъ — въ своемъ кабинетѣ, она — въ дѣвичьей комнаткѣ.

А въ столовой было шумно и оживленно. Ѣли и пили съ большимъ подъемомъ и купецъ Ананькинъ, то и дѣло, вознося рюмку, произносилъ:

— Ну, господа, еще по единой за поминъ души Анны Михайловны! Хорошей души жилъ-былъ человѣкъ! Помянемъ-ка!

— Ну, господа! Всѣ тамъ будемъ. За новопреставленную рабу Божію! Всѣ помремъ, ваше превосходительство!

А потомъ и про бабушку забыли. Перешли на волнующія всѣхъ событія, заговорили о войнѣ и революціи, о „жидовскомъ министрѣ Святополкъ-Мирскомъ," котораго, слава Богу, государь погналъ ко всѣмъ чертямъ.

По иниціативѣ Петра выпили за здравіе генерала Трепова, бывшаго оберъ-полицеймейстера Москвы и любимца великаго князя Сергѣя Александровича.

Этотъ генералъ, котораго либералы называли „погромщикомъ по убѣжденіямъ и вахмистромъ по воспитанію", сдѣлался Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и поселился въ Зимнемъ дворцѣ, въ царскихъ покояхъ...

Павелъ Николаевичъ, удивленный радостнымъ гуломъ въ столовой, пріоткрылъ дверь, прислушался и

возмутился: не похороны, а побѣдный пиръ его враговъ! И гдѣ? Въ его домѣ...

Такъ-бы хотѣлось взять палку и всѣхъ выгнать!

— Посмотримъ, кто посмѣется послѣднимъ!—прошепталъ онъ и, сердито прихлопнувъ дверь, заперся на ключъ...

Но самое тяжелое и непріятное началось послѣ похоронъ, когда всѣ разъѣхались и новый снѣгъ замелъ всѣ слѣды враговъ.

Теперь посторонннхъ нѣтъ: Павелъ Николаевичъ со своими дѣтьми, Петромъ и Наташей, Григорій Николаевичъ, тетя Маша... Только вотъ Лариса и якутенокъ Ванька какъ-то нарушаютъ гармонію родственности.

Почему тетя Маша не принимаетъ браздовъ хозяйственнаго правленія въ отчемъ домѣ, а продолжаетъ распоряжаться Лариса, разыгрывая роль гостепріимной хозяйки? Спать она, правда, уходитъ на свой хуторъ, но часовъ съ шести утра уже опять на своемъ посту. Это всѣмъ кажется страннымъ, Наташу приводитъ въ смущеніе, а Петра злитъ и коробитъ.

Надо сказать, что Зиночка успѣла уже гримасками, мимолетными улыбочками и осторожненькими намеками заронить подозрѣніе въ душу Наташи и Петра...

Впрочемъ, Петръ настолько прозаиченъ въ „женскомъ вопросѣ“, что для него было достаточно уже одного факта: „Лариса ведетъ себя барыней“, а отсюда все ясно и просто: она — любовница отца.

Когда Павелъ Николаевичъ сидитъ за общимъ столомъ въ часы чаепитія и обѣда, онъ чувствуетъ устремленные на него взгляды дѣтей: то Наташи, то Петра. Иногда взгляды встрѣчаются. Тогда во взглядѣ Наташи — пугливый вопросъ, а во взглядѣ Петра — презрѣніе, а, можетъ быть, даже ненависть.

Однако, Павелъ Николаевичъ отлично владѣетъ своей физіономіей и ничѣмъ не проявляетъ смущенія.

Иногда пристальный взглядъ Наташи заставляетъ его заговорить съ ней, но разговоръ выходитъ натянутымъ. Такъ занимаютъ малознакомыхъ, а не близкихъ. Съ Петромъ совсѣмъ не бываетъ никакихъ разговоровъ.

Одна Лариса не испытываетъ никакого смущенія и натянутости, хотя Петръ прямо издѣвается надъ ней:

— Зачѣмъ, Лариса, вы навалили въ стаканъ сахару?

— А что? Неужели въ прикуску пить будете?

— У каждаго есть собственный вкусъ. Я, напримѣръ, пью совсѣмъ безъ сахара, но конечно, хорошій крѣпкій чай, а не бурду, отъ которой пахнетъ баннымъ вѣникомъ? Зачѣмъ вы кипятите чайникъ?

— А безъ этого онъ не распарится...

— Мы пьемъ чай непаренный!

— Просите чаю настойчиваго, а парить не велите! Отколь-же густотѣ-то взяться?

Не обидѣлась, только посмѣялась, сверкнувъ зубами. А улыбка такая пріятная, поддразнивающая.

— А скажите, Лариса, сколько вамъ лѣтъ? — пристаетъ Петръ.

— Съ Покрова тридцать четвертый пошелъ. А почему вы этимъ интересуетесь?

— Вы очень молодо выглядите. Какіе крѣпкіе у васъ зубы! Не дай Богъ, если укусите... (Тутъ Павелъ Николаевичъ прикрылся газетой).

— А что, разя по зубамъ мнѣ меньше лѣтъ выходитъ?

— По зубамъ только лошадиный возрастъ опредѣляютъ... Только вотъ нейдетъ къ вамъ эта косынка. Напрасно вы ее нацѣпили. Это совсѣмъ немодно.

— Мы свои вкусы наблюдаемъ. У насъ съ открытой головой не ходятъ.

— И декольтэ не носите? А вамъ оно очень шлобы... А хорошенькое колечко у васъ на пальчикѣ!

— Григорій Николаичъ подарили. Настоящій алмазъ въ немъ: стекло рѣжетъ...

— А румянецъ-то у васъ какой! Какъ зорька утренняя... Красота!

— Теперь ужъ какая красота! И половины того не осталось, что было въ дѣвкахъ.

— Недаромъ за барина замужъ вышли...

— Ну-съ, я пойду поработать — тихо произносилъ вдругъ Павелъ Николаевичъ, ни къ кому не обращаясь, и удаляясь изъ столовой.

„Вотъ какая ты гадина!“ — думалъ отецъ про сына.

Петръ держался нахально. Все дѣло въ томъ, что онъ былъ твердо увѣренъ, что бабушка оставила завѣщаніе въ пользу внуковъ, его и Наташи, а потому отчій домъ и все имѣніе принадлежитъ ему съ сестрой. Онъ не разъ слышалъ это обѣщаніе въ дѣтствѣ и теперь окончательно выяснитъ это дѣло. Выяснить необходимо до отъѣзда и распорядиться изгнаніемъ „этой хитрой бабы“ изъ отчаго дома и отстраненіи ея отъ дѣлъ по имѣнію.

Петръ уже заговаривалъ на тему о завѣщаніи съ Наташей, но та брезгливо морщилась:

— Я не хочу объ этомъ говорить... и думать.. Только что сохранили бабусю, а ты...

— А я долженъ выяснить, потому что у меня кончается отпускъ, я возвращаюсь на театръ военныхъ дѣйствій и долженъ самъ написать завѣщаніе...

— Ну, и дѣлай, какъ хочешь, а меня оставь въ покоѣ!..

И вотъ Петръ приступилъ къ выясненію. Однажды послѣ ужина онъ постучалъ въ дверь кабинета и спросилъ:

— Можно поговорить?

— Пожалуйста. Присядь!

Петръ не сѣлъ. Онъ началъ говорить, ходя по ка-

бинету и стараясь не встрѣчаться глазами съ отцомъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ — началъ Петръ послѣ паузы, предварительно вздохнувши:

— Мнѣ надо ѣхать... на фронтъ... въ дѣйствующую армію...

Пауза и вздохъ:

— Возможно, что меня ранятъ вторично болѣе серьезно или вообще... убьютъ.

Снова пауза, безъ вздоха:

— Между прочимъ, — я женился...

— Поздравляю.

— И жена моя уже въ интересномъ положеніи...

— Еще разъ поздравляю.

— Такъ вотъ... Отправляясь снова въ бои, я долженъ позаботиться о семьѣ и оставить... ну, гарантіи... завѣщаніе на случай смерти...

— Всего лучше обратиться къ нотаріусу...

— Да, конечно! Но я долженъ сперва выяснить свое положеніе... имущественное положеніе...

— Не понимаю, какъ я тутъ могу помочь?

— Дѣло въ томъ, что... Насколько мнѣ извѣстно, покойная бабушка оставила завѣщаніе въ пользу своихъ внуковъ... Такъ это?

— Бабушка писала нѣсколько завѣщаній и потомъ уничтожала ихъ. Послѣднее, какъ я узналъ въ Симбирскѣ, было сдѣлано въ пользу Симбирскаго Спасскаго монастыря, но и оно было ей уничтожено формальнымъ порядкомъ, еще два года тому назадъ. Никакого новаго завѣщанія послѣ смерти матери не осталось, и потому наслѣдниками по закону считаются дѣти, то есть я и Григорій...

— Странно!..

— Чего-же тутъ страннаго? — строго и сухо спросилъ Павелъ Николаевичъ.

— Вообще... въ нашемъ домѣ теперь много стран-

наго... — обиженно ухмыляясь, задумчиво произнесъ Петръ.

Взгляды отца и сына встрѣтились. Въ нихъ было обоюдное презрѣніе и ненависть.

— Ты что-же, подозрѣваешь меня въ сокрытіи завѣщанія? — Вставая съ мѣста, спросилъ Павелъ Николаевичъ повышеннымъ тономъ. — Я, братецъ, не воръ, никого въ жизни не обкрадывалъ и даже... портретовъ не воровалъ!

— Я просто хочу выяснить вопросъ... и сдѣлаю это въ Симбирскѣ...

Павелъ Николаевичъ почувствовалъ оскорбленіе и, ве владѣя уже собой, закричалъ:

— Вонъ изъ моего дома! Я не желаю больше тебя видѣть и... знать!

— Отлично.

Петръ вышелъ по военному, пристукивая и позванивая шпорами и, одѣвшись и наскоро уложивъ свой дорожный чемоданъ, ушелъ на хуторъ.

Въ домѣ воцарилась зловѣщая тишина. Внизу остался одинъ Павелъ Николаевичъ. Лариса ушла послѣ ужина, до ссоры. Тетя Маша и Наташа укрывались наверху и ничего не знали о ней.

Павелъ Николаевичъ долго обдумывалъ свое положеніе, ходилъ по кабинету и вдругъ рѣшительнымъ шагомъ направился на верхній этажъ.

— Наташа! Можно къ тебѣ? — спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, осторожно стукнувъ въ дверь.

Наташа писала кому-то письмо и вся была погружена въ эту работу. Она испуганно вздрогнула, услышавъ голосъ отца.

— Ты не легла еще?

— Нѣтъ...

Наташа торопливо сунула недописанное письмо въ ящикъ стола и отперла дверь:

— Что случилось? — спросила она съ тревогою, увидя необычное выраженіе на лицѣ отца.

— Хочу поговорить съ тобою... Ты знаешь, что сейчасъ произошло?

Павелъ Николаевичъ, съ дрожью въ голосѣ, разсказалъ о разрывѣ съ сыномъ.

— Можетъ быть и ты подозрѣваешь меня въ намѣреніяхъ ограбить своихъ дѣтей?

— Папочка! Милый, родной мой... что ты говоришь! Господь съ тобой!..

Наташа рванулась къ отцу, охватила его шею руками и расплакалась.

— Такъ ты мнѣ вѣришь? Вѣришь, что твой отецъ — честный человѣкъ?

— Папочка!

— Ну, спасибо и на этомъ! Хорошая ты у меня дѣвчурка... а вотъ братецъ твой... полная неожиданность!.. Ну, будемъ спать. Утро вечера мудренѣе...

Поцѣловалъ Наташу и, съ радостнымъ облегченіемъ на душѣ, направился къ лѣсницѣ...

Въ это время на хуторѣ происходило слѣдующее.

Обитатели его укладывались уже спать, когда сперва залаяла на дворѣ собака, а потомъ задребезжалъ звонокъ. Такого случая давно уже не бывало и поэтому тамъ перепугались. Лариса съ отцомъ начали что-то прятать, а Григорій, возжегши фонарь, пошелъ къ воротамъ. Посмотрѣвши въ „глазокъ“ и замѣтивъ блеснувшія пуговицы, Григорій представилъ себѣ урядника и потому весьма недружелюбнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну, что тамъ надо?.. Люди спятъ, а вы лѣзете! Чего нужно?

Узнавъ Петра, стоявшаго съ чемоданомъ въ рукѣ, Григорій удивился и сконфузился:

— Ты это, Петя? — Вѣдь, я думалъ, что — урядникъ... Что это ты?

— Можно, дядя, переночевать у васъ?

— Конечно, можно... Да что случилось-то?

— Расплевался съ батюшкой!

— Что такое? Ну, проходи... Запереть надо.

Лариса съ отцомъ прикинулись спящими, но, узнавши по голосу Петра Павловича, загорѣлись любопытствомъ и, слегка пріодѣвшись, всунулись въ комнату Григорія:

— Батюшки! Да никакъ Петръ Павлычъ? Такъ и есть!

— Ночевать къ намъ пришелъ! — пояснилъ Григорій. — Съ братомъ что-то не поладилъ.

Такъ любопытно, что и спать расхотѣлось.

— Я сейчасъ самоварчикъ раздую...

— Не надо. Не безпокйтесь, Лариса!

— Такой гость, какъ-же безъ самоварчика?...

Понемножку разговорились. Григорій, впрочемъ, больше слушалъ, а разговаривалъ старикъ Лугачевъ и Лариса съ неожиданнымъ гостемъ. Обѣ стороны хитрили, прикидываясь простаками. Обѣ побаивались другъ друга, понимая, что они не только чужды, а враждебны другъ другу рѣшительно во всемъ. Ларисѣ любопытно было узнать, изъ-за чего повздорили отецъ съ сыномъ, и правда-ли, что Наташа бросила законнаго мужа. Старику Лугачеву хотѣлось выпытать, какъ послѣ смерти бабушки подѣлятъ землю. А Петру хотѣлось осторожненько выспросить, неизвѣстно-ли хуторянамъ послѣдняя воля бабушки и что они вообще знаютъ о завѣщаніи старухи.

— Милые бранятся, только тѣшатся!—запѣла Лариса — Богъ дастъ помиритесь съ папашей. По пустякамъ все мы ссоримся... Гордость все наша! Папаша у васъ добрый человѣкъ и правду любитъ. Вы-ли его обидѣли, онъ-ли васъ, а только сыну передъ отцомъ стерпѣть надо..

— Да, вѣдь, какъ сказать? — началъ Лугачевъ поглаживая сѣдую бороду лопатой — вотъ земля-то

огромная, а намъ на ней все тѣсно кажется. Все никакъ подѣлить землю-то Божію не можемъ. А много-ли человѣку земли нужно? Вотъ мы на восьми десятинахъ живемъ и то, слава Богу, кормимся... Поди, покойница никого не обидѣла. Земли достаточно. Всѣхъ, поди, наградила... Изъ-за чего съ папашей-то повздорили?

— Такъ, изъ-за пустяковъ. Я говорю, что продать надо имѣніе, а отецъ не желаетъ...

У Ларисcы засверкали глаза и зубы:

— Правда-ли, на деревнѣ болтаютъ, что бабушка всю землю внучкѣ своей, Натальѣ Павловнѣ, оставила? Поди, не отниметъ она у насъ участокъ-то?

Теперь сверкнули глаза у Петра:

— Бабушка, дѣйствительно, имѣла желаніе оставить имѣніе внукамъ, а ихъ трое: Наташа, я и Женька.

— Ну, а какъ-же нашъ Ванька?

— Какой Ванька?

— Да сынокъ-то Дмитрія Николаевича? Круглымъ сиротой, вѣдь, остался. Неужели его обидите?

— А гдѣ онъ находится?

— Да вонъ, на сундукѣ спитъ! Поди, и нашего Григорія-то Николаевича бабушка не обидѣла? Какъ она въ своей духовной-то отписала?

— Въ томъ-то и дѣло, что завѣщанія-то... не обнаружено. Не знаете, кому она свои бумаги передала?

— Все должно быть у тети Маши. Ее спросите, она должна знать.

Опять мудро заговорилъ Лугачевъ:

— А если покойница никакой духовной не оставила, значитъ по закону дѣлить будутъ. Сыновьямъ останется. А отъ нихъ все одно: къ внукамъ-же потомъ отойдетъ. Папаша свою часть вамъ оставитъ... А что продать-бы лучше господамъ землю то, это вы, Петръ Павлычъ, правильно. Время такое для господъ: куй желѣзо, пока горячо! Сейчасъ, хотя и задешево, а мужики купятъ, а что впереди—неизвѣстно. Кабы ее, землю-то,

можно было въ карманъ положить да съ собой унести, — другой разговоръ, а ее въ карманъ не положишь.

— Да и мужики, вѣдь, тоже ее въ карманъ не положатъ! — хитровато улыбнувшись, замѣтилъ Петръ, пряча раздраженіе.

— Могутъ. Мужики могутъ! По горсточкѣ по карманамъ разберутъ. Не соберешь потомъ.

Тутъ хмуро заговорилъ Григорій:

— Я помѣщикомъ во всякомъ случаѣ не буду. Не желаю быть. Я свою часть мужикамъ отдамъ.

Лариса сверкнула глазами на Григорія:

— Прирѣзку взять надо? На Ванькину долю взять надо? Десятинъ двадцать все надо оставить, а остальное — пусть мужики берутъ!

— Хотѣлось-бы мнѣ съ тетей Машей поговорить, только итти туда, въ усадьбу, не хочется.

— Мы это дѣло наладимъ! — успокоила Лариса. Попрошу ее къ намъ зайти.

На другой день пришла тетя Маша. Не любила она Петра и согласилась только ради того, чтобы помочь дѣлу примиренія сына съ отцомъ, сама не зная еще, изъ-за чего они поссорились. Тема разговоровъ оказалась для тети Маши неожиданной и лишь сильнѣе вооружила тетю Машу противъ Петра.

— А-а, вотъ въ чемъ дѣло! При жизни бабушку свою бегемотомъ и крокодиломъ называлъ, а какъ померла, такъ наслѣдство пожалуйте! Я думала, что ты помириться съ отцомъ хочешь. Такъ мнѣ Лариса Петровна сказала. А оно вонъ что! Выходитъ, что и не отецъ, а опекунъ! Такъ, такъ... Не могу тебя порадовать. Какія были завѣщанія, всѣ на смарку пошли, недѣйствительными сдѣлались, а новаго сестрица не успѣла сочинить. Да и то сказать: если-бы и сдѣлала, такъ для тебя ничего пріятнаго отъ бабушкиной смерти не получилось-бы. Кабы Наташа за поляка не вышла, ей-

бы все досталось, а теперь... по закону: сыновьямъ: Павлу да Григорію...

Петръ злорадно расхохотался:

— Значитъ, — половина мужикамъ, а половина — на революцію? Отмѣнно устроила бабушка.

— Почему — на революцію?

— А чѣмъ-же, по твоему, занимается мой почтенный батюшка? На что употреблялись доходы съ имѣнія? Кто кормилъ и поилъ братцевъ-революціонеровъ? Чѣмъ занимался мой дядюшка, Дмитрій? Не охотился онъ, вмѣстѣ съ жидами, на императора Александра III? Благодѣтели человѣчества! Потомственные столбовые дворяне! Опора трона! Мы за царя и отечество кровь проливаемъ, а они нашимъ пораженіямъ радуются вмѣстѣ съ жидами... Съ такими надо „по закону“, только другому: есть такой! Государственной опекой надъ имуществомъ называется... И давно-бы слѣдовало съ Никудышевкой поступить именно по этому закону...

— Ну, счастливо оставаться, Петръ Павловичъ! — сказала тетя Маша и, сдѣлавши поклонъ, пошла къ выходной двери...

Григорій Николаевичъ все это слышалъ изъ своей комнаты, но терпѣливо просидѣлъ въ молчаніи.

— Григорій Николаевичъ! Мнѣ нужны лошади. Я долженъ ѣхать на фронтъ. Хотя вы тоже войну осуждаете, но я человѣкъ долга.

— Попросите у отца!

— У васъ есть лошадь? Мнѣ только до первой почтовой станціи, а тамъ...

— Пожалуй до станціи отвезу...

— Пожалуйста. И поскорѣе! — тономъ приказанія сказалъ Петръ.

Григорій повиновался и, спустя полчаса, они трусили на розвальняхъ по направленію къ Собакину, оба въ упорномъ молчаніи, чувствуя непримиримую враждебность другъ къ другу...

Рухнула послѣдняя скрѣпа „Отчаго дома“, бабушка, и какъ-то все вдругъ стало въ немъ расползаться по швамъ.

День былъ туманный, мглистый и, когда проѣзжали мимо, барская усадьба, въ уборѣ мохнатаго инея и въ осѣвшихъ на землю туманахъ, казалась воздушнымъ призракомъ зимнихъ сказокъ...

IX.

Говорятъ, что самая главная побѣда дьявола заключалась въ томъ, что люди перестали въ него вѣрить...

Главная побѣда революціи заключалась въ томъ, что русскіе цари перестали въ нее вѣрить.

Александръ II вѣрилъ въ возможность революціи и потому отвратилъ ея ударъ своевременнымъ освобожденіемъ народа отъ крѣпостного рабства.

Александръ III былъ увѣренъ, что съ разгромомъ „народовольцевъ“ революція стала невозможна.

До XX столѣтія и Николай II не вѣрилъ въ возможность революціи, въ чемъ ему усердно помогали слѣпые совѣтники, сановные льстецы и корыстные придворные авантюристы. Революція уже созрѣвала, а они не видѣли и въ нее не вѣрили... Царя убѣдили, что революцію стараются сдѣлать жиды да „безпочвенные мечтатели“ изъ интеллигенціи, но сдѣлать ея они не могутъ, потому что многомилліонный русскій народъ никакихъ свободъ не желаетъ, крѣпко вѣритъ въ царя и Бога и потому за этими „внутренними врагами“ никогда не пойдетъ; сама же по себѣ эта горсточка враговъ безсильна и вредна лишь для государственнаго спокойствія и опасна для жизни не только вѣрныхъ царскихъ слугъ, но и для самого государя... Но эта опасность — дѣло поправимое: имѣется Охранное отдѣленіе и Отдѣльный Корпусъ жандармовъ. Правда,

аппаратъ этотъ стоитъ народу большихъ денегъ, но за то даетъ возможность производить политическую дезинфекцію. Въ началѣ XX столѣтія появились даже въ этой области свои изобрѣтатели, Зубатовъ и Азефъ. Первый изобрѣлъ нѣчто въ родѣ „антисоціалдемократической сыворотки“, очищающей рабочее движеніе отъ соціализма и укрѣпляющей въ вѣрноподданичествѣ, а второй, Азефъ, изобрѣлъ нѣчто въ родѣ „антиэсеровской прививки“, дающей изобличающую реакцію на терроръ...

Весьма скоро, однако, правительству пришлось убѣдиться, что первое изобрѣтеніе приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы: „зубатовщина“ привела къ воинственнымъ забастовкамъ на собственныхъ казенныхъ предпріятіяхъ и завершилась Гапономъ, а второе изобрѣтеніе мало дѣйствительно, ибо не помѣшало террористамъ убить сперва миннстра Плеве, а потомъ великаго князя Сергѣя Александровича.

Тогда правительство еще и не подозрѣвало, что охранный изобрѣтатель Азефъ былъ палкою о двухъ концахъ.

Смертные приговоры дѣлались въ Парижѣ. Прокурорами были оскорбленные и униженные евреи: Гоцъ, Гершуни, Азефъ. Побѣдоносцевъ, Плеве и великій князь Сергѣй Александровичъ — были вдохновителями той внутренней политики, которая называлась „черносотенной“ и тормозила всѣ реформы, направленные къ свободѣ и равноправію племенъ и народовъ, населяющихъ Россійскую имперію, къ чему устремлялись помыслы и старанія и всѣхъ русскихъ „передовыхъ людей“...

Гершуни въ свое время устраивалъ покушеніе на Побѣдоносцева, но оно, не удалось. Азефъ помогъ убить и Плеве и великаго князя, пользуясь жертвеннымъ энтузіазмомъ молодыхъ людей: Савинкова, Сазонова, Покотилова, Каляева и другихъ.

Взрывъ бомбы, разорвавшей въ куски великаго князя Сергѣя Александровича, прозвучало новымъ предостереженіемъ близкой революціи.

Можно-ли было отвратить революцію?

Опоздали...

Оставался одинъ рискованный опытъ: самому правительству встать на революціонный путь и, быстро прекративши позорную войну, отдать землю народу...

Возможно, что будь на престолѣ Александръ III,— онъ не остановился-бы и передъ этимъ крутымъ поворотомъ. Могъ-ли слабовольный царь, терзаемый сомнѣніями и разрываемый противорѣчивыми совѣтами, пойти на такой шагъ?

Неудачи на войнѣ съ каждымъ днемъ приближали къ Россіи революціонную волну. Казалось, злой Рокъ неотвратимо гналъ страну въ объятія революціи...

Пятидневный ожесточенный бой подъ Мукденомъ, исключительный по количеству принимавшихъ въ немъ участіе войскъ, бой, на которомъ строились послѣднія надежды, окончился исключительнымъ позорнымъ пораженіемъ, какого еще не знала до сихъ поръ русская армія.

Небывалый въ исторіи позоръ!.. Колоссальная кровавая жертва... Во имя чего? Въ защиту лѣсныхъ концессій на Ялу, нужныхъ только статсъ-секретарю Безобразову?

Кто-же отвѣтитъ за этотъ позоръ и за рѣки пролитой народомъ крови?

Такіе вопросы назойливо лѣзли въ голову самымъ спокойнымъ и лойяльнымъ жителямъ Россійской имперіи.

Никто не отвѣтитъ. Отвѣтить некому!

На всѣхъ горизонтахъ сверкали молніи и ворчали львами громà приближающейся грозы...

Въ деморализованныхъ войскахъ, отступающихъ

въ безпорядкѣ къ Харбину, раздавался злобный ропотъ:

— За что помирать-то? Земли не даютъ, а ты за нихъ помирай!

Враги Россіи старались помогать нашей революціи, а интеллигенція любовно простирала къ ней руки вмѣстѣ съ революціонерами, ожидая отъ нея всякихъ свободъ. Соединившись, они работали, какъ друзья: въ Токіо издавалась революціонная газета на русскомъ языкѣ для распространенія среди нашихъ солдатъ въ плѣну и на фронтѣ... Вѣдь, соціализмъ — дѣло интернаціональное!..

Деньги давали японцы, а, можетъ быть, нѣмцы или англичане, а писали въ ней русскіе революціонеры. Въ госпиталяхъ, въ поѣздахъ, въ обозахъ наши мужики-солдаты, озлобленные неудачами, полуголодные и измученные, потихоньку читали эту газету, съ такими заголовками: „За что мы проливаемъ кровь?“ „Кому нужна эта война“, „Кровавый царь“, „Земля и воля народу!..“ И все тутъ было написано такъ просто и понятно, такъ убѣдительно для простого человѣка, необремененнаго никакими познаніями.

Какая благодатная почва для сѣятелей смутъ въ умахъ и душахъ народа! Какой толчекъ къ революціи въ спину народа¡

Потомъ всѣ эти читатели вернутся домой, разбредутся по деревнямъ, селамъ и городкамъ необъятнаго царства, вернутся въ раззоренныя или запущенныя свои хозяйства и будутъ повторять ту правду, которую они познали изъ японской газеты. А слушатели будутъ, одни — поддакивать: „вѣрно! правильно!“ а другіе, потерявшіе отцовъ или дѣтей, станутъ плакать и проклинать. Кого?.. Да всѣхъ невѣдомыхъ, которые затѣяли эту войну, непонятную и ненужную миролюбивому народу!

— Будь они прокляты, окаянные!

Бабій вой и причитанія о погибшихъ. Каждая слеза

бабья невидимо превращается въ камень за пазухой народа.

— Погодите: отольются вамъ наши слезы!

— Землю надо требовать... Можетъ, царь дастъ послѣ войны-то... Сколько народу погублено: заслужили ужъ, поди...

— Дожидайся! Царь-то за помѣщиковъ стоитъ. Больше какъ три аршина не получишь, чтобы аккуратъ для могилы хватило! — остритъ вернувшійся съ войны инвалидомъ солдатъ, почитавшій запретную газетку, да еще и матерное словцо броситъ...

И никто его не остановитъ...

Гдѣ-же недавній „земной богъ?..

Такъ въ деревнѣ, а въ городѣ — злоба и издѣвательство на улицахъ, въ трактирахъ и чайныхъ, на постоялыхъ дворахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Да и культурная публика въ такомъ-же настроеніи. Одно злорадство. Послѣ убійства великаго князя Сергѣя Александровича по Москвѣ носились крылатые нарочито сочиненные по сему случаю анекдоты. Вотъ одинъ изъ такихъ, радостно переходившій изъ устъ въ уста: ошарашенная разрывомъ бомбы уличная публика спрашиваетъ стоящаго у Кремлевскихъ воротъ полицейскаго:

— Кого это тамъ убили?

— Проходи, проходи! Кого надо, того и убили...

Или вотъ такія остроты:

При взрывѣ бомбы великаго князя разнесло въ куски во всѣ стороны. Окровавленные сгустки мозга находили на стѣнѣ ближайшихъ домовъ Кремля. И вотъ по Москвѣ понеслась кѣмъ-то выброшенная острота:

— Князь раскинулъ мозгами!

По городамъ происходили безпрерывные банкеты, на которыхъ выносились резолюціи съ требованіями и угрозами правительству.

Государь началъ сомнѣваться и временами бояться революціи. Испугалось вдругъ и правительство, и вся

„опора трона.“ Россія кипѣла подъ огнемъ политическихъ страстей, а новыя неудачи на войнѣ все подливали масла въ этотъ огонь: 15 мая погибла послѣдняя надежда окончить войну безъ особеннаго позора: въ Цусимскомъ бою погибла вся эскадра адмирала Рождественскаго...

— Долой войну и самодержавіе! — неслось во всѣхъ концахъ Россіи.

И ничего уже не могъ сдѣлать и генералъ Треповъ, превращенный царемъ изъ Московскаго оберъполицеймейстера въ Петербургскаго генералъ-губернатора и товарища министра внутренихъ дѣлъ, а въ сущности полноправнаго диктатора Россіи...

Царь принялъ депутацію земскихъ и городскихъ дѣятелей и терпѣливо выслушалъ ихъ представителя, профессора, князя Трубецкого, который уже прямо заговорилъ о конституціи:

— Россія ждетъ отъ Вашего Величества измѣненія основныхъ формъ государственнаго порядка, въ основу котораго ляжетъ привлеченіе представителей народа для участія въ законодательствѣ и управленія страною...

Правда, и тутъ царь промолчалъ, но и то было уже побѣдою, что онъ не назвалъ депутаціи „безсмысленными мечтателями“, какъ было въ началѣ царствованія.

Россія была уже побѣждена и президентъ американской республики предложилъ свои услуги для установленія перемирія.

Царь вспомнилъ о „красномъ министрѣ“ Витте, который совѣтовалъ еще въ 1898 году путемъ широкой реформы въ крестьянскомъ вопросѣ вытянуть почву изъ-подъ революціи и откровенно предупреждалъ, что война съ Японіей можетъ повести къ революціоннымъ взрывамъ.

Ему царь поручилъ заключить миръ съ Японіей, а министру Булыгину заключить наивозможно выгодный

для самодержавія миръ со своимъ народомъ: придумали такой парламентъ, чтобы выборныхъ представителей правительство выслушивало, а поступало по своему, не стѣсняясь этими разговорами...

Дума съ совѣщательнымъ голосомъ.

Быть можетъ, лѣть пять тому назадъ такой подарокъ съ высоты престола и былъ-бы принятъ, если-бы онъ былъ сдѣланъ добровольно, безъ долгой борьбы и жертвъ, но теперь народъ захотѣлъ самъ распоряжаться своей судьбою, а не ввѣрять ее такимъ случайностямъ, какою была Японская война.

На манифестъ о парламентѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса народъ отвѣтилъ небывалой еще на свѣтѣ всеобщей забастовкой: Толстовскимъ недѣланіемъ.

Остановилась вся жизнь въ столицахъ и за ними во всѣхъ городахъ имперіи. Перестали ходитъ желѣзныя дороги и трамваи, перестали выходить газеты, остановились почта и телеграфъ, заводы и фабрики, перестали торговать, погасъ свѣтъ и точно изсякли источники воды... Замерла жизнь на сушѣ и на водѣ... Страшная волшебная сказка!

Точно злой волшебникъ спрыснулъ Россію мертвой водою и она заснула... погрузилась въ летаргическій сонъ...

Спящая царевна!..

Павелъ Николаевичъ переживалъ эту волшебную сказку въ Москвѣ, гдѣ въ эти дни происходилъ съѣздъ конституціонно-демократической партіи, уже безъ всякаго разрѣшенія растерявшагося начальства, явочнымъ порядкомъ.

Павелъ Николаевичъ давно уже примкнулъ къ этой партіи.

Вся жизнь остановилась, а въ особнякѣ князей Долгорукихъ всѣ алчушіе и жаждущіе свободъ, парламента

и отвѣтственнаго министерства, неустанно работали надъ своимъ уставомъ.

Въ этой партіи сгруппировалась самая разношерстная интеллигенція, украшенная крупными именами земскихъ и общественныхъ дѣятелей, людей науки, литературы и всякихъ свободныхъ профессій, бывшихъ революціонеровъ въ родѣ Павла Николаевича, переставшихъ ловить журавля въ небѣ и желавшихъ получить хотя-бы синицу въ руки. Тамъ было много свѣтлыхъ умовъ, благородныхъ душъ и подлинныхъ патріотовъ. Это была русская „Жиронда", но еще больше людей, извѣрившихся въ утопіи соціализма, съ его раемъ для всего человѣчества. Немало, впрочемъ, было и такихъ, которые, хотя и шли съ флагомъ конституціи, но тайно исповѣдовали болѣе лѣвыя программы и шли сюда лишь изъ осторожности: увидимъ, молъ, какъ пойдетъ дальше эта заваруха! Такіе по секрету говорили знакомымъ:

— Я собственно много лѣвѣе, но...

И разводили руками или подмигивали.

Во всякомъ случаѣ эта партія называла революціонныя группировки „друзьями слѣва". Справа у ней были только враги. Никакихъ компромиссовъ съ „самодержавіемъ, православіемъ и народностью"!

Всѣ политическія свободы, законодательная власть, отвѣтственное министерство, широкая земельная реформа для крестьянъ, широкое законодательство по рабочему вопросу, превращеніе всѣхъ жителей, безъ различія религій и національностей, въ равноправныхъ гражданъ. А власть исполнительная да подчинится власти законодательной!

Таково знамя партіи.

Казалось, что больше и желать нечего. Но вотъ поди же! Въ теченіе многихъ поколѣній наша интеллигенція кормила свою душу идеалами соціальныхъ утопій, переходившихъ отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ. И такимъ, воспитаннымъ на красотахъ Ве-

ликой Французской революціи въ духѣ романтика Карлейля, наша революція все еще не казалась революціей:

— Помилуйте, да развѣ это революція? Заполучимъ „куцую конституцію“ и замолчимъ...

Такіе, спустя много лѣтъ встрѣтившись въ Москвѣ на съѣздѣ партіи, даже пугались и конфузились. Вѣдь, такъ много среди интеллигенціи было уже благополучныхъ россіянъ изъ бывшихъ утопистовъ соціализма!

Даже и самъ Павелъ Николаевичъ, встрѣтясь на съѣздѣ съ однимъ изъ своимъ спутниковъ по „Черному передѣлу“, какъ-то растерялся, точно его поймали на мѣстѣ неблагороднаго поступка.

— Скажите: вы — не изъ братьевъ Кудышевыхъ? Тѣхъ, которые... Одинъ по Чигиринскому процессу, другіе два по дѣлу 1 марта 1887 года...

— Я—Павелъ Николаевичъ. Старшій изъ братьевъ!

— Ба! Вотъ никогда не узналъ-бы!

Незнакомецъ назвалъ свою фамилію и смутилъ Павла Николаевича. Онъ не зналъ, поцѣловаться или нѣтъ съ другомъ юности, и какъ его называть: „ты или вы“...

— Вы въ партіи? Здѣсь?

— Да. А вы?

— А я просто изъ любознательности, — говоритъ бывшій другъ Павла Николаевича.

И вдругъ Павлу Николаевичу дѣлается стыдно: точно онъ измѣнилъ своему другу. Начинаетъ оправдываться:

— Я по своимъ взглядамъ много лѣвѣе, но что подѣлаешь? Безъ конституціи даже и въ республику не перескочишь, а не то, что въ соціализмъ!..

Обоимъ неловко и оба пользуются случаемъ, чтобы улизнуть другъ отъ друга.

Такъ вотъ, въ особнякѣ князей Долгорукихъ происходило засѣданіе.

Была полночь. Высокій колонный залъ освѣщался

стеариновыми свѣчами и тонулъ во мракѣ. Только кончили формулировку устава партіи, какъ въ моментъ общаго усталаго затишья кто-то истерическимъ гласомъ закричалъ:

— Слова!

Предсѣдатель сердито зазвонилъ, чтобы остановить нарушителя порядка, но тотъ вскочилъ на стулъ, замахалъ руками и, заглушая звонокъ и ворчаніе публики, еще громче прокричалъ, задыхаясь отъ волненія:

— Я изъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей"! Сейчасъ нами получена телеграмма изъ Петербурга! Вышелъ Высочайшій манифестъ! Всѣ свободы: совѣсти, печати, собраній, полная неприкосновенность личности, земельная и рабочая реформа... Словомъ — поздравляю васъ, господа, съ конституціей!

Собраніе нѣсколько мгновеній пребывало какъ-бы въ столбнякѣ. Потомъ раздались торжествующіе клики, мужскіе и женскіе, рукоплесканія. Словомъ — потрясающій моментъ побѣдной радости!

Принесли изъ редакціи текстъ Манифеста. Наступила гробовая тишина и предсѣдатель началъ чтеніе манифеста. Да, все вѣрно: „незыблемыя основы всѣхъ свободъ" и прочее.

Теперь уже не было никакихъ сомнѣній, и самъ предсѣдатель поздравилъ присутствующихъ съ конституціей. Загремѣло оглушительное ура. Многіе напоминали отъ радости буйно-помѣшанныхъ.

Бывшій другъ юности подскочилъ къ Кудышеву и они обнялись и крѣпко разцѣловались.

— Идемъ, братъ, идемъ! Душно что-то стало...

Они вышли на улицу и заговорили на „ты".

Была поздная осень. Ночь была тихая и ясная. Слегка морозило и тонкій ледокъ на лужахъ потрескивалъ подъ ногами на панели. Небо было все въ звѣздахъ и чудилось, что это не осенняя, а весенняя ночь подъ Свѣтлый Христовъ праздникъ. Тревожная сума-

тоха пряталась въ домахъ. Въ окнахъ загорались огни. На улицахъ начали появляться торопливые пѣшеходы и застучали колесами пролетки и кованными ногами рысаки. Показались люди стаями.

— Куда мы?

— А помнишь нашего друга Клеменца? Онъ сейчасъ въ Москвѣ. Къ нему!

Подходили къ памятнику Пушкина. Здѣсь сбилась толпа. Взлохмаченный ораторъ прилѣпился къ Пушкину и кричалъ, махая своей шляпой:

— Мы не продадимъ товарищей за эту конституцію! Только въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое! Да здравствуетъ вооруженное возстаніе!

— На какой чертъ теперь возстаніе? — произнесъ Павелъ Николаевичъ.

— А это, видишь-ли, директива изъ Швейцаріи отъ Ленина! — пояснилъ спутникъ.

Пришли и разбудили старика Клеменца. Поздравили, — не вѣритъ!

Но съ улицы доносился шумъ потянувшихся демонстрацій: однѣ пѣли „Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой“ и шли съ красными флагами. Другіе шли съ потретомъ государя и пѣли „Боже царя храни!“

Повѣрилъ, наконецъ, и старый революціонеръ Клеменцъ. Досталъ гдѣ-то вина и они упивались и радостью и виномъ.

А потомъ старикъ Клеменцъ заплакалъ:

— Эхъ, кабы воскресли всѣ повѣшенные, всѣ разстрѣлянные, сгноенные въ каторгахъ, въ тюрьмахъ, въ ссылкахъ!.. — шепталъ онъ сквозь всхилипыванія и потомъ декламировалъ революціоннаго поэта Якубовича:

О, сколько, сколько пало ихъ
Въ борьбѣ за край родной,
Отважныхъ, смѣлыхъ, молодыхъ,
Съ открытою душой!...

Что-жъ? Павелъ Николаевичъ имѣетъ право слиться теперь и въ радости и въ печали съ „друзьями слѣва“: вѣдь, и онъ приложилъ свою руку къ этой побѣдѣ, непрестанно воюя съ правительствомъ! Вспомнилъ брата Дмитрія и прослезился.

Такъ Россія завоевала себѣ парламентарную конституцію...

Говорятъ, что новый манифестъ сочинилъ Витте, безъ котораго царь никакъ не могъ обойтись, когда требовался умный государственный человѣкъ... котораго, къ ужасу придворныхъ сферъ и всей „опоры трона“, царь возвелъ въ графское достоинство...

Какой, въ самомъ дѣлѣ ужасъ: бывшій „красный жидовскій министръ“ превращенъ въ графа, который вынуждаетъ царя дать собственноручную подпись подъ смертнымъ приговоромъ самодержавію!

Что царская подпись подъ манифестомъ вырвана въ подходящую минуту у растерявшагося царя, — думала не одна придворная знать. Такъ утверждала и сама императрица...

А теперь не вернешь этой подписи: что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ!

Какъ-бы то ни было, а графъ Витте оказался тѣмъ волшебникомъ, который спрыснулъ омертвѣвшую царевну чудесной живой водою, послѣ чего все царство ожило, царевна очнулась отъ летаргіи и колесо жизни вновь завертѣлось...

Какъ океанъ послѣ грозы и бури, Россія не могла прійти въ политическое равновѣсіе и успокоиться, чѣмъ спѣшили воспользоваться какъ революціонеры, такъ и реакціонеры. Для тѣхъ и другихъ конституція была неріемлема. Для первыхъ нужна была соціалистическая республика, а не ограниченная слегка монархія, а для вторыхъ — возстановленіе стараго порядка, при которомъ они безконтрольно хозяйничали въ странѣ.

Для обѣихъ сторонъ успокоеніе разбушевавшейся

стихіи политическихъ страстей было невыгодно и они стремились раздувать огонь страстей. Въ мутной водѣ легче ловить рыбу.

Черносотенныя организаціи провокаціоннаго характера, подъ флагомъ „Союза истинно-русскихъ людей,“ усиленно изображали „гласъ народа — гласъ Божій,“ устраивали свои демонстраціи съ портретомъ царя, пѣли „Боже царя храни“, посылали телеграммы государю-императору съ мольбами и благословеніями твердо поддерживать „исконныя начала“, на которыхъ издревле стояла Святая Русь, и желали побѣды надъ всѣми врагами.

Это поддерживало въ царѣ духъ сомнѣнія и позднее раскаяніе въ сдѣланныхъ уступкахъ, возбуждало мысль о томъ, какъ-бы исправить сдѣланную ошибку, и чувство острой враждебности къ Витте, сочинившему манифестъ съ „незыблемыми основами.“ Революціонныя организаціи, исполняя приказъ Ленина, стремились къ „пермаментной революціи вплоть до вооруженнаго возстанія“, устраивали демонстраціи съ красными флагами и митинги съ соотвѣтствующими резолюціями.

Это помогало врагамъ новаго порядка запугивать растеряннаго царя, а кстати развязывало имъ руки въ толкованіи манифеста и безцеремонномъ отношеніи ко всѣмъ его „незыблемымъ основамъ...“

Сдѣлавшійся диктаторомъ генералъ Треповъ издалъ приказъ: „Патроновъ не жалѣть!“

Только три дня русскій человѣкъ побылъ свободнымъ гражданиномъ и всѣ „незыблемыя основы“ полетѣли кувыркомъ. Снова началось старое: разгоны, нагайки казацкія, разстрѣлы и... никакой неприкосновенности личности!

И волшебникъ, графъ Витте, сталъ казаться только ловкимъ фокусникомъ, который сперва сдѣлалъ фокусъ, приведшій всѣхъ зрителей въ шумное восхищеніе и заставившій ихъ повѣрить въ чудеса, а потомъ объяснилъ,

какъ просто эти чудеса дѣлаются, и зрители почувствовали не только разочарованіе, но и горькую обиду: точно назвалъ всѣхъ зрителей „дураками...“

Россія очутилась въ заколдованномъ кругу Дьявола: все, что происходило и что дѣлалось послѣ манифеста, — лило воду на мельницу революціонеровъ: теперь они могли убѣдительно кричать:

— Не вѣрьте царю и правительству! Не вѣрьте манифесту! Не вѣрьте никакимъ обѣщаніямъ буржуазіи! Только въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое. Да здравствуетъ вооруженное возстаніе!

Если генералъ Треповъ приказалъ „не жалѣть патроновъ,“ то другой генералъ, отъ революціи, Ленинъ, рѣшилъ не жалѣть рабочихъ и на крови ихъ сдѣлать первый опытъ соціальной революціи, избравъ для этого Москву...

X.

Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, столица возглавляла и развивала процессъ историческихъ событій, а провинція подражала ей. Революція въ провинціи и связанныя съ ней движенія борьбы общественныхъ силъ всегда маленько запаздывали, какъ и послѣдняя „мода...“ И не только запаздывала, а еще, тоже какъ мода, коверкалась по своимъ вкусамъ или лучше сказать — безвкусію.

И чѣмъ дальше отъ столицы и чѣмъ ничтожнѣе былъ городокъ, тѣмъ сильнѣе эта провинціальность сказывалась.

Такъ было въ городкѣ Алатырѣ.

Когда Симбирскій губернаторъ получилъ манифестъ, онъ былъ такъ пораженъ и обезкураженъ его содержаніемъ, что несразу повѣрилъ своимъ глазамъ. И чѣмъ онъ больше вчитывался, тѣмъ сильнѣе въ его душу закрадывалось сомнѣніе:

— Не подлогъ-ли со стороны революціонеровъ?

Но губернаторъ человѣкъ опытный и осторожный. Его на мякинѣ не проведешь. Прежде чѣмъ разрѣшить опубликованіе и чтеніе манифеста въ храмахъ Божіихъ, онъ рѣшилъ провѣрить и сдѣлать запросъ телеграммою: дѣйствительно-ли этотъ манифестъ исходитъ отъ правительства? А на это нужно время. Въ связи съ этимъ получилась задержка и во всей губерніи.

Въ Алатырѣ уже бродили слухи о конституціи, потому что Моисей Абрамовичъ Фишманъ, какъ членъ соціалъ-демократической партіи, большевикъ, тайно руководившій кружкомъ рабочихъ желѣзнодорожниковъ, получилъ уже и манифестъ и Ленинскія инструкціи, порадовалъ свободами и равноправіемъ своего папашу, мельника, Абрама Моисеевича, а тотъ, встрѣтивъ на улицѣ знакомаго, не безъ гордости спрашивалъ:

— Слышали о манифестѣ?

— О какомъ манифестѣ?

— Какъ! Вы не знаете, что вышелъ манифестъ о конституціи и теперь уже нельзя дѣлать погромы?

Ваня Ананькинъ гостилъ, а вѣрнѣе — застрялъ въ Алатырѣ вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки, и, прослыша о конституціи, неизвѣстно чему страшно обрадовался, забѣжалъ въ клубъ, — никто ничего не знаетъ, выпилъ и направился справиться къ исправнику. Исправникъ встрѣтилъ Ваню съ его вопросомъ болѣе, чѣмъ холодно:

— Возможно, что вамъ приснилась даже и республика, но я такихъ сновъ не вижу да и вамъ не совѣтую...

А на другой день исправникъ получилъ манифестъ и сопровождающее его бумагу отъ губернатора, но тоже не сразу опомнился и помедлилъ, рѣшивъ сперва посовѣтоваться съ жандармскимъ ротмистромъ и воинскимъ начальникомъ. А на это это тоже потребовалось время...

Мода въ столицахъ уже перемѣнилась, а потому въ секретномъ разъясненіи къ манифесту губернаторъ

предлагалъ исправнику, въ случаѣ волненій и безпорядковъ, поступать по всей строгости законовъ, примѣняя въ крайнихъ случаяхъ вооруженную военную силу.

Такимъ образомъ конституція въ городѣ Алатырѣ оказалась подъ надзоромъ исправника, жандармскаго ротмистра и воинскаго начальника.

Весь городъ пребывалъ уже въ лихорадочномъ возбужденіи по случаю конституціи, а она гдѣ-то застряла.

Наконецъ, проснувшись по утру 20 октября, жители услыхали малиновый звонъ большого соборнаго колокола, а выйдя на улицу, узрѣли на домахъ флаги, а на заборахъ — „Высочайшій манифестъ".

День былъ базарный и потому въ городъ съѣхалось много всякаго люда изъ окрестностей. Всѣ горожане высыпали на улицу. Интеллигенція металась отъ радости и революціоннаго восторга и наскоро совѣщалась объ устройствѣ торжественнаго засѣданія. У лавокъ, трактировъ и заборовъ, съ раскленными на нихъ манифестами, собирались толпы народа, тоже и на базарной площади, на пристаняхъ и у вокзала. „Парламенты съ совѣщательнымъ голосомъ" росли какъ грибы послѣ дождя, совершенно естественно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. И, конечно, вмѣсто тишины и спокойствія, былъ большой веселый праздничный шумъ, споры и ссоры по поводу совершившагося событія.

Читали манифестъ и спорили: конституція это или манифестъ? Крестьяне добивались узнать, какъ и что написано про землю, а толковые люди, по силѣ разумѣнія, объясняли. Въ соборѣ отецъ Варсонофій прочиталъ манифестъ съ амвона послѣ обѣдни и приказалъ трезвонить по Пасхальному.

Полиція и жандармы прохаживались по улицамъ, прислушивались, приглядывались и покрикивали:

— Ну, проходите, проходите! Не толпиться!

Появились, конечно, и пьяненькіе, которые ихъ задирали:

— Ничаво ты мнѣ теперь сдѣлать не можешь! Полная свобода царемъ объявлена.

На базарной площади, около бакалейной лавочки, скандалъ вышелъ.

Публика собралась: мастеръ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ манифестъ разъяснялъ и называлъ его конституціей. А тутъ потребовалось и конституцію объяснить: не понимаетъ публика.

— Теперь царь не можетъ все своей волей дѣлать и закона не можетъ постановить безъ согласья народа. Вотъ это и написано тутъ.

Послушалъ эти разговоры проходившій мимо надзиратель полиціи и крикнулъ:

— Что ты тутъ врешь, сукинъ сынъ? Про конституцію тутъ ничего не написано.

Мастеровой обидѣлся:

— Я сукинымъ сыномъ никогда не былъ. Моя мать — не сука, а человѣкъ, женщина. Можетъ, это у васъ мать — сука, а у меня...

— Ты у меня поговори, — я тебѣ морду набью!

— Руки коротки!

Надзиратель вскипѣлъ и развернулся, чтобы дать грубіяну по мордѣ, по старому способу, но мастеровой увернулся и, нырнувъ за спины другихъ, закричалъ:

— Граждане! Царемъ неприкосновенность личности объявлена, а полиція избить личность желаетъ!

Публика вступилась, не дала побить:

— Сукиныхъ дѣтей теперь нѣтъ въ Рассеѣ. Граждане теперь!

Подошелъ Ваня Ананькинъ:

— Въ чемъ тутъ дѣло?

Объяснили хоромъ. Ваня возмутился и потребовалъ составить протоколъ.

— А вы тутъ что за судья? — вызывающе спро-

силъ Ваню надзиратель. — Для порядка есть власти, а вы что такое?

Ваня началъ отчитывать полицію, а публика гогочетъ отъ удовольствія и поощряетъ Ваню. Подошла толпа рабочихъ. Возбужденіе возрастало. Надзиратель хотѣлъ удалиться, но толпа озорничала:

— Не выпускайте! Протоколъ надо на него составить!

Надзиратель выхватилъ изъ кобуры револьверъ, но его обезоружили.

— Къ исправнику его ведите! Пусть протоколъ составятъ, что въ людей хотѣлъ стрѣлять... Вотъ они что дѣлаютъ! Сволочи!

— На мирныхъ гражданъ оружіе обнажаютъ! Къ исправнику его, сукинаго сына!

— Я не отказываюсь. Ведите къ исправнику...

Повели къ исправнику. Вся улица побѣжала слѣдомъ, а по пути толпа любопытныхъ все росла и росла...

Видя, что Ваня Ананькинъ идетъ во главѣ, встрѣчная интеллигентная публика стала примѣшиваться къ толпѣ. Подмѣшивались мелкіе чиновники, прикащики, ребятишки съ матерями. Какой-то пьяный рабочій сорвалъ съ женщины кумачевый платокъ и привязалъ къ палкѣ: получилась демонстрація съ краснымъ флагомъ.

Подошли къ дому исправника, на крыльцѣ два стражника. Ваня вступилъ въ объясненія, потребовалъ, чтобы его пропустили въ квартиру исправника...

А народъ бѣжитъ и бѣжитъ со всѣхъ концовъ. Ваню, въ концѣ концовъ, допустили, но отобрали у него револьверъ, который принадлежалъ надзирателю и теперь долженъ былъ играть роль вещественнаго доказательства. Пропустили, но не выпустили и, можетъ быть, къ его счастью. Кончился этотъ пустякъ трагически.

Неожиданно растворились ворота дома и публика увидала во дворѣ солдатъ.

Вышелъ фельдфебель и крикнулъ:

— Расходись по домамъ! Если три раза прикажу, не разойдетесь, огонь открою!

Публика отвѣтила хохотомъ. Изъ толпы начали острить:

— Ахъ, ты Аника-воинъ!

— Второй разъ приказываю: разойдись!

— Не посмѣешь!

Третьяго предостереженія даже не замѣтили за шумомъ толпы. И вдругъ—залпъ изъ винтовокъ. Точно горсть гороху бросили на желѣзный листъ...

Толпа бросилась въ разсыпную, а на лужкѣ, противъ дома исправника, корчился въ судорогахъ босой мальчикъ лѣтъ десяти...

Мальчика подобрали и унесли... Ваню Ананькина вечеромъ выпустили. Его привлекли къ дѣлу въ качествѣ подстрекателя...

Такъ зловѣще началась конституція въ Алатырѣ...

Интеллигенція попыталась собраться въ залѣ городской думы для торжественнаго засѣданія, но появился исправникъ, съ нижними чинами, и предложилъ разойтись.

Возмущались, спорили, ссылались на Высочайшій манифестъ, обвиняли въ неповиновеніи Высочайшей волѣ, грозили:

— Вы за это отвѣтите!

— Хорошо. Потомъ отвѣтимъ, а сейчасъ потрудитесь разойтись или я употреблю военную силу!

Ворчали, называли кого-то „насильниками“, а конституцію—провокаціей, но пошли вонъ. Не было „вождя“.

Забѣгали въ бабушкинъ домъ справиться: когда пріѣзжаетъ Павелъ Николаевичъ, но тамъ и сами ничего не знали. Ни письма, ни телеграммы. Пропалъ безъ вѣсти. Въ домѣ стояла зловѣщая тишина, молчаливая печаль и тревога. Леночка бродила, какъ больная, только что перенесшая тяжелую операцію. Не спала по ночамъ

и все прислушивалась, не дрогнетъ-ли звонокъ въ передней. Она проклинала и революцію, и конституцію. Кто знаетъ: можетъ быть Малявочку убили, вотъ такъже, какъ убили мальчика на площади? Хорошо еще, что застрявшая вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки Наташа подбодряла Леночку, но и Наташа собирается уѣзжать въ Москву: театры начали работать...

Леночка молилась по ночамъ и въ молитвенномъ шепотѣ иногда прорывался стонъ безнадежнаго отчаянія:

— Малявочка!

А Малявочка крутился въ вихрѣ политическихъ страстей и „спасалъ конституцію, а, можетъ быть, даже и Россію“. Манифестъ отвоевали, а впереди — не пріятный отдыхъ на лаврахъ, а новая борьба, да еще на два фронта, ибо теперь — два врага: одинъ тянетъ Россію назадъ, къ возстановленію самодержавія, а другой толкаетъ въ омутъ соціальной революціи, которая погубитъ Россію.

Недавнихъ „друзей слѣва“ конституціоналисты стали бояться не меньше, чѣмъ враговъ справа.

Вотъ когда вспомнился Павлу Николаевичу погибшій идеалистъ и чудакъ, Елевферій Митрофановичъ Крестовоздвиженскій и его схема скрещенія двухъ прямыхъ въ точкѣ „З“...

Земля!

Побѣдитъ тотъ, за кѣмъ пойдетъ многомилліонный народъ, т. е. крестьянство. А онъ пойдетъ за тѣмъ, кто дастъ ему землю...

Ленинъ опирается на рабочій классъ.

Соціалисты-революціонеры на крестьянство.

Реакціонеры на всѣ силы старой Россіи.

А на что опереться демократической интеллигенціи?

Земля!

И вотъ начинается — спѣшная выработка широкой реформы для крестьянскаго землевладѣнія...

Павелъ Николаевичъ жертвенно стоялъ за отчуж-

деніе помѣщичьихъ земель: разногласіе въ партіи было лишь въ томъ, какое отчужденіе: съ выкупомъ или безъ выкупа?

Вотъ тутъ и столкнулись. У большинства не хватило жертвенности: постановили отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ.

Какъ только выяснился результатъ голосованія, Павелъ Николаевичъ взволнованно произнесъ:

— Вы совершили непоправимую ошибку! Народъ пойдетъ за соціалистами-революціонерами, которые обѣщаютъ мужикамъ землю даромъ, безъ всякихъ выкуповъ.

Кто-то изъ членовъ сострилъ:

— У нихъ земли не имѣется, а потому ничего не стоитъ подарить чужую!

Павелъ Николаевичъ разсердился:

— Теперь не до шутокъ. Дѣло болѣе серьезно, чѣмъ вамъ кажется... Мы останемся въ полномъ одиночествѣ...

Вздумалъ Павелъ Николаевичъ навѣстить своего отставного зятя, Адама Брониславовича Пенхержевскаго. Что-бы тамъ ни было, а вѣдь, друзья!

Хотя Адамъ Брониславовичъ встрѣтилъ его и любезно, но съ нѣкоторой растерянностью (онъ самъ отперъ дверь). Вдали слышался возбужденный споръ на польскомъ языкѣ, который какъ-то сразу оборвался.

— Я, кажется, не во время? У васъ — гости или?..

— Я васъ попрошу сюда, въ кабинетъ... Дѣло въ томъ, что у меня маленькое совѣщаніе...

Павелъ Николаевичъ понялъ, что наткнулся на „польскія тайны".

— Извиняюсь. Зайду послѣ...

Адамъ Брониславовичъ тоже началъ извиняться, раскланиваться и сожалѣть, но, видимо, былъ радъ, что гость уходитъ:

— Милости прошу завтра, часовъ такъ... въ пять

вечера. Намъ о многомъ надо поговорить, но наединѣ... Такъ до завтра!..

Адамъ Брониславовичъ отомкнулъ замокъ выходной двери, крѣпко пожалъ руку гостя и отворилъ любезно дверь...

На другой день Павелъ Николаевичъ выѣхалъ въ Алатырь.

XI.

Есть въ Финляндіи станція Мустамяки, а верстахъ въ пяти — окруженная сосновыми лѣсами, деревня Нейвола. Мѣсто историческое: здѣсь былъ рѣшенъ вопросъ объ устройствѣ вооруженнаго возстанія въ Москвѣ.

Политика стараго правительства, направленная къ покоренію автономной Финляндіи, превратила ее изъ лояльной и дружественной страны во вражескую — для правительства и дружескую для русскихъ революціонеровъ, сулившихъ національное самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія отъ государства.

Финляндія сдѣлалась удобнымъ этапомъ для всякихъ революціонныхъ съѣздовъ и свиданій.

У большевиковъ, помимо того, имѣлись здѣсь и нѣкоторыя спеціальныя удобства: завоеванный ими Максимъ Горькій снималъ въ деревнѣ Нейволѣ огромный домъ, гдѣ бывалъ лишь наѣздами, лѣтомъ и зимою. А другъ Ленина Врончъ-Вруевичъ имѣлъ собственную дачу.

Дача Врончъ-Вруевича прижималась къ лѣсу, стояла въ глубинѣ обнесеннаго высокимъ заборомъ и засаженнаго деревьями двора. Злой цѣпной песъ охранялъ ворота и своимъ лаемъ предупреждалъ объ опасности.

На этой дачѣ и укрывался пріѣхавшій изъ Швейцаріи Ильичъ.

Дѣло было глубокой осенью, когда всѣ дачники исчезли, дачи стояли заколоченными наглухо, а деревня,

уже засыпанная пышными сугробами, спала какъ медвѣдь въ берлогѣ.

Кому могло прійти въ голову, что подъ видомъ гостей къ Горькому съѣзжаются представители комитетовъ Москвы и Петербурга? И кому придетъ въ голову, что подъ видомъ столяра живетъ на дачѣ Вронча генералъ большевицкой дѣйствующей арміи?

А впрочемъ, если-бы Финляндскія власти и узнали объ этомъ, развѣ они стали-бы мѣшать? Конечно, они въ минуту опасности только помогли-бы своимъ друзьямъ скрыться.

Ночь. Спитъ въ глубокихъ снѣгахъ деревенька.

Спитъ лѣсъ въ кружевахъ мохнатаго инея. А домъ Горькаго свѣтится праздничными огнями: тамъ по случаю дня рожденія знаменитаго писателя съѣхалось множество гостей. Большой залъ, съ отесанными бревенчатыми стѣнами, напоминаетъ только что выстроенный и неоконченный еще постройкой вокзалъ, куда собралась публика для встрѣчи какого-то значительнаго лица. Говорятъ въ полголоса, всѣ озабочены, нетерпѣливо посматриваютъ на часы и перешептываются. Посреди зала длинный столъ, тоже какъ въ станціонномъ залѣ. Огромный самоваръ. Гора бутербродовъ. Подносъ со стаканами, блюдцами и чайными ложечками. Хозяинъ, высокій сутуловатый человѣкъ въ черной суконной блузѣ, опоясанной ремешкомъ, и въ высокихъ лаковыхъ сапогахъ, переходитъ отъ одной группы гостей къ другой, подергиваетъ жесткій рыжій усъ, посасываетъ его и больше слушаетъ, чѣмъ говоритъ. Онъ точно взвѣшиваетъ все время чужія слова и отдѣлывается кивками головы, остриженной подъ бобрикъ. Сегодня даже и самъ Горькій не въ центрѣ вниманія...

— Пришолъ! — бросилъ чей-то таинственный голосъ въ дверь зала, и все стихло. Появился Врончъ со сладенькой улыбочкой и румянцами на круглыхъ и пух-

лыхъ щекахъ, а за нимъ — невысокій сутуловатый человѣчекъ съ монгольскими глазами.

— Привѣтъ товарищамъ!

Общій поклонъ. Кое съ кѣмъ — за руку, два-три слова. Горькій и Врончъ неотступно сопровождаютъ Ленина, проявляя свою особенную близость къ нему какими-то интимными разговорами и улыбочками, отъ чего значительно выростаютъ во мнѣніяхъ окружающихъ.

— Товарищи! Садитесь за столъ. Оно удобнѣе, — предложилъ Горькій грубоватымъ голосомъ, напирая сильно на „о", какъ всѣ сѣверные волжане. — Можетъ, кому охота чаю выпитъ? Подходи и наливай! Мы сегодня безъ женщинъ.

Врончъ налилъ стаканъ чая и раболѣпно подставилъ усѣвшемуся рядомъ съ Горькимъ Ленину.

Ленинъ поболталъ ложечкой въ стаканѣ, глотнулъ чаю и началъ говорить сперва тихо, сипло, съ заминками, постукивая о столъ карандашемъ. Онъ объяснилъ, что заставило его экстренно пріѣхать: объявленная вторая всеобщая забастовка сорвалась, пафосъ революціи слабѣетъ, между тѣмъ какъ его необходимо всѣми силами поддерживать, чтобы захватить передовыя позиціи всѣхъ враговъ, какъ-бы они не назывались. Куй желѣзо пока горячо. А желѣзо раскалено до бѣла. У кузнечныхъ мѣховъ стоятъ черносотенные идіоты и раздуваютъ пламя. Революціонный пафосъ рабочаго класса долженъ быть поднятъ какими угодно жертвами, ибо надо ловить историческій моментъ. Онъ благопріятенъ въ небывалой степени...

Постепенно въ рѣчи Ленина исчезала косноязычность и паузы. Скрипъ голоса сглаживался плавностью фразъ и ихъ чеканной отчетливостью.

Точно тяжелый поѣздъ не могъ сразу двинуться отъ станціи, рвался толками, гремѣлъ буферами и сцѣпами, а потомъ пошелъ ровно, все быстрѣе и плавнѣе. покатился полнымъ ходомъ...

— Мы, товарищи, для даннаго историческаго момента использовали буржуазную оппозицію въ полной мѣрѣ. Она была на нашей тройкѣ пристяжкой и помогала рабочему классу сдвинуть съ мѣста и повалить самодержавіе. Теперь она уже не называетъ насъ „друзьями слѣва"! Какъ мы не долбили этимъ дуракамъ, что никогда ихъ друзьями не были и не будемъ, — они не соглашались... И только теперь спохватились въ своей оплошности!

Залъ наполнился самодовольнымъ смѣхомъ, но кто-то зашипѣлъ и снова водворилось молчаніе.

— И такъ мы съ оппозиціей Его Величества враги. Я не знаю, кто изъ насъ кому страшнѣе?

Снова смѣшки въ публикѣ.

— Кто кому еще понадобится? Эти враги безвредны, но кто знаетъ? — Возможно, что они и еще разъ пригодятся намъ. Вонъ Гоголевскій Осипъ изъ „Ревизора" воскликнулъ, увидя веревочку: „Веревочка? давай сюда, въ карманъ спрячу: и веревочка можетъ пригодиться!" Такъ покуда спрячемъ и мы эту веревочку въ карманъ!

Кто-то не удержался и, засмѣявшись, хлопнулъ въ ладоши.

— Тише, товарищи! Слушайте!

Ленинъ продолжалъ:

— Утопающій хватается за соломенку, а они... за собственную ногу! за свою земельную собственность! Однако буржуазная жадность мѣшаетъ имъ самооскопиться. Они соглашаются на эту непріятную операцію при справедливой оцѣнкѣ своей потери.

Намъ, товарищи, съ землей сейчасъ возиться некогда. Пусть вмѣсто насъ пока это дѣло дѣлаютъ идеологи мелкой буржуазіи, то есть эсеры! Отлично, что они бунтуютъ крестьянъ. Пусть этимъ дѣломъ командуетъ герой на роли министровъ земледѣлія, Владиміръ Михайловичъ Черновъ! Тоже весьма недурно, что они

бросаютъ бомбы; не будемъ завидовать, что не мы, а они убили Сипягина, Плеве и удостоились убить великаго князя. Пусть они и мужичкомъ займутся и доказываютъ имъ, что земля ничья, а Божья, и потому должна быть отобрана у помѣщиковъ и передана въ ихъ собственность!

— Господа, т. е. того... товарищи! Не смѣйтесь! Мѣшаете слушать... — огрызнулся Врончъ-Вруевичъ.

— Таковы въ общемъ соотношенія дѣйствующихъ силъ. Теперь — общій фонъ, на которомъ намъ приходится дѣйствовать.

Пафосъ революціи какъ будто снизился, но за то сильно скакнулъ вверхъ градусъ злобы, ненависти и затаенной мести на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Отъ верху до низу! Война и манифестъ обозлили недавнихъ друзей и, отыскивая виновныхъ, они клевещутъ другъ на друга, ненавидятъ другъ друга и пакостятъ другъ другу по силѣ возможности. Примѣры заразительны: и генералы начали бастовать! Въ пораженной арміи — озлобленіе. Въ университетахъ — озлобленіе. Въ деревнѣ — затаенное озлобленіе. Словомъ огромное скопленіе революціонной энергіи. Генералъ Треповъ, не жалѣя патроновъ, изъ каждаго кроткаго мѣщанина въ провинціальномъ городѣ устроилъ озлобленнаго недоброжелателя властей... Дѣло дошло до такого соціальнаго абсурда, что господа капиталисты, къ уничтоженію которыхъ мы направляемъ, въ концѣ концовъ, наши удары, жертвуютъ намъ значительные капиталы на вооруженное возстаніе! (объ этомъ намъ потомъ разскажетъ Алексѣй Максимовичъ!)

Горькій ухмыльнулся и сталъ сосать свой усъ, а Ленинъ отпилъ изъ стакана, поправилъ воротничекъ на шеѣ и продолжалъ:

— Такъ вотъ каковъ общій фонъ, на которомъ мы должны сейчасъ дѣйствовать! Болѣе благопріятнаго момента мы едва ли дождемся, а потому надо его ис-

пользовать. Необходимо углублять и расширять революцію, поддерживать ея жертвенный пафосъ и сдѣлать этотъ опытъ въ Москвѣ. Москва подыметъ Петербургъ, подыметъ всѣ фабричные районы, перекинетъ пожаръ возстанія во всѣ крупные центры Россіи, а господа эсеры несомнѣнно взбунтуютъ крестьянство, ибо нельзя допустить, чтобы они не воспользовались этимъ пожаромъ для земельной экспропріаціи.

Взволнованный шепотъ слушателей наполнилъ залъ шумомъ, похожимъ на начавшійся мелкій дождь... Кто-то робко произнесъ:

— А если провалимся?

— Провалимся? И это возможно, товарищи. Я предлагаю опытъ. Въ такомъ дѣлѣ — всегда есть рискъ. Но, если вы будете ждать, когда всѣ въ одинъ голосъ скажете, что пораженіе невозможно, то вы никогда не сдѣлаете этого шага, который все-же придется когда-нибудь сдѣлать. Вы боитесь напрасныхъ жертвъ? Гдѣ-же и когда революціи не требовали жертвъ? Кровь есть смазочное масло революціонной машины. Мало толку, если мы будемъ пѣть „Мы жертвою пали въ борьбѣ роковой!“, а сами будемъ выглядывать изъ-за угла и показывать врагамъ кукишъ въ карманѣ!

Громъ аплодисментовъ загремѣлъ въ залѣ.

— Даже и въ томъ случаѣ, если возстаніе не дастъ намъ видимой побѣды, — оно подниметъ пафосъ революціи и дастъ намъ возможность сдѣлать ее перманентной... А безъ этого — ставьте крестъ надъ могилой революціи и кричите „ура“ конституціи и буржуямъ!.. А кстати перестаньте называть себя и революціонерами...

Ильичъ сѣлъ. Перебросился тихими словами съ Горькимъ. Тотъ ухмыльнулся и дернулъ себя за усъ. Врончъ угодливо топтался около нихъ, напоминая предупредительнаго лакея. Собраніе пребывало въ глубокомысленномъ самосозерцаніи. Одни смотрѣли на свои стаканы съ чаемъ, другіе — съ благоговѣніемъ — на

своего вождя. Несомнѣнно, были тутъ и такіе, которыхъ грызъ червякъ сомнѣній, но въ партіи была чисто военная дисциплина: противорѣчить вождю не полагалось... Можно было бесѣдовать въ частномъ порядкѣ и разрѣшать личныя сомнѣнія вопросомъ: „А какъ вы думаете, Владиміръ Ильичъ, о томъ-то?“ — и слушать, что скажетъ вождь. Вѣра въ непогрѣшимость Ильича была такъ велика, что даже и такое освѣдомленіе нужно было облекать въ осторожную форму: желанія познать отъ пророка и учителя истину.

Нѣкоторая неловкость все-таки была замѣтна. Горькій прогналъ ее излюбленнымъ пріемомъ искусственной простоты и наивности, свойственной людямъ изъ низовъ:

— Можетъ, которые есть пьяницы? Тамъ у меня въ спальной и водка и вино заготовлены!

Сразу всѣхъ развеселилъ. Точно клоунъ въ циркѣ неожиданно выбѣжалъ на арену и выкинулъ несовсѣмъ приличную шуточку.

Вышло что-то въ родѣ антракта. Одни пили чай, другіе бродили по корридорамъ дома и тихо разговаривали. Находились и такіе, которые, подсаживаясь къ Ильичу, осмѣливались спросить:

— А какъ вы, Владиміръ Ильичъ, думаете о томъ-то?

Нерѣшавшіеся поговорить лично съ Ильичемъ, ловили Горькаго и его спрашивали:

— А какъ думаетъ Владиміръ Ильичъ о томъ-то?

Горькій знаетъ все: какъ и о чемъ думаетъ его другъ, и тоже разъясняетъ.

— Оружіе? Это вопросъ техническій! Оружіе найдется. Мало въ Москвѣ оружія? И пушки, и пулеметы. Достанемъ!

Одинъ, въ разговорѣ съ Горькимъ, со всѣмъ согласился, но вскользь замѣтилъ:

— Жертвы большія потребуются! Не вышло-бы въ родѣ Гапоновскаго похода...

— Чего жалѣть-то? Людей на свѣтѣ много. Расплодятся опять!

Врончъ побѣжалъ по комнатамъ и корридорамъ:

— Закусить! Откушать, товарищи!

Врончъ тащилъ корзину съ винами.

„Товарищи“ проголодались и поспѣшно двинулись на призывъ Вронча.

За столомъ стало весело и непринужденно. Сыпались шутки и остроты. Разсказывались революціонные анекдоты про „товарищей“, про царя, про Витте, про Плеханова...

Вотъ тутъ и пришла очередь Горькаго — разсказать про чудаковъ капиталистовъ, дающихъ деньги на вооруженное возстаніе.

Ленинъ подтолкнулъ на это Горькаго:

— Товарищи! Попросите Алексѣя Максимовича разсказать про Московскихъ купцовъ! Это великолѣпная иллюстрація къ моменту. На ней вы поймете, до какой озлобленности довели наши самодержавцы даже именитое купечество!

— Просимъ, Алексѣй Максимовичъ! Просимъ! Просимъ!

Горькій поломался маленько, разыгрывая скромнаго и застѣнчиваго малаго:

— Я говорить не умѣю. Я писать могу, а... Я напишу потомъ!

Конечно, его упросили. Ничего не подѣлаешь, надо разсказать...

— Такъ вотъ! Савву Тимофеича Морозова знаете? Такъ съ нимъ было. Великій князь Москвой управлялъ. Его тогда еще не разорвало бомбой-то. Царь и богъ въ Москвѣ. У него свои законы были, а законы государства Россійскаго не про него, не про князя, были писаны. Онъ и Зубатова, и Трепова открылъ, и погромчики покойникъ любилъ. Ну, царствіе ему небесное и вѣчный покой! Не въ немъ дѣло...

Такъ вотъ! Какъ началась война съ Японіей, началось, конечно, и воровство въ интендантствѣ. Интендантская крыса любитъ полакомиться, и война для нея — вродѣ Свѣтлаго праздника. А Савва Тимофеичъ, хотя и въ меценатахъ искусства числился, но и гражданскаго долга не забывалъ. Денегъ много и размахъ широкій. Вздумалось ему защитниковъ царя и отечества, кровь проливающихъ, облагодѣтельствовать. Не говоря худого слова, прямо къ князю Сергѣю во дворецъ отправился. Привыкъ Савва Тимофеичъ къ почету и уваженію. Человѣкъ въ Москвѣ извѣстный. Да и не только въ Москвѣ. Кто не знаетъ въ Россіи Савву Тимофеевича? Князь не принялъ. Маленько обидѣлся Савва Тимофеичъ. Во второй разъ пріѣхалъ, а предварительно во дворецъ по телефону позвонилъ и сказалъ дежурному, что по важному государственному дѣлу желаетъ князя лично видѣть. А про Савву молва шла, что съ интеллигенціей путается и что либеральнымъ духомъ одержимъ. Вотъ князь и точилъ зубъ на Савву Тимофеича... Такъ вотъ!

Хотя и не хотѣлось князю личнымъ пріемомъ купца почтить, но разъ дѣло государственное, — надо принять.

— Сколько у насъ войскъ противъ Японіи послано? — спросилъ Савва Тимофеичъ.

— Это государственная тайна, неподлежащая оглашенію!

— Ну, хотя приблизительно. Тысячъ пятьсотъ будетъ?

— А зачѣмъ вамъ это знать?

— На своей фабрикѣ для солдатъ одѣяла приготовляю. Такъ мнѣ надо знать, сколько потребуется для всей арміи.

— Поставку взяли?

— Пожертвованіе хочу сдѣлать.

— Похвально. Во всякомъ случаѣ — не меньше пятисотъ тысячъ...

И вотъ Савва Тимофеичъ сготовилъ 500,000 одѣялъ

для солдатъ по особому специальному рисунку, съ гербомъ, изъ какого-то особеннаго матеріала. Всю эту партію онъ передалъ въ „Красный Крестъ“, въ которомъ предсѣдательствовала супруга князя, сестра царицы, Елизавета Федоровна. Вся эта партія одѣялъ по документамъ числилась отправленной въ дѣйствующую армію. Ну, хорошо!

Проходитъ такъ съ мѣсяцъ или побольше и вдругъ Савва Тимофеичъ видитъ... въ оконной выставкѣ одного магазина свое одѣяло. Что за исторія? Въ продажѣ этихъ одѣялъ не должно было появиться: фабрика выпустила ихъ только для фронта. Зашелъ Савва Тимофеичъ въ магазинъ:

— Много-ли у васъ такихъ одѣялъ?

— А сколько вамъ потребуется?

— Мнѣ-бы такъ штукъ пятьдесятъ.

— Сейчасъ имѣемъ только 25, но къ завтраму достанемъ, сколько угодно!

Купилъ Савва Тимофеичъ эти 25 одѣялъ. А прикащикъ увидалъ и спросилъ:

— Почемъ брали, Савва Тимофеичъ, свои одѣяла?

Сказалъ.

— А на Сухаревкѣ можно ихъ купить много дешевле. Я вотъ одно купилъ.

Вотъ тебѣ и „Красный Крестъ“! Обокрали солдатика да въ продажу пустили пожертвованіе-то...

Савва Тимофеичъ къ телефону. — Дайте Кремлевскій дворецъ!

— Кто звонитъ?

— Савва Морозовъ.

— Что угодно?

— Желаю видѣть Его Высочество, князя Сергѣя Александровича, по важному государственному дѣлу! Когда можетъ принять?

Князь полагалъ, что Морозовъ, желая загладить

свои либеральные грѣшки, снова щедрое пожертвованіе сдѣлаетъ во спасеніе души.

Принялъ Савву Тимофеича поласковѣе уже, а тотъ возьми да и заяви при адъютантѣ:

— Осмѣливаюсь доложить, что въ вашемъ „Красномъ Крестѣ“ воры сидятъ!

Великій князь сразу въ бѣшенство пришелъ. Оскорбленіе и супругѣ, и ему, ибо учрежденіе сіе состоитъ подъ ихъ опекой и покровительствомъ. Савва Тимофеичъ объяснить хочетъ, а князь кричитъ, стучитъ по столу кулакомъ:

— Хамъ! Какъ ты смѣешь? Я тебя въ тюрьмѣ сгною!

— Это за что-же, Ваше Высочество? Вы воровъ своихъ туда сажайте, а не насъ — жертвователей...

— Молчать, хамъ! Арестовать!

— Я къ вашимъ услугамъ, Ваше Высочество, но разрѣшите мнѣ сперва по телефону на фабрики распоряженіе дать! У меня больше пяти тысячъ рабочихъ. Безъ моего распоряженія имъ завтра уплаты не произведутъ... и другія дѣловыя распоряженія надо сдѣлать!

— Говори по телефону!

Ну, вотъ! Вызвалъ Савва Тимофеичъ къ телефону своего управляющаго и приказываетъ:

— Завтра фабрики остановить и всѣхъ рабочихъ разсчитать! Я прекращаю дѣло.

Князь отдернулъ Савву Тимофеича отъ телефона:

— Не имѣешь права дѣлать этого! Ты вздумалъ у меня революцію разводить?! Ахъ, ты сукинъ сынъ! Я тебѣ морду набью! Вонъ изъ Россіи!

— Если Вашему Высочеству нравится такое занятіе, бейте!

Князь вдругъ ослабѣлъ отъ гнѣва. Сѣлъ въ кресло.

— Убирайся вонъ! Немедленно, завтра-же, вонъ изъ Россіи! Такихъ намъ не надо!

Приказалъ адъютанту взять съ Саввы подписку о выѣздѣ въ теченіе трехъ сутокъ изъ Россіи и отпустилъ...

Савва фабрикъ своихъ не остановилъ. Онъ перевелъ въ Италію нѣсколько милліоновъ и уѣхалъ за границу...

Въ результатѣ сего происшествія мы имѣемъ пожертвованіе на борьбу съ самодержавіемъ въ размѣрѣ милліона рублей!

Жилъ-былъ именитый купецъ, который помогъ Художественному Театру на ноги стать и меценатомъ всякихъ искусствъ числился, и вдругъ Великій князь его меценатомъ революціи сдѣлалъ!

Хохотъ и громъ рукоплесканій.

А Горькій еще больше развеселилъ публику:

— Хорошіе примѣры заразительны: нашлись и еще именитые московскіе купцы, которые о революціи ходатайствуютъ: Четвериковъ, вдова купца Терещенко, на которой слѣдовало-бы въ благодарность кому-нибудь изъ товарищей жениться. Нѣтъ-ли, товарищи, желающихъ? По моему такъ и въ принудительномъ порядкѣ можно-бы...

Послѣ этого торжественнаго засѣданія начались тайныя совѣщанія на дачѣ Вронча-Вруевича. Здѣсь временно утвердился главный штабъ избранныхъ и начали вырабатывать планъ вооруженнаго возстанія въ Москвѣ.

Въ декабрѣ начались въ Москвѣ забастовки, быстро перешедшія въ открытое вооруженное возстаніе. Улицы въ фабричныхъ районахъ покрылись баррикадами и начались бои. Прѣсня превратилась въ укрѣпленный плацдармъ Ленинской арміи, а Прохоровская фабрика въ штабъ ея. Загремѣли пушки, затрещали пулеметы и защелкали винтовки и револьверы. По городу бродили партизанскія тройки и, строя засады „ссаживали“ пулями скакавшихъ по городу жандармовъ. Весь

городъ жилъ въ трепетѣ... По ночамъ надъ городомъ зловѣще трепыхали пожары.

Разсчеты большевиковъ на поддержку со стороны гарнизона не оправдались. Планы захватить арсеналы съ оружіемъ и пушки провалились.

Уже на третій день было ясно, что возстаніе обречено на провалъ. Хотя Ленинская армія и проявляла геройство, но это было геройство отчаянія. Около недѣли брошенные на убой рабочіе сопротивлялись и умирали ради жестокаго и безсмысленнаго опыта гражданской войны, такой-же никому ненужной, какою была Японская авантюра. Усмиряли жестоко и безпощадно, громили изъ пушекъ дома, фабрики, склады. Прохоровскую мануфактуру, въ которой укрылась, какъ въ последней крѣпости, горсточка смѣльчаковъ, превратили въ развалины.

Остряки называли этотъ разгромъ Ленинской арміи „нашей первой побѣдой послѣ Мукдена."

Максимъ Горькій первымъ бѣжалъ за границу, въ прекрасную Италію, и поселился на островѣ Капри. Тамъже очутились и всѣ будущія знаменитости большевизма, съ Ленинымъ во главѣ.

Савва Тимофеевичъ Морозовъ застрѣлился.

Эта побѣда на внутреннемъ фронтѣ, понизивъ революціонный пафосъ рабочихъ и вообще всей революціи, сильно подняла бодрость духа въ царѣ, правительствѣ и въ придворныхъ сферахъ, а съ другой стороны испугала еще болѣе тѣхъ, кто стоялъ за союзъ съ революціонерами, называя ихъ „друзьями слѣва..."

Вооруженное возстаніе кончилось и началась расправа карательныхъ экспедицій, въ которой не утруждали себя разборомъ правыхъ и виноватыхъ...

Такъ печально кончился первый опытъ соціальной революціи большевиковъ.

Послѣ Новаго года Павелъ Николаевичъ получилъ изъ Москвы письмо отъ Наташи. Она писала, что Петръ

убитъ во время возстанія: онъ командовалъ эскадрономъ и, при взятіи одной изъ баррикадъ, былъ тяжело раненъ и на другой день скончался, не приходя въ сознаніе.

Павелъ Николаевичъ все-таки всплакнулъ потихоньку: когда-то любимый сынъ!

Отъ Леночки онъ скрылъ это письмо, но самъ частенько его перечитывалъ и впадалъ въ печальныя размышленія:

— Братъ Митя погибъ на одной сторонѣ, родной сынъ — на другой... Что-то жизнь готовитъ для послѣдняго въ родѣ Кудышевыхъ, для Женьки?

Павлу-же Николаевичу жизнь не давала опомниться: приближались выборы въ первую Государственную Думу, куда онъ тайно мечталъ пройти...

Некогда горевать и даже некогда отдыхать.

Какъ-бы то ни было, а парламентъ завоеванъ. Пусть это парламентъ ублюдочный, но...

— Но мы еще повоюемъ!

XII.

Если обѣ столицы и крупные центры пережили хотя и сильно укороченный „медовый мѣсяцъ“ конституціи, то необъятная провинція не испытала и этой мимолетной радости. Тамъ конституція началась прямо съ крутыхъ расправъ надъ „незыблемыми основами“ дарованныхъ царемъ свободъ...

Конечно, въ глухихъ мѣстахъ провинціи у жителей средняго просвѣщенія получилось очень превратное сужденіе о благахъ конституціи.

Такъ было, напримѣръ, въ Алатырѣ:

— Чертъ съ ней, съ этой проклятой конституціей! Чтобъ ей лопнуть окаянной! — кричали на всѣхъ перекресткахъ улицъ послѣ скандала съ надзирателемъ, окончившагося убійствомъ ни въ чемъ неповиннаго мальчика.

Почесывали въ затылкахъ и наши знакомые купцы, Тыркинъ и Ананькинъ, на торговомъ дѣлѣ которыхъ и революція и конституція отра́зились только огромными убытками.

Даже такой инстинктивный либералъ, издавна тяготѣвшій къ передовымъ идеямъ, какимъ былъ капитанъ „Стрѣлы", Ваня Ананькинъ, послѣ того какъ высидѣлъ три мѣсяца подъ арестомъ за участіе въ „Алатырской демонстраціи", сопровождавшейся обезоруженіемъ полицейскаго надзирателя, потерялъ аппетитъ къ свободамъ:

— А ну ее, эту конституцію, ко псу подъ хвостъ!

Конституціонная партія Симбирской губерніи, надъ организаціей которой такъ много потрудился Павелъ Николаевичъ, и, казалось, — съ такимъ успѣхомъ, тоже дала трещину по самой серединѣ. Она раскололась на лѣвую и правую. Правая заподозрила лѣвую въ тайномъ республиканизмѣ и начала постройку новой партіи „Октябристовъ", которые и непрочь были получить парламентъ, но при полномъ сохраненіи самодержавія.

Павелъ Николаевичъ, оставшійся лидеромъ лѣвой половины, лѣзъ изъ кожи вонъ, чтобы склеить трещину и доказать, что „нельзя совмѣстить несовмѣстимое", но даже въ прежнихъ друзьяхъ и единомышленникахъ встрѣчалъ отпоръ.

У обѣихъ сторонъ были свои доводы весьма существеннаго характера и потому споры не приводили ни къ какимъ результатамъ:

— Кто создалъ Великую Россійскую Имперію? Монархія. Если-бы царь Иванъ Грозный не взялъ въ кулакъ боярство и превратилъ боярскую думу изъ совѣщательной въ парламентарную, — Великой Россіи не было-бы. Если-бы Петръ Великій вздумалъ устроить парламентъ, то-есть, вашу конституцію, Россію давно-бы сожрали иноземцы. Нужна была самодержавная палка! Въ Россіи 35 процентовъ всякихъ инородцевъ. Они вамъ

покажутъ теперь конституцію! Нѣтъ, нѣтъ, Павелъ Николаевичъ! Ваша конституція имѣетъ скрытое намѣреніе превратиться въ республику... Кто сказалъ „А“, тотъ непремѣнно долженъ будетъ сказать и „Б“, а для Россійской имперіи республика—гибель, ибо тогда имперію развалятъ и подѣлятъ сосѣди, давно мечтающіе свалить, вмѣстѣ съ самодержавіемъ и самую Россію!

— Вы просто испуганы громомъ Московскихъ пушекъ! Кто-же толкнулъ Россію въ омутъ революціи, какъ не ваше самодержавіе? Кто создалъ враговъ на всѣхъ окраинахъ, изъ всѣхъ иноплеменниковъ? Кто развилъ центробѣжныя силы... Я говорю о Польшѣ, Финляндіи, Кавказѣ, Малороссіи, о еврействѣ... Я ничего не имѣлъ-бы и противъ самодержавной монархіи, если-бы мы нашли для управленія великой страной великаго человѣка... Ну, своего царя Соломона! Но Соломоны то, вѣдь, остались только въ Библіи. Для самодержца одной шестой земного шара потребуется гигантъ всѣхъ добродѣтелей: великій умъ, великая сила воли, великая прозорливость и великое благородство души и сердца. Ну, гдѣ вы по нашимъ временамъ обрѣтете такой кладъ? А, вѣдь, иначе опять — сказка про бѣлаго бычка! Опять вмѣсто самодержавія — многодержавіе и произволъ, да произволъ не одного самодержца, а многихъ! Сохрани насъ, Господи, отъ этой сказки про бѣлаго бычка! Возьмите эту дурацкую Японскую войну! Вѣдь, при неограниченной монархіи, мы не будемъ гарантированы отъ новыхъ авантюръ подобнаго характера, а вѣдь эта авантюра изъ великаго и могущественнаго великана сдѣлала политическое и военное ничтожество! Хорошо, если сядетъ на престолъ Соломонъ, ну а если, вмѣсто него,— человѣчекъ средняго достоинства и добродѣтелей, у котораго на дню семь пятницъ и вмѣсто мудрости — однѣ настроенія, пусть даже весьма патріотическаго свойства. Вѣдь, такой человѣкъ, подъ воздѣйствіемъ настроенія, которое легко создается льстецами и прохвостами, мо-

жетъ въ единую минуту, какъ ребенокъ капризный, своимъ подписомъ разрушить то, надъ чѣмъ трудились люди въ теченіе столѣтій! А кромѣ того, есть еще неизбѣжный историческій законъ. При извѣстныхъ историческихъ условіяхъ всѣ страны вынуждаются этимъ закономъ къ измѣненію формъ государственнаго управленія. Почему мы, Россія, должны возвратиться ко временамъ Ивана Грознаго? Вотъ тоже — крестьянскій вопросъ! Въ теченіе двухъ царствованій никакого вниманія въ эту сторону, а, вѣдь, мы сидимъ на бочкѣ съ порохомъ! Насъ ожидаетъ вторичное пришествіе Стеньки Разина... Самодержавіе все время рубитъ тотъ сукъ, на которомъ само-же сидитъ!

— Вотъ я и вижу, что вамъ нужна не ограниченная монархія, а республика и свой республиканскій Соломонъ. Благо онъ готовъ и по фамиліи именуется г. Милюковъ. А мы на такого Соломона тоже несогласны. При его склонности лѣзть въ друзья къ террористамъ и соціалистамъ, выйдетъ не республика, а „рѣжь публику!"

И всѣ серьезные споры кончались обидными другъ для друга шуточками...

— Кто правъ, разсудитъ исторія — говорилъ Павелъ Николаевичъ.

Не будемъ судить и мы, кто ближе къ истинѣ въ этихъ спорахъ интеллигенціи, завоевавшей, наконецъ, право принять участіе въ судьбахъ своего народа.

Но въ чемъ Павелъ Николаевичъ былъ близокъ къ истинѣ, такъ это въ своемъ указаніи на возможность стихійнаго народнаго бунта...

Какъ революціонная, такъ и прогрессивная интеллигенція, выдвинувши на первую очередь завоеваніе политическихъ свободъ и отдавая этой борьбѣ главное свое вниманіе, — оставалась какъ-бы вдали отъ огромнаго мужицкаго царства. У мужика все по прежнему „воля" стояла въ неразрывности съ „землей". А потому

въ смыслѣ политическомъ никакой помощи со стороны крестьянства въ борьбѣ за свободу не замѣчалось. Дѣло господское, барское! Свои собаки дерутся, чужая не приставай!

Будь на престолѣ мудрый Соломонъ, онъ бросилъ-бы мужикамъ „Божью землю" и отъ русской революціи только пухъ во всѣ стороны полетѣлъ-бы даже и завоеванная конституція однимъ мимолетнымъ воспоминаніемъ осталась-бы. И прославился-бы премудрый Соломонъ и закрѣпилъ-бы самодержавіе на много вѣковъ впередъ. Снова превратился-бы въ Бога на землѣ и нестрашны были-бы Россіи ни внутренніе, ни внѣшніе враги...

А Соломона-то и не было!

Когда то исполнявшій его обязанности Витте, хотя и былъ произведенъ въ графы, но это произошло исключительно со страху. А такъ какъ страхъ на верхахъ ослабъ, Витте оказался графомъ безъ графства... и былъ отодвинутъ въ сторонку, какъ ненужный лишній стулъ...

А ужъ какъ онъ, бывало, старался убѣдить царя, что не на дворянинѣ русская земля держится, а на мужикѣ!..

Что-же думалъ теперь русскій мужичекъ въ деревнѣ и въ какомъ видѣ долетѣла до него конституція?

Россія — какъ океанъ, а глаза наши видятъ только, что близко дѣлается.

И вотъ что дѣлалось во владѣніяхъ именитыхъ дворянскихъ родовъ: Замураевыхъ и Кудышевыхъ...

Прежде всего, если конституція съ большимъ опозданіемъ и въ растерзанномъ видѣ долетѣла до городка Алатыря, то до Замураевки и Никудышевки она и совсѣмъ не добралась. Дороги очень скверныя!

Генералъ Замураевъ, какъ предводитель дворянства, и сынокъ его, земскій начальникъ, какъ мудрые администраторы и попечительные отцы своего народа, имѣвшіе наглядный примѣръ, какъ вредно опубликовать

царскій манифестъ о конституціи („Алатырская демонстрація“!), распорядились, чтобы эта вредная бумага съ манифестомъ не читалась въ храмѣ Божіемъ попомъ съ амвона, не расклеивалась по заборамъ и не ходила по мужицкимъ рукамъ, создавая превратное сужденіе въ темныхъ и невѣжественныхъ умахъ.

На ушко вамъ можно сказать, что, хотя генералъ съ сыномъ и почитали себя наивѣрнѣйшими поддаными Его Величества, но послѣ манифеста, потихоньку и съ закадычными пріятелями, подъ водочку и закусочку, возмущались императоромъ, поругивали его неподходящими для званія монарха словами и заводили между собою разговоръ о томъ, какъ было-бы хорошо, если-бы на престолѣ сидѣлъ великій князь Дмитрій Павловичъ съ вдовой убіеннаго великаго князя Сергѣя, Елизаветой Феодоровной въ видѣ регентши!.. А генералъ Дубасовъ — временнымъ диктаторомъ, какъ побѣдитель Московскаго вооруженнаго возстанія... Такъ вотъ Манифестъ о конституціи и оказался здѣсь на положеніи нелегальной прокламаціи со стороны престола!

Но, вѣдь, слухомъ земля полнится. До Алатыря-то не такъ ужъ далеко. Народъ туда-сюда двигается! Были среди крестьянъ и такіе, которые доказывали, что своими глазами видѣли на соборѣ въ Алатырѣ „Манихестъ“ и, хотя какъ неграмотные, сами не читали, но видѣли, какъ читали грамотные и про между собой разговоры имѣли. Утверждали даже больше: въ Манихестѣ этомъ и про землю есть!

— А почему-же у насъ объ энтомъ Манихестѣ въ церкви не объявляютъ?

— Сказываютъ, что господа не приказываютъ.

Ходили къ попу:

— Что-же ты, батька, про Манихестъ въ церкви не прочитаешь намъ?

— Я что-же? Я дѣлаю, что прикажутъ власти. Никакого манифеста я не получалъ и ничего не знаю. Го-

ворятъ, что была объявка о конституціи, а что это за штука, — хорошенько не знаю и ничего вамъ сказать не могу. Не мое дѣло. Идите къ властямъ придержащимъ, къ становому или урянику! Я тутъ не при чемъ, мое дѣло крестить, повѣнчать, причастить, похоронить васъ, а до остального я не касаюсь...

Попикъ зналъ, что манифестъ вышелъ, но имѣлъ уже разговоръ съ генераломъ и земскимъ начальникомъ и получилъ добрый совѣтъ — молчать. А совѣтъ отъ предводителя, который съ архіереемъ знакомъ, не простой совѣтъ: не послушайся этого совѣта, такъ и приходъ хорошій потеряешь.

Нашлись три смѣльчака, которые земскаго начальника спросили.

— Вамъ было объявлено, чтобы вы, по приказу царя, слушали предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ? Мной это объявлялось своевременно...

— Такъ точно. Слыхали отъ вашей милости.

— Такъ вотъ вамъ и еще совѣтъ: вамъ ужъ прописали разъ манифестъ за разгромъ амбаровъ въ Никудышевской экономіи? Поротые?

— Я дѣйствительно, поротый...

Двое другихъ оказались непоротыми.

— Вотъ я и даю совѣтъ: не суйтесь туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ, начальство само знаетъ, что объявить и когда объявить! А иначе и непоротые окажутся поротыми за любознательность. А тебѣ, поротый, сколько всыпали?

— Мнѣ-то?.. Мнѣ маленько... только пятнадцать розогъ дали и то не такъ чтобы сильно.

— Значитъ, надо еще дать 30 да побольнѣе. Вотъ и не будешь зря беспокоить земскаго начальника... Манифеста захотѣлъ! Я тебѣ такой манифестъ на ж..ѣ пропишу да на показъ всей деревнѣ выставлю безъ штановъ-то, что въ другой разъ охота пройдетъ пустяками

заниматься. Работать надо, а не ждать подачекъ отъ царя!

— Такъ точно! Прощенья просимъ ваше сіятельство...

Тайная смута ползаетъ по деревнямъ. Изъ Симбирска перетолкованныя газетныя сообщенія прилетаютъ въ деревни въ неузнаваемомъ видѣ. Вотъ въ Москвѣ, сказываютъ, господа съ властями изъ пушекъ по манихесту палили и загубили бѣднаго народа видимо-невидимо.

— Прячутъ господа его!

Помогло этому подозрѣнію еще одно обстоятельство.

Когда окончилась позорная Японская война, армія ждала съ понятнымъ нетерпѣніемъ возвращенія на родину. И по закону она имѣла такое право. Но правительство боялось пустить озлобленную неудачами и дезорганизованную солдатскую массу въ Россію, объятую въ то время огнемъ революціонныхъ страстей. Да оно и не ошиблось: именно на эти озлобленныя массы, между прочимъ, расчитывалъ Ленинъ при своемъ опытѣ вооруженнаго возстанія. Чтобы удержать эти массы озлобленныхъ людей въ далекой Сибири, въ правительствѣ зародился и обсуждался проектъ надѣленія солдатъ, участниковъ войны, землею за счетъ огромнаго земельнаго запаса въ Сибири. Этимъ расчитывали не только вознаградить защитниковъ Безобразовской авантюры, но и погасить начавшіеся въ дезорганизованной арміи вспышки все учащающихся бунтовъ. Въ свое время объ этомъ проектѣ писалось въ спеціальныхъ военныхъ газетахъ и журналахъ и оттуда это проникло въ солдатскія массы.

— Пишутъ въ газетахъ, что землю дадутъ, но только въ Сибири.

— Почему-же это мужика въ Сибирь, когда въ Рассеѣ земли достаточно?

Разговоровъ о томъ, что земля будетъ дана въ

вознагражденіе за то, что воевали за царя и отечество, конечно, было много, и, когда въ Россію начали просачиваться изъ Сибири бѣглые солдаты и отпущенные инвалиды, вмѣстѣ съ ними начали залетать и слухи о скорой царской милости, о землѣ.

Землю ждали. Манифеста ждали. Узнали, что манифестъ вышелъ...

А манифеста не объявляютъ. Прячутъ. Кто? Да, конечно, тѣ, кому манифестъ невыгоденъ, кто владѣетъ землями. А начальство всегда за господъ!

Вотъ и разгадка. А государственные мудрецы въ лицѣ представителей опоры трона, въ родѣ отца и сына Замураевыхъ, лишь подтверждаютъ своимъ поведеніемъ, что земля царемъ дана уже, но что господа и начальство снова хотятъ обмануть и царя и народъ...

Это было такъ логично и напоминало правду: психологія Замураевыхъ была именно такова. Мужики чуяли ее инстинктомъ. Неправы они были только въ томъ, что всѣхъ господъ и помѣщиковъ равняли въ одинъ рядъ. Гдѣ имъ было разобраться въ той существенной разницѣ, которая была между генераломъ Замураевымъ и Павломъ Николаевичемъ Кудышевымъ?

— Всѣ они другъ за дружку держатся.

Ужъ на что такъ близокъ былъ Григорій со своей Ларисой къ мужику и деревнѣ, а и тутъ мужикъ оскверпялъ искренность отношеній своей подозрительностью:

— Человѣкъ-то онъ хорошій, прямо сказать, — святой человѣкъ, мухи не обидитъ, а не то, что хрестьянина... Завсегда помочь радъ. Это вѣрно. Ну, а все-таки, какъ говорится, свой своему поневолѣ братъ. Кому господа управленіе своей землей передали? Намъ вотъ, небойсь, не отдали... Вотъ то-то и оно-то...

— Ну, а теперь по закону вся земля отошла послѣ старой барыни къ обоимъ братьямъ: Павлу Миколаичу и Григорію Миколаичу. Теперь и онъ помѣщикомъ сдѣлался.

— Правильно, старики! Отказался тогда жалобу-то въ царскій комитетъ подать? Кому охота на царя жалобу писать?

Недавно Павелъ Николаевичъ на денекъ въ отчій домъ пріѣхалъ по своимъ дѣламъ. Пришли старики къ нему.

Павелъ Николаевичъ точно родныхъ принялъ: со всѣми за руку подержался, по кресламъ ихъ разсадилъ, прямо не нарадуется гостямъ. А мужики себѣ на умѣ. О Манифестѣ ни слова. Окольными путями подходятъ:

— Ну, какъ живъ-здоровъ?

— Спасибо, старики!

— Ну, вѣдь, ты самъ-то ужъ вонъ сѣдой... И тебѣ и намъ помирать время приходитъ...

— Поживемъ еще, старики. Куда торопиться.

— Это правильно. Живой о живомъ и думаетъ... Та-акъ...

— А мы насчетъ аренды пришли. Вѣдь, земля таперь тебѣ съ Григоріемъ Миколаичемъ принадлежитъ... Ходили этто мы къ нему, а онъ сказываетъ, что окромя хутора онъ ничѣмъ не владѣетъ... Выходитъ, что ты одинъ владатель-то!

— Покуда и я — не владѣтель: завѣщаніе еще не утверждено. Всякія непорядки по городамъ задержали. И потомъ оспаривается внукомъ наслѣдницы...

— Та-акъ... Стало быть, выходитъ нѣтъ хозяевъ-то?

— Хозяева имѣются, но закономъ еще не признаны, не утверждены должнымъ законнымъ порядкомъ...

— Та-акъ...

Старики либо поддакивали, либо молчали, а въ ихъ душахъ все сильнѣе возрастало и укрѣплялось недовѣріе: „дуракомъ прикинулся! А мы и сами можемъ дурака-то валять!“

Павелъ Николаевичъ самъ, было, заговорилъ про конституцію, про разныя свободы, а про землю и за-

былъ сказать. У кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ.

Если-бы спросили старики, конечно, правду-бы сказалъ. А они изъ осторожности промолчали. Арендную плату все-таки Павелъ Николаевичъ согласился уменьшить ровно вдвое. Изъ благороднымъ чувствъ и побужденій „справедливой оцѣнки"... И что-же получилось въ результатѣ?

Очутившись на улицѣ, старики въ одинъ голосъ сказали:

— Такъ оно и есть! Вѣрно выходитъ. Прячутъ они.

— Григорій говоритъ, — земля не моя, и этотъ братъ — тоже „я не владѣтель"!..

— А небойсь, отъ аренды не отказался: хоть половинку, а получить съ насъ охота!

— Ничаво не надо давать. Видать, что земля отойдетъ отъ нихъ. А шила-то въ мѣшкѣ не спрячешь. Обнаружится оно. Вотъ они и вертятъ хвостами-то, какъ лиса въ загонѣ. Я не я и земля не моя! Сколь-нибудь, а только поскорѣй заплати!

— А про манихестъ невзначай обмолвился-же!

Григорій сразу почувствовалъ перемѣну отношенія къ себѣ со стороны мужиковъ: столько лѣтъ строилъ мостъ дружбы и довѣрія и вдругъ мостъ рухнулъ и всѣ труды пропали даромъ: снова превратился для нихъ въ „барина"!..

Конечно, думалъ онъ, въ этомъ виновато проклятое имѣніе: перемѣна началась съ того дня, когда онъ согласился временно замѣнить управляющаго, и особенно стала замѣтной послѣ того, какъ онъ очутился въ „наслѣдникахъ". Съ этой поры даже и въ своемъ домѣ, за заборомъ, что-то какъ будто треснуло.

Работая по вечерамъ надъ своимъ сочиненіемъ „О путяхъ ко граду Незримому", Григорій иногда слышалъ, какъ Лариса съ отцомъ ведутъ разговоръ о томъ, къ кому и чтѝ перейдетъ по наслѣдству: кому какія угодья,

кому — барскій домъ и кому — бабушкинъ домъ въ Алатырѣ. Слишкомъ горячо велись эти разговоры, особенно со стороны Ларисы. Лариса настаивала на своихъ правахъ:

— И барскій домъ и бабушкинъ въ Алатырѣ — обоимъ братьямъ, стало быть, — и намъ. Либо ужъ такъ надо: если Павлу Миколаичу — бабушкинъ домъ, такъ намъ — здѣшній...

— Здѣшній былъ·бы намъ сподручнѣе!

Вѣковая мужицкая жадность къ землѣ пробудилась вдругъ въ душахъ Ларисы и Лугачева съ такой силою, что побѣдила въ нихъ религіозно-сектанское вѣроученіе, въ основѣ котораго лежала идея первыхъ христіанскихъ общинъ.

Впрочемъ, и раньше этотъ христіанскій коммунизмъ больше словесно украшалъ вѣроученіе, а въ жизни осуществлялся весьма условно и относительно: тутъ натуральная повинность давно замѣнилась денежной: вкладами въ кассу своего „Корабля“.

Такъ что и дома, за заборомъ, Григорій началъ разсматриваться, какъ „баринъ съ наслѣдствомъ“.

Это рождало въ немъ чувство одиночества даже и на хуторѣ. А весной 1906 года случилось несчастіе, которое окончательно измочалило душу Григорія Николаевича.

Сгорѣлъ хуторъ. Лариса ходила ночью на подволоку и уронила керосиновую лампу. Чуть только и сама успѣла выскочить. Въ какой-нибудь часъ времени отъ хорошо высохшаго сосноваго дома со службами осталась только груда золы, углей да всякаго мусора, надъ которой возвышался, въ видѣ перста въ небо, кирпичный дымоходъ...

Пришлось всѣмъ хуторянамъ переселиться въ отчій домъ.

Здѣсь Лариса почувствовала и повела себя уже настоящей хозяйкой и барыней, а черезъ нее и Петръ

Трофимовичъ Лугачевъ почувствовалъ себя въ барскомъ домѣ своимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ самочувствіе Григорія Николаевича становилось все хуже и хуже. Какъ въ Никудышевкѣ, такъ и въ собственномъ семействѣ, онъ дѣлался въ родѣ шестого пальца на рукѣ.

Съ исчезновеніемъ хутора Григорій Николаевичъ точно потерялъ самого себя. Потерялъ и всѣ пути праведной жизни. Даже капитальное сочиненіе „О путяхъ ко Граду Незримому“, куда онъ уходилъ, какъ-бы странникъ, на поклоненіе своимъ духовнымъ святынямъ, теперь сразу какъ-то потеряло свой сокровенный смыслъ.

Надвинувшаяся опасность сдѣлаться помѣщикомъ навалила огромную тяготу на его нѣжную чувствительную душу. Раньше спасался на хуторѣ, за заборомъ, и заборъ этотъ давалъ нѣкоторое моральное успокоеніе, какъ символъ непричастности къ дворянской жизни и ея неправдѣ, а тутъ и хуторъ сгорѣлъ и заборъ мужики растащили, а въ добавокъ и жить пришлось въ помѣщичьемъ домѣ...

Въ послѣдній пріѣздъ старшаго брата Григорій пробовалъ разрѣшить мучающій его вопросъ: заговорилъ съ Павломъ Николаевичемъ на эту тему, но облегченія не получилъ:

— Объ этомъ, Гриша, рано говорить. Пока законъ не утвердилъ насъ въ правахъ наслѣдства, распоряжаться имѣніемъ мы не можемъ. Ни дарить, ни продавать. А когда утвердятъ, — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ нескоро. На путяхъ къ утвержденію встало неожиданное препятствіи, которое потребуетъ большихъ и долгихъ хлопотъ. Дѣло, видишь-ли въ томъ, что мой сынъ, а твой племянникъ, Петръ Павловичъ, вскорѣ послѣ смерти нашей матери заявилъ свое право на участіе въ наслѣдствѣ. Нашелъ какихъ-то свидѣтелей, что наша мать нѣсколько разъ утверждала, что оставитъ имѣніе своимъ внукамъ и будто-бы даже оставила соотвѣтствующее

сему завѣщаніе. Петръ, какъ тебѣ извѣстно, погибъ въ Москвѣ и дѣло страшно осложнилось. Жена его имѣетъ на рукахъ завѣщаніе отъ мужа, въ которомъ ей отказывается въ случаѣ его смерти и воображаемая часть нашего имѣнія. Мать завѣщаніе въ пользу внуковъ дѣлала, но потомъ уничтожила. Все это, конечно, со временемъ будетъ выяснено, но не скоро. Пройдетъ годъ, а можетъ быть и два. Ну, а затѣмъ... Ты намекаешь на желаніе раздѣлиться? Все это тоже потребуетъ большого времени. Вѣдь, имѣніе — не пирогъ, который разрѣзалъ пополамъ и кушай! Я тоже не имѣю желанія быть помѣщикомъ, но, вѣдь, изъ своей шкуры не вылѣзешь? Къ счастью, дѣло идетъ къ принудительной ликвидаціи помѣщичьяго землевладѣнія, и мы оба освободимся отъ тягостной ноши, которая собственно ничего, кромѣ опасности и непріятностей, не заключаетъ теперь въ себѣ... Но, я, къ сожалѣнію, связанъ партійной дисциплиною и обязанъ не дарить, а продать землю... и не прямо мужикамъ, а государству по справедливой оцѣнкѣ...

— Я у васъ въ партіи не состою и никакой оцѣнки не желаю! — застѣнчиво покашлявъ въ кулакъ, прошепталъ Григорій. — Я желаю подарить мужикамъ свою часть...

— Тогда жди! А возможно и такъ: прежде чѣмъ насъ утвердятъ въ правахъ наслѣдства, выйдетъ законъ объ отчужденіи. Боюсь, что въ этомъ случаѣ пріѣдетъ сюда правительственная комиссія, произведетъ оцѣнку земли и мы получимъ выкупныя деньги и подѣлимъ ихъ. Тогда можешь отдать мужикамъ деньги...

— Ну, а что мнѣ надо сейчасъ сдѣлать?

— Сидѣть смирно и ждать. Я поручилъ дѣло Симбирскому адвокату. Пока дѣло не совершитъ своего полнаго круговорота, ничего не подѣлаешь...

Григорій вздохнулъ и долго сидѣлъ въ молчаніи. Потомъ всталъ и переспросилъ:

— Такъ ничего нельзя придумать?

— Да придумать-то мало-ли чего можно, только сдѣлать-то нельзя! — пошутилъ Павелъ Николаевичъ, и они простились.

Возненавидѣлъ Григорій свой отчій домъ и совершенно пересталъ заниматься дѣлами имѣнія. Уходилъ на свое погорѣлое мѣсто и тамъ копался и рылся...

Всѣми дѣлами въ имѣніи ворочали Лариса съ отцомъ. Лариса начала подозрѣвать, что съ Григоріемъ что-то неладное:

— Самъ съ собой разговариваетъ, въ мусорѣ роется, — ищетъ все чего-то: вчерась за обѣдомъ все молчалъ, а потомъ ни съ того ни съ сего: — шляпку, говоритъ, покупай! — и давай смѣяться. Я индо испужалась! Не помутился-ли ужъ онъ въ разумѣ, не дай Господи! Никудышный совсѣмъ сталъ...

— Съ пожара сталъ такой... Испужался, видно, тогда... А съ испугу-то люди и помираютъ которые... А ежели, не дай Богъ, помретъ, вся земля въ руки Павлу Миколаичу попадетъ... — тихо говоритъ старикъ Лугачевъ дочери.

Это подозрѣніе насчетъ умственнаго состоянія „барина“ съ каждымъ днемъ возростало, какъ со стороны членовъ семейства, такъ и со стороны никудышевскихъ мужиковъ и бабъ. „Непонятнаго“ сталъ много говорить. Загадками все разговариваетъ, въ родѣ какъ „блаженный“.

Поймала разъ его Лариса: затопилъ печку своимъ сочиненіемъ!

— Очищаюсь! — говоритъ.

— Три года, а то и больше, писалъ, а теперь печку топишь?

— Пять лѣтъ писалъ!.. Можетъ быть, и всю жизнь прописалъ-бы, женщина, если-бы не узрилъ тебя въ обнаженіи!

— Чаво болтаешь, и самъ не понимаешь, Гришенька...

— Перешагнулъ я черезъ всѣ лѣса и горы жизни

человѣческой, а она, какъ песъ злобный, гонится по пятамъ за мною.

— Не въ себѣ онъ!

— Только-бы не померъ покуда...

Однажды взвалилъ за спину пещеръ лыковый, взялъ падожокъ черемуховый въ руки и, поклонившись отчему дому, пошелъ куда-то. Не простился ни съ кѣмъ.

Лариса въ домѣ хлопотала; отецъ ея въ полѣ былъ. Хватились, а Гришеньки нѣтъ. Ждали, искали. Въ деревнѣ говорили, что по Алатырскому тракту пошелъ. Подумали, что въ Алатырь къ брату пошелъ, вернется. Но прошла недѣля, — нѣтъ, другая — нѣтъ. Послали письмо — справились, — не бывалъ.

Заявили въ Волостное правленіе, что „баринъ безъ вѣсти пропалъ"...

Но спустя такъ недѣли три Павелъ Николаевичъ письмо получилъ со штемпелемъ Константинополя:

„Дорогой братъ во Христѣ, Павелъ Николаевичъ!

Всю жизнь я искалъ путей спасенія въ мірѣ семъ и не нашелъ. Блаженъ, иже вмѣститъ его. Я не могъ одолѣть подвига сего и потому ухожу, отрекаюсь отъ всѣхъ званій и состояній моихъ, умиленно прошу всѣхъ простить меня, если обидѣлъ кого словомъ, дѣломъ или помышленіемъ своимъ.

Въ міру Григорій, а нынѣ рабъ Божій грѣшный инокъ Феофилъ".

Павелъ Николаевичъ прочиталъ это коротенькое, письмо, пожалъ плечами и раздраженно прошепталъ:

— Окончательно спятилъ!

Пошелъ къ Леночкѣ подѣлиться сенсаціонной новостью, а Леночка точно обрадовалась:

— Онъ давно уже того... Неужели ты не замѣчалъ? Куда-же это онъ?..

— Куда? Вѣроятно, — на Афонъ...

— Ну, а какъ-же теперь съ наслѣдствомъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... Хотя-бы поговорилъ, посовѣтовался... Этой бумаженки мало. Потребуется формальное отреченіе отъ наслѣдства... Гдѣ его теперь найдешь?

— Какъ онъ теперь называется?

— Феофилъ.

Леночка стала хохотать:

— Феофилъ! Феофилъ! Это такъ идетъ къ нему. Онъ всегда былъ Феофилъ!..

Павелъ Николаевичъ нахмурился:

— Не уговорили-бы его монахи пожертвовать свою долю въ монастырь! Положимъ, въ письмѣ ясно сказано: отрекаюсь отъ всѣхъ званій и состояній, но это все-же только частное письмо... Эхъ, идіоты царя небеснаго!..

XIII.

Павелъ Николаевичъ чувствовалъ себя „побѣдителемъ“. Онъ такъ гордо несъ теперь свою красивую сѣдую голову, что Леночка уже перестала называть его Малявочкой, а придумала другое:

— Ты — мой орелъ!

Павелъ Николаевичъ пріятно улыбнулся и, чувствуя смущеніе (дѣло происходило при посторонних), смягчилъ нетактичность неумѣстной супружеской интимности шуткой:

— Согласенъ быть, если это тебѣ такъ нравится, даже и орломъ, но только не двуглавымъ!

Онъ только что вернулся въ бабушкинъ домъ изъ Симбирска, гдѣ происходило тайное совѣщаніе мѣстнаго губернскаго комитета конституціонно-демократической партіи, вернулся общепризнаннымъ „вождемъ“, съ сознаніемъ своей многозначительности въ исторіи русской революціи, завершившейся завоеваніемъ парламента...

Помимо того, онъ вернулся еще съ надеждою по-

пасть въ этотъ парламентъ и съ тайной мечтою сдѣлаться въ будущемъ однимъ изъ министровъ „отвѣтственнаго передъ народомъ правительства", которое еще предстояло завоевать...

Ликованіе души Павла Николаевича было такъ бурно, что невольно передавалось и Леночкѣ. Оно помогало ей оторваться отъ личнаго горя, вызваннаго потерею старшаго сына, Петра. Поплакала и примирилась. Облеклась, было, въ отсутствіе мужа, въ трауръ, но проносила его только до пріѣзда Павла Николаевича: ему это не понравилось. Поморщился и сказалъ:

— Во первыхъ, зачѣмъ афишировать свое горе? Кому оно теперь интересно? А затѣмъ, мнѣ просто не хочется и тяжело вспоминать о Петрѣ... Богъ съ нимъ совсѣмъ! Возможно, что это былъ лучшій исходъ и для него и для насъ съ тобой...

Ну, Леночка и переодѣлась. Рѣдко теперь видѣла мужа, а потому, когда онъ, наконецъ, вернулся и, неизвѣстно — на долго-ли? — хотѣлось смѣяться, а не плакать.

Съ пріѣздомъ Павла Николаевича не только ожилъ заколдованный бабушкинъ домъ, а встряхнулся отъ сонливости весь городокъ Алатырь.

— Слышали? Павелъ Николаевичъ вернулся!

— Да ну?

— Вернулся! Только сейчасъ съ нимъ видѣлся... Кучу новостей привезъ... Докладъ сдѣлаетъ... относительно общей оріентаціи и соотношеніи силъ, такъ сказать!

— Это крайне необходимо! А то самъ чертъ теперь не разберетъ, кто кого побѣдилъ: мы — исправника или исправникъ — насъ?

— Его надо въ Государственную Думу-то провести!

— Обязательно его!

Весь городокъ говорилъ о Павлѣ Николаевичѣ, точно именно онъ завоевалъ парламентъ...

А еще говорятъ, что никто не бываетъ пророкомъ въ отечествѣ своемъ!..

Даже тѣ, которые, послѣ скандала съ надзирателемъ и случайнаго убійства мальчика на площади, испугались и проклинали революцію, теперь оправились и рѣшили все-таки лично отъ самого Павла Николаевича узнать, что такое творится на свѣтѣ Божіемъ, и какъ что понимать слѣдуетъ насчетъ разныхъ свободъ, чтобы по неопытности въ тюрьму не попасть...

Около бабушкинаго дома теперь точно у вокзала: все ѣдутъ, ѣдутъ, какъ пассажиры на поѣздъ, а по забору, какъ на извощичьей биржѣ: въ рядъ извощики выстроились.

— Что тутъ такое происходитъ?—спроситъ какой-нибудь проходящій, малоосвѣдомленый въ событіяхъ мѣщанинишко.

— Павелъ Николаичъ пріѣхали домой!

Вотъ и отрицай послѣ этого роль личности въ исторіи! Не наглядное ли доказательство тому, что если нѣтъ героевъ, то ихъ необходимо выдумать?

Изъ мимолетныхъ разговоровъ съ визитерами Павелъ Николаевичъ убѣдился, что здѣшняя публика совершенно отстала отъ событій и потонула въ разныхъ противорѣчіяхъ дѣйствительности, а потому долгъ гражданина и „вождя“ возлагаетъ на него обязанность помочь вообще всей мѣстной интеллигенціи разобраться въ сложныхъ комбинаціяхъ историческаго момента.

Для этого пришлось снова устроить „буржуазные пироги“, вокругъ которыхъ такъ охотно собиралась всегда публика.

Павелъ Николаевичъ на этотъ разъ разослалъ печатныя приглашенія на слоновой бумагѣ:

„Е. Н. и П. Н. Кудышевы просятъ Васъ пожаловать къ нимъ въ четвергъ на будущей недѣлѣ, къ 2

часамъ дня, откушать свободнаго буржуазнаго пирога, съ должными приложеніями, и провести вечерокъ въ пріятной дружеской бесѣдѣ“.

Конечно, на этотъ разъ „буржуазные пироги“ должны были носить исключительно торжественный характеръ, соотвѣтствующій историческому моменту и значительности государственныхъ событій, а потому надо было изобрѣсти тоже нѣчто необычайное. Леночка растерялась:

— Какіе-же нужно пироги?

— Ну, придумай что-нибудь!

Конечно, изобрѣтать пришлось самому-же Павлу Николаевичу. Посердился онъ на то, что у женщинъ вообще плохо работаетъ фантазія и творческое воображеніе и вотъ что посовѣтовалъ:

— Одинъ большой пирогъ, съ осетриной и вязигой, въ видѣ Манифеста 17 Октября. Затѣмъ, поменьше, съ надписями: „Свобода слова,“ „Свобода совѣсти,“ „Неприкосновенность личности...“

— А эти съ чѣмъ?

— Это неважно! Одинъ — съ капустой, другой — съ мясомъ, третій... Ну, сама придумай! Пошевели маленько мозгами-то!

— Знаешь что? Я придумала...

— Ну?

— Я сдѣлаю пломбиръ въ видѣ Таврическаго дворца, гдѣ будетъ Государственная Дума!

— Великолѣпно! Молодчина! Это замѣчательно...

Павлу Николаевичу такъ понравилось это изобрѣтеніе, что онъ даже поцѣловалъ Леночку въ шейку.

Вызвали телеграммой Ваню Ананькина. Онъ прибылъ съ громаднымъ транспортомъ винъ и водокъ, а потому въ этой области появилась фантазія, и даже весьма необузданная. Ваня сдѣлалъ на бутылкахъ наклейки съ надписями: „Народная слеза,“ „Демократическая амброзія,“ „Парламентарная горькая“ и т. д.

Ваня изукрасилъ залъ національными флагами, цвѣточными гирляндами и написалъ красками огромный плакатъ: Россія въ видѣ женщины съ порванными цѣпями на рукахъ...

И вотъ насталъ день великаго торжества. Публики съѣхалось — множество. Дамы разрядились точно — въ театръ на заѣзжаго „гастролера...“ Хотя многихъ и смущалъ появившійся около дома полицейскій, но подъ кровлею героя и эти, запуганные, чувствовали себя все-же въ безопасности, тѣмъ болѣе, что полицейскій стоялъ съ понурой головою и, видимо, самъ чувствовалъ себя нетвердо на этомъ посту.

— Павелъ Николаевичъ! Почему торчитъ полицейскій? — капризно жаловались герою дамы-конституціоналистки.

— Пожалуйста успокойтесь! Полиція охраняетъ порядокъ и безопасность. Она необходима въ любомъ государствѣ и при любомъ государственномъ строѣ...

— И все-таки это ужасно непріятно! Раздражаетъ какъ-то.

— Это самочувствіе — наслѣдіе стараго режима. Перестраивайте душу на новое гражданское самочувствіе. Какъ-никакъ, а мы теперь имѣемъ, кромѣ полицейскаго участка, еще парламентъ. Правда, онъ далеко несовершененъ еще, но все-таки теперь мы повоюемъ!

Нѣкоторые изъ гостей, расчитывая сдѣлать пріятное Павлу Николаевичу, явились съ красными бантиками. Павелъ Николаевичъ снисходительно посмѣялся и деликатненько намекнулъ, что эти бантики — уже пережитокъ: революція кончилась и красный цвѣтъ остался символомъ крайнихъ лѣвыхъ партій, скорѣе враговъ, чѣмъ друзей конституціоналистовъ.

— Нашимъ символомъ теперь является зеленый цвѣтъ!

— Вотъ какъ!?

— Вѣдь, красное знамя — символъ крови, а сейчасъ это уже преступленіе...

— Ничего теперь не разберешь! — срывая красный бантикъ, капризно жалуется окружающимъ молоденькая хорошенькая дама.

Не однѣ дамы чувствовали себя неувѣренно, а и многіе мужчины. Вотъ, напримѣръ, ветеринарный врачъ Кобельковъ, молодой и рьяный либералъ, всегда и по всякому поводу ругавшій правительство и нынѣ записавшійся въ партію Павла Николаевича, съ изумленной физіономіей слушалъ разсказъ своего „вождя“ о Московскомъ вооруженномъ возстаніи и жестокомъ его усмиреніи. Усмиряли пушками и пулеметами, а потомъ еще и карательными отрядами, вообще свойственными самодержавію звѣрскими методами, а Павелъ Николаевичъ никакого возмущенія этой расправой не обнаруживалъ! Совсѣмъ напротивъ: какъ будто-бы даже хвалилъ! Вотъ тутъ и разберись! Нащупываетъ почву:

— Возмутительно... Только у насъ, въ Россіи это и...

— Ну, батенька, революція — вездѣ революція. Если революціонеры строятъ баррикады и разстрѣливаютъ представителей власти, солдатъ, полицію, то что-же дѣлать? Странѣ данъ парламентъ, дана возможность самостоятельнаго законодательства, а потому и борьбы со всякимъ произволомъ и насиліемъ, а они начинаютъ вооруженное возстаніе! Да зачѣмъ оно и кому нужно? Однимъ большевикамъ! Ну, отлично, давайте сражаться! Нельзя-же держать всю страну на военномъ положеніи: это мѣшаетъ всякому положительному творчеству...

— Но пушки?.. стрѣлять въ Москвѣ пушками!..

— Да не все-ли равно? Необходимо было, какъ можно скорѣе, потушить эту безумную кровавую затѣю въ самомъ началѣ... и какими угодно средствами! По

моему, тутъ наше правительство впервые обнаружило пониманіе момента...

Не такъ давно Павелъ Николаевичъ называлъ революціонеровъ „друзьями слѣва“, а тутъ радешенекъ, что съ этими друзьями правительство начало расправляться пушками...

— Вотъ вы — ветеринарный врачъ. Развѣ вамъ не приходится иногда, при эпидеміяхъ, когда онѣ грозятъ распространеніемъ и гибелью скота въ большомъ масштабѣ, прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ и, въ интересахъ страны, убивать даже по одному подозрѣнію...

— Мм... возможно. Мнѣ не случалось, но принципіально я допускаю...

— Такъ и въ данномъ случаѣ! Мы имѣли дѣло съ грозной эпидеміей, которая могла разлиться по всей странѣ. Вы только представьте себѣ, если-бы къ возстанію въ городахъ присоединилось еще возстаніе деревень! Вѣдь, мы всѣ потонули-бы въ хаосѣ и анархіи! Вѣдь, это было-бы въ десять разъ хуже Стенькина бунта!

— Такъ-то оно такъ...

— Этого требовала реальная политика даннаго момента.

Павелъ Николаевичъ вразумлялъ ветеринарнаго врача Кобелькова, а другіе, менѣе храбрые и искренніе, тайно недоумѣвающіе, поучались реальной политикѣ.

Но вотъ влетаетъ Ваня Ананькинъ и громогласно объявляетъ:

— Елена Владиміровна проситъ къ столу!

Сколько всякихъ сюрпризовъ ожидало здѣсь общество!

Идутъ къ столу подъ звуки „Марсельезы“ — это номеръ Вани Ананькина: онъ привезъ граммофонъ съ огромнымъ рупоромъ и спряталъ его за дверью.

Впервые свободно гремитъ воинственная и возбуждающая „Марсельеза“ въ городкѣ Алатырѣ. И ничего

не можетъ сдѣлать ни исправникъ, ни жандармскій ротмистръ! Одно это обстоятельство уже необычайно воодушевляетъ и молодыхъ и пожилыхъ, а тутъ еще буржуазные пироги, какъ знамена: съ священными лозунгами! И аплодисменты, и взрывъ радости и веселья!

Ветеринарный врачъ Кобельковъ маленько испортилъ эту веселую музыку. Стукомъ ножа о тарелку онъ остановилъ общее веселіе:

— Прошу слова!

Всѣхъ удивило, что этотъ Кобельковъ выскочилъ, не давши спокойно покушать. Сосѣдъ даже потянулъ его за рукавъ, чтобы сѣлъ, но Кобельковъ огрызнулся и состроивъ печальное лицо, произнесъ:

— Господа! Въ нашей дружной семьѣ не хватаетъ одного изъ любителей... вѣрнѣе — поборниковъ свободы, а именно Елевферія Митрофановича Крестовоздвиженскаго. Онъ, этотъ храбрый воинъ, погибъ съ честью на поляхъ брани за свободу, которой мы всѣ насладимся... Увы! — ему сіе не суждено. Вѣчная ему память! Почтимъ погибшаго вставаніемъ и молчаніемъ!

Встали, помолчали и сѣли.

Леночка разсердилась на Кобелькова, предположивъ, что онъ испортилъ аппетитъ у всѣхъ гостей. Этого, однако, не произошло. Маленькая заминка, а потомъ все пошло своимъ порядкомъ. Ваня поднялъ настроеніе нечаянной, но весьма остроумной, шуткой. Онъ громогласно произнесъ:

— Манифестъ 17 Октября имѣлъ огромный успѣхъ: его уже скушали безъ остатка! Я разумѣю, господа, пирогъ съ осетриной...

За Ванину остроту публика уцѣпилась и начались варіаціи на ту-же тему, въ связи съ другими пирогами, знаменующими разныя свободы. Вотъ тутъ и наступилъ, такъ сказать, логическій моментъ вмѣшаться Павлу Николаевичу и сказать слово руководящаго и направляющаго значенія:

Господа!

Изъ всѣхъ мимолетныхъ разговоровъ, которые я имѣлъ удовольствіе вести въ нашемъ городѣ и даже съ вами, прежде чѣмъ мы очутились за этимъ столомъ, — я сдѣлалъ заключеніе, что прежде всего я долженъ отвѣтить на вопросъ: кто и кого побѣдилъ въ происшедшей революціи?

Царское правительство такъ долго держало населеніе въ сторонѣ отъ всякаго участія въ политическомъ творчествѣ, что теперь большинство изъ насъ, даже людей вполнѣ культурныхъ во многихъ областяхъ, въ политикѣ чувствуетъ себя какъ въ лѣсу, а есть немало и такихъ, которые способны заплутаться въ трехъ соснахъ.

Вотъ этотъ вопросъ: кто и кого побѣдилъ? — очень многихъ уподобилъ заблудившемуся въ трехъ соснахъ.

Прежде всего, господа, — кто и съ кѣмъ сражался?

Ну, на этотъ вопросъ очень легко отвѣтить: самодержавное правительство сражалось со своимъ народомъ. Кто побѣдилъ? Тоже легко отвѣтить: побѣдилъ народъ, ибо вырвалъ у царя Манифестъ политическаго раскрѣпощенія, въ результатѣ дающій намъ парламентъ. Здѣсь совершенно ясно, кто и кого побѣдилъ.

Далѣе. Самодержавное правительство сражалось съ революціей, направленной къ ниспроверженію всѣхъ основъ современнаго правового государства и устройству на его развалинахъ соціалистическаго строя. Кто побѣдилъ? Тоже легко отвѣтить: побѣдило правительство.

Самодержавное правительство сражалось и съ нами, какъ частью народа. Кто побѣдилъ? Тоже совершенно ясно: побѣдилъ народъ, а именно народная интеллигенція, стремившаяся къ ограниченію самодержавія... Побѣдили мы!

Все это и просто и ясно, и не возбуждаетъ, полагаю, никакихъ сомнѣній. Сложнѣе другіе вопросы, встающіе въ связи съ оцѣнкою политическихъ побѣдъ и оріентаціей среди сложныхъ соотношеній дѣйствующихъ политическихъ силъ...

Мы всѣ такъ долго и мечтательно любили революцію, что намъ нелегко поломать свою интеллигентскую психику и сказать: всякая революція есть неизбѣжное зло, къ которому ведетъ неразумная политическая и экономическая политика государства. Когда это зло преодолѣно, намъ нужно радоваться...

Тутъ недовольно буркнулъ ветеринаръ Кобельковъ:

— Развѣ это революція: стрѣльнули раза три изъ пушки и все кончилось!

Павелъ Николаевичъ иронически взглянулъ на Кобелькова:

— Жалѣть намъ о томъ, что наша революція была значительно скромнѣе Великой Французской — не слѣдуетъ, а нужно радоваться и... одобрить на сей разъ дѣйствія правительства. Надо признаться откровенно, что побѣда правительства надъ революціей и революціонерами есть вмѣстѣ и наша побѣда.

— Несогласенъ! — буркнулъ Кобельковъ.

— Неужели и эту истину нужно разъяснять? — спросилъ Павелъ Николаевичъ, метнувъ недовольнымъ взоромъ на Кобелькова. — Если-бы побѣда оказалась на сторонѣ революціонеровъ, то Манифестъ 17 октября былъ-бы уничтоженъ и замѣненъ манифестомъ коммунистическимъ, Карла Маркса. Для того, кто исповѣдуетъ вѣру Карла Маркса, побѣда правительства есть зло, но для насъ, конституціоналистовъ-демократовъ, эта побѣда — добро: она утвердила наше положеніе и потому это наша побѣда, двойная побѣда: и надъ революціей, и надъ самодержавнымъ правительствомъ!

Оказалось, что и революціонеры и правительство

лили воду на нашу мельницу! Это вовсе не значитъ, что отнынѣ мы съ правительствомъ сдѣлались друзьями.

— Ага! — буркнулъ Кобельковъ.

— Помолчите, мусье Кобельковъ!..

— Реальная политика именно въ томъ и заключается, чтобы удачно лавировать между всякими опасностями на пути и брать правильный курсъ, въ зависимости отъ политическаго момента и борющихся силъ. Нужно умѣть правильно дѣлать ставку!

Чтобы выразить сущность реальной политики въ грубомъ, но наглядномъ образѣ, я сравню ее съ игрою на конскихъ бѣгахъ. Прежде чѣмъ сдѣлать „ставку", игрокъ долженъ взвѣсить всѣ шансы дѣйствующихъ въ состязаніи силъ: какая лошадь и кто ее ведетъ? Какая дистанція? и прочее... И вотъ примѣръ: только кучка обманутыхъ рабочихъ сдѣлала ставку на Ленинское вооруженное возстаніе, которое заранѣе было обречено на неудачу и разгромъ...

Мы безусловные враги съ революціонерами-соціалистами и анархистами, но мы вовсе не друзья и съ правительствомъ, которое пока остается совершенно безотвѣтственнымъ передъ народомъ и его представителями. Сейчасъ у насъ съ правительствомъ какъ-бы временное перемиріе. Мы не хотимъ мѣшать ему водворить порядокъ послѣ революціи, чтобы выборы въ парламентъ и работа его совершались внѣ революціонной орбиты. Но мы отлично знаемъ, что правительство побѣдивъ революціонеровъ, попытается постепенно отобрать у насъ всѣ завоеванія и превратить парламентъ въ простую говорильню. Для такого политическаго діагноза имѣется вполнѣ достаточно данныхъ.

Но, господа, политика имѣетъ свое колесо, которое весьма опасно подвергать опытамъ обратнаго вращенія. А иногда и прямо невозможно. Отъ парламента никакими средствами правительство не избавится. Намъ надлежитъ обратить его въ крѣпость народоправства и

уже исключительно на законныхъ основаніяхъ вести борьбу за расширеніе народныхъ правъ. Наша ставка на весь народъ, а ставка правительства въ борьбѣ съ нами — на реакціонныя силы...

Надо сознаться, — эти силы все-таки весьма значительны, но, въ концѣ концовъ побѣдитъ тотъ, кто поведетъ за собою крестьянство!

Это отлично сознаютъ всѣ борящіяся силы: въ надеждѣ на исконнюю вѣрность и преданность царю со стороны мужика, Государственная Дума построена такимъ образомъ, чтобы мужикъ тамъ былъ хозяиномъ. Наша партія тоже въ первую очередь ставитъ широкую земельную реформу, насильственное отчужденіе въ пользу мужика земель государственныхъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и частно-владѣльческихъ. Та-же ставка и у соціалистовъ-революціонеровъ. Преимущество ставки послѣднихъ заключается въ томъ, что мы предлагаемъ передать мужику землю съ выкупомъ по справедливой оцѣнкѣ, а революціонеры соціалисты безъ всякихъ выкуповъ... Возможно, что тутъ наша Ахиллесова пята...

Весь вопросъ въ томъ, кто первымъ сумѣетъ осуществить историческое право мужика на землю, которую онъ обрабатываетъ въ теченіе тысячелѣтія...

Если мы сумѣемъ предупредить въ законномъ порядкѣ эту передачу земли народу, мы окажемся полными побѣдителями и надъ всѣми революціонными партіями, и надъ самодержавіемъ, хотя-бы уже и ограниченнымъ! Вотъ за эту побѣду я и предлагаю, господа, выпить!

— Да здравствуетъ республика! — выкрикнулъ ветеринаръ Кобельковъ, но его никто не поддержалъ.

Грохотъ апплодисментовъ, крики, визги, звонъ бокаловъ, поцѣлуи, женскій смѣхъ. А Ваня Ананькинъ уже снова пустилъ граммофонъ съ рупоромъ, который оретъ, заглушая всѣ шумы и крики, воинственную „Марсельезу...“

Кобельковъ вскакиваетъ на стулъ и начинаетъ пѣть „Марсельезу,“ дирижируя ножемъ. Остальные присоединяются.

Мимо дома проходитъ исправникъ, слышитъ доносящійся изъ бабушкинаго дома маршъ революціи, но... не знаетъ: дозволено теперь или недозволено пѣть „Марсельезу?“ Вѣдь, есть слухъ, что Милюкова приглашаютъ въ министры...

XIV.

Въ то время, какъ Павелъ Николаевичъ устраивалъ „буржуазные пироги“, Максимъ Горькій, въ благословенной Италіи, на сказочно-прекрасномъ островѣ Капри, устраивалъ „пироги соціалистическіе“.

Если мы побывали на пирогахъ буржуазныхъ, почему бы намъ не побывать и на пирогахъ соціалистическихъ?

Послѣ разгрома вооруженнаго возстанія и начавшихся расправъ карательныхъ экспедицій, всѣ большевистскіе вожди, въ перегонку другъ за другомъ, побѣжали спасаться въ свободолюбивыя государства. Максимъ Горькій осѣлъ на Капри, въ бывшей резиденціи императора Тиверія, и подъ его гостепріимнымъ кровомъ стали собираться всѣ побѣжденные теоретики и практики всеобщей соціальной революціи.

Надо сказать, что Московскій разгромъ весьма таки расхолодилъ и разочаровалъ многихъ изъ свиты Ленина, и прекрасная вилла Горькаго сдѣлалась ристалищемъ безконечныхъ словесныхъ схватокъ, вращавшихся около толкованія текстовъ Карла Маркса и его пророковъ. Появились тайныя уклоны въ ортодоксію, подвергались критикѣ многія уже установленныя пророкомъ Ленинымъ истины, переоцѣнивалась тактика выступленій, особенно вооруженнаго возстанія. Побывавшій въ гостяхъ у Горькаго писатель Леонидъ Андреевъ говорилъ, что

на виллѣ Горькаго — какъ въ синагогѣ во время спора талмудистовъ!.. или какъ въ хедерѣ, когда всѣ ученики, заткнувъ уши, зубрятъ вслухъ священные тексты! Шумъ и крики за версту отъ виллы слышны, а по ночамъ, такъ надъ всѣмъ островомъ носятся...

Самъ Максимъ Горькій усумнился въ другѣ и учителѣ: вооруженнаго возстанія дѣлать не слѣдовало; еслибы даже случайно удалось захватить власть, не было силъ удержать ее въ рукахъ. Вмѣсто ожидаемаго подъема революціоннаго духа получился разгромъ и упадокъ...

Такъ было до пріѣзда на Капри самого вождя и пророка Ленина. Какъ только онъ появился на виллѣ, — всѣ ворчуны, не исключая Горькаго, притихли. Точно расшалившіеся школьники при появленіи строгаго учителя. Всѣ предполагали, что увидятъ вождя печальнымъ, задумчивымъ, а тотъ какъ именинникъ!..

Физіономія, совершенно несоотвѣтствующая историческому моменту. И вообще ни мало не похожъ на побѣжденнаго: въ глазкахъ сверкаетъ обычный хитроватый ироническій огонекъ, потираетъ руки, какъ дѣлаютъ довольные чѣмъ-нибудь люди, подшучиваетъ надъ Луначарскимъ и даже надъ Горькимъ: первому сказалъ:

— Ну, какъ дѣйствуетъ вашъ желудокъ послѣ московскаго вооруженнаго возстанія?

А Максиму Горькому:

— Буревѣстникъ-то вашъ просто курицей оказался!

Максимъ Горькій повелъ плечомъ и пососалъ рыжій усъ, состроивъ весьма неопредѣленную улыбку. Онъ вообще умѣлъ строить глубокомысліе на лицѣ своемъ, рождавшее въ окружающихъ увѣренность, что въ этой геніальной головѣ всегда тайно рождаются великія мысли, но только не хотятъ вылѣзать оттуда на потребу простымъ смертнымъ.

Зяюлилъ около Ленина вездѣсущій Врончъ-Вруевичъ, чувствовавшій себя виноватымъ: онъ далъ свѣдѣніе о томъ, что московскій гарнизонъ, по его сьѣдѣніямъ,

исходящимъ отъ родного брата, военнаго, примкнетъ къ возстанію, а этого не произошло.

Опять по одиночкѣ подходили и словно исповѣдывались въ грѣхахъ своихъ одолѣваемые сомнѣніями „товарищи". Однихъ Ленинъ выслушивалъ съ хитроватой снисходительной улыбочкой, другихъ — съ нахмуреннымъ челомъ и даже раздраженіемъ, а были и такіе, отъ которыхъ онъ отдѣлывался утвердительнымъ или отрицательнымъ кивкомъ головы...

Гдѣ-же пироги? Пили чай, вино, ѣли фрукты, бутерброды...

Вмѣсто пирога былъ докладъ вождя по вопросамъ текущаго момента и пересмотру программной тактики.

И опять, какъ когда-то въ Финляндіи, сперва было похоже, будто докладчикъ — обвиняемый, а всѣ прочіе — присяжные засѣдатели и судьи, а потомъ этотъ обвиняемый превратился незамѣтно въ оправданнаго и самъ началъ напоминать то прокурора, то краснорѣчиваго защитника, то вѣщаго пророка...

— Многіе изъ васъ называютъ Московское вооруженное возстаніе нашимъ разгромомъ. Неужели я такой дуракъ, который надѣялся на побѣду этого возстанія? Я заранѣе шелъ на это пораженіе. Мнѣ необходимъ былъ этотъ первый опытъ, чтобы не идти впредь ощупью. Вѣдь, Марксъ намъ не оставилъ практическаго руководства, военной тактики при гражданской войнѣ. Это былъ только опытъ, первая репетиція соціальной революціи. Значеніе этого опыта громадно. И не только въ смыслѣ технической подготовки къ гражданской войнѣ, а главнымъ образомъ именно своей поучительной неудачей. Идеологія это — одно, а война съ буржуазіей — другое. Тутъ мы должны отбросить идеологію ко всѣмъ чертямъ и дѣйствовать только какъ реальные политики. Еще и теперь, даже среди насъ, коммунистовъ, не мало такихъ, которые были твердо увѣрены, что наша классовая пролетарская побѣда можетъ быть достиг-

нута однимъ классомъ рабочихъ. Кровавымъ Московскимъ опытомъ я хотѣлъ искоренить это вредное заблужденіе идеологической ортодоксіи. Карлъ Марксъ былъ великій теоретикъ, но живи онъ съ нами, онъ сдѣлалъ бы сотни поправокъ къ своимъ текстамъ. Теперь, послѣ Московскаго возстанія, даже коммунистическій идіотъ долженъ согласиться, что произвести въ Россіи соціальную революцію силами одного рабочаго класса невозможно... Вотъ въ чемъ главное значеніе нашего московскаго пораженія. Это случайный эпизодъ въ процессѣ нашей борьбы, цѣнный для будущей побѣды.

Одинъ рабочій не побѣдитъ. Онъ побѣдитъ только вмѣстѣ съ мужикомъ. Тамъ, гдѣ на полтораста милліоновъ только пять тысячъ рабочихъ, — смѣшно и глупо, во имя Марксовой идеологіи, игнорировать милліоны крестьянства. Это до такой степени очевидно, что даже самодержавіе стало цѣпляться за мужика, какъ и идеологи мелкой буржуазіи, эсеры. И намъ, товарищи, безъ мужика тоже не обойтись. Я уже это нѣсколько разъ въ частныхъ бесѣдахъ высказывалъ, а теперь ставлю въ основу пересмотра нашей аграрной программы... Мы должны, во что-бы то ни стало, отвоевать симпатіи мужика отъ эсеровъ... И мы должны мѣшать всѣмъ врагамъ нашимъ свершить аграрную реформу и тѣмъ отнять у насъ самое могущественное орудіе — мужика. Представьте себѣ, что Государственная Дума разрѣшитъ земельный вопросъ и хотя отчасти удовлетворитъ историческую жадность мужика къ землѣ! — На другой-же день наше дѣло проиграно! Предъ нами твердая несокрушимая стѣна многомилліонной мелкой буржуазіи... Исторія показала, что самодержавіе, опирающееся на земельную аристократію, неспособно на этотъ подвигъ, но буржуазная интеллигенція, по скольку она обезземелена и деклассирована, будетъ стремиться къ этому. Тутъ призракъ опасности имѣется... но только призракъ! Го-

сударственная Дума состроена на довѣріи главнымъ образомъ къ земельному дворянству, сильно разбавленному безгласнымъ мужичкомъ. Ну, а земельное дворянство не такъ скоро пойдетъ на подарокъ народу!

Пусть всѣ они, и царь, и правительство, и буржуи изъ Государственной Думы остаются въ спокойной увѣренности, что революція побѣждена и окончилась ихъ побѣдою. Пусть почиваютъ на лаврахъ и упражняются въ краснорѣчіи!

Революція, какъ рѣка, ушла подъ землю, стала незримой, но лишь для того, чтобы, пробѣжавъ невидимо на извѣстномъ протяженіи, вырваться съ новой силою движенія на свѣтъ и волю. Такъ уже случалось. Загнали внутрь и успокоились. Но мы утверждаемъ, что революція живетъ и продолжается и должны, не покладая рукъ, продолжать свою работу. Мы превратимъ Государственную Думу въ нашу свободную каѳедру и начнемъ говорить черезъ головы буржуевъ со всѣмъ пролетаріатомъ, а между прочимъ и съ нашими мужичками...

Само собою разумѣется, что мужикъ есть обыкновенный мелкій буржуй и совсѣмъ намъ не товарищъ въ борьбѣ за всеміриую соціальную революцію. Но мы небрезгливы: мужикъ — прекрасная дубина, которой можно бить по головамъ буржуазіи...

Не изъ буржуазной жалостливости къ мужичку, не изъ слащавой сентиментальности народниковъ мы бросимъ мужику землю! Нѣтъ. На, жри твою землю, а съ ней пожирай и земельную буржуазію! Необходимо всеобщее крестьянское возстаніе, а потому нашимъ лозунгомъ должно быть: конфискація всѣхъ земель крестьянскими комитетами и непремѣнно до учредительнаго собранія, ибо, если учредительное собраніе дастъ землю, мужикъ не пойдетъ за нами...

Воспользовавшись мужицкой жадностью къ землѣ, мы поведемъ мужика на своемъ поводу, и мужикъ

расчиститъ путь для будущей диктатуры пролетаріата!

Ленинъ глотнулъ воды изъ стакана и продолжалъ уже въ повелительномъ тонѣ:

— Но не забывайте, что мужикъ лишь условный другъ нашъ до поры до времени. Роль его исчерпывается расправой съ помѣщиками и захватомъ земель въ масштабѣ всеобщаго мужицкаго бунта. Помните, что крестьянство—не тотъ классъ, который призванъ свершить соціальную революцію. Мы будемъ поддерживать мужицкіе аппетиты лишь до времени, когда диктатура пролетаріата встанетъ на свои ноги. А потому пусть организуются особо пролетаріи города и деревни. Не довѣряйте никакимъ хозяйчикамъ, хотя бы и мелкимъ. Чѣмъ дѣло будетъ ближе къ побѣдѣ мужицкаго возстанія, тѣмъ явственнѣе будетъ обнаруживаться поворотъ крестьянъ противъ пролетаріата. И неизбѣжно наступитъ моментъ, когда намъ придется вести новую войну, съ этимъ мелкимъ буржуемъ!

Вотъ, товарищи, та поправка въ идеологіи и въ техникѣ, которую помогло намъ сдѣлать Московское вооруженное возстаніе. Я думаю, что оно стоило пролитой крови, какъ стоило пролитой крови и „Кровавое Воскресеніе“ 9 Января 1905 года, ибо оно помогло массамъ стряхнуть вѣру въ богоизбранность помазанника Божьяго, Николая II...

Не вѣрьте, что гроза кончилась. Буржуазное солнышко выглянуло, но ненадолго. Международныя капиталистическія столкновенія грозятъ войной. Крестьяне могутъ прервать молчаніе новыми бунтами за землю. Готовьтесь къ послѣднему бою! Онъ не за горами.

Пока я ограничусь сказаннымъ. Завтра, товарищи, мы приступимъ къ пересмотру нашей глупой аграрной программы.

Надо спѣшно перестраиваться... лицомъ къ мужичку! хе-хе-хе...

И вся вилла Горькаго, слѣдомъ за Ильичемъ, за-

хихикала змѣинымъ шипомъ, а потомъ взорвалась громомъ овацій своему вождю и пророку...

Планъ Великаго Провокатора созрѣлъ. Готовился чудовищный обманъ великаго и несчастнаго русскаго народа.

Русскій народъ долженъ былъ по этому плану собственными руками вырыть яму самому себѣ и на своихъ костяхъ выстроить интернаціональный храмъ соціализма...

Не скрывалъ своего заговора Великій Провокаторъ: онъ напечаталъ этотъ чудовищный планъ въ своей статьѣ: „Пересмотръ аграрной программы“, выпущенной въ свѣтъ въ 1906 году.

Развѣ не правда, что главная побѣда Дьявола заключалась въ томъ, что въ него перестали вѣрить?..

Всѣ, умѣющіе читать, напередъ знали о планахъ Великаго Провокатора, но никто не закричалъ о великой угрозѣ національному бытію русскаго народа, никто изъ слѣпыхъ вождей его не помѣшалъ этому заговору. Великаго Провѳкатора пустили въ Россію и дали ему возможность повести за собой слѣпой народъ и предать его, какъ Іуда — Христа, на пропятіе во славу III Интернаціонала.

Евгеній Чириковъ.

Прага. 1930 г.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1 и 2. **Д. С. Мережковскій.** — „Наполеонъ“ т. I и II.
26 и 27. **Д. С. Мережковскій.** — „Атлантида—Европа“.
3, 4 и 16. **Е. Н. Чириковъ.** — „Отчій Домъ“, ром. т. I, II и III.
29 и 30. **Е. Н. Чириковъ.** — „Отчій Домъ“, ром. ч. IV и V.
5. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Заря русской женщины“, очерки.
14. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Русскій попъ XVII вѣка“.
6. **З. Н. Гиппіусъ.** — „Синяя книга“.
7. **Б. К. Зайцевъ.** — „Разсказы“.
8. **А. И. Купринъ.** — „Елань“, разсказы.
20. **А. И. Купринъ.** — „Колесо времени“, разсказы.
9. **И. С. Шмелевъ.** — „Въѣздъ въ Парижъ“, Разсказы.
10. **А. М. Ремизовъ.** — „По карнизамъ“, повѣсть.
11. **К. Д. Бальмонтъ.** — „Въ раздвинутой дали“, поэма о Россіи.
12. **И. А. Бунинъ.** — „Грамматика любви“, разсказы.
15. **В. Н. Ладыженскій.** — „За рубежомъ“, разсказы.
18. **Б. А. Лазаревскій.** — „Лиза“, разсказы.
19, 22 и 23. **С. П. Мельгуновъ.**—„Трагедія адм. Колчака“, ч. I, II и III, т. I.

Учебники:

Л. М. Сухотинъ. — „Исторія Среднихъ Вѣковъ“.

Печатаются:

28. **С. П. Мельгуновъ.** — „Трагедія адмирала Колчака“, ч. III, т. II.
21. **Н. Рощинъ.** — „Журавли“, разсказы.
17. **Н. Теффи.** — „Книга Іюнь“, разсказы.

Готовятся къ печати:

13. **А. М. Ремизовъ.** — „Ровъ львиный“, романъ.
24. **А. В. Амфитеатровъ.** — „Русскій уѣздный городъ XVII в.“
25. **В. Оболенскій.** — „Очерки минувшаго“.
31. **И. Лукашъ.** — „Сны Петра“. Трилогія въ разсказахъ.
32. **И. С. Шмелевъ.** — „Родное“.—Воспоминанія и разсказы.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Вышли изъ печати:

1. **И. С. Шмелевъ.** — „На морскомъ берегу“.
2. **Е. А. Елачичъ.** — „Сильные духомъ“, разсказы.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Вышли изъ печати:

1. **Народныя Русскія Сказки,** вып. 1, 2, 3, 4, 5, 6.
7. **Саша Черный.** — „Серебряная елка“, сказки.
8. **Саша Черный.** — „Румяная книжка“.

Печатаются:

9 и 10. **В. Буличъ.** — Сказки, книга I и II.

Цѣна 55 динаръ.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМИССІЯ.
Палата Академије Наука.
Јакшићева ул., бр. 2. Београд.